This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

gift of

Mr. Lon Curtis

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ

Ренан, Е.

АПОСТОЛЫ

ПРОДОЛЖЕНІЕ КНИГИ

„ЖИЗНЬ ІИСУСА“

Переводъ Ѳ. Н. ЛАТЕРНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загород., д. 17
1907.

BS2625
R3618
1907

Содержаніе.

		стр.
	Вступленіе	1
ГЛАВА I.	Созданіе вѣрованій, относящихся къ воскресенію Іисуса.—Явленія въ Іерусалимѣ	32
ГЛАВА II.	Отъѣздъ учениковъ изъ Іерусалима.—Вторая галилейская жизнь Іисуса . .	48
ГЛАВА III.	Возвращеніе апостоловъ въ Іерусалимъ.—Конецъ періода явленій.	59
ГЛАВА IV.	Сошествіе Св. Духа.—Экстатическія и пророческія явленія	66
ГЛАВА V.	Первая Іерусалимская община	77
ГЛАВА VI.	Обращеніе эллинизированныхъ евреевъ и прозелитовъ	93
ГЛАВА VII.	Церковь какъ союзъ бѣдныхъ.—Учрежденіе діаконата. — Діакониссы и вдовы	100
ГЛАВА VIII.	Первыя гоненія. — Смерть Стефана. — Разсѣяніе первой Іерусалимской общины.	113
ГЛАВА IX.	Первая миссія.—Діаконъ Филиппъ . .	120
ГЛАВА X.	Обращеніе Св. Павла	129
ГЛАВА XI.	Миръ и внутреннее развитіе церкви въ Іудеѣ	145
ГЛАВА XII.	Основаніе Антіохійской общины. . . .	161
ГЛАВА XIII.	Идея апостольства среди язычниковъ. — Св. Варнава.	

никовъ принадлежитъ не ему; Коринѳская община, которую онъ одинъ основалъ, заявляла, что она обязана своимъ существованіемъ ему и святому Петру. Во второмъ столѣтіи Папій и св. Юстинъ не упоминали даже его имени. Только впослѣдствіи, когда устная передача потеряла свою цѣну, когда выше всего стала письменная передача, Павелъ занялъ главное мѣсто въ христіанской теологіи. Павелъ дѣйствительно зналъ теологію, которая была чужда Петру и Маріи Магдалинѣ. Павелъ оставилъ послѣ себя значительныя произведенія, съ которыми не могутъ сравниться произведенія остальныхъ апостоловъ, какъ въ отношеніи ихъ важности, такъ и достовѣрности.

На первый взглядъ кажется, что источниковъ, для охватываемаго этимъ томомъ періода, очень мало и что ихъ совершенно недостаточно. Непосредственныя свидѣтельства имѣются только въ первыхъ главныхъ дѣяній апостоловъ главахъ, историческое значеніе которыхъ даетъ поводъ къ серьезному возраженію. Но свѣтъ, который бросаетъ на этотъ темный періодъ послѣднія главы Евангелій, и, въ особенности, посланія Павла, разсѣиваютъ немного эту тьму. Всякій письменный источникъ даетъ возможность познакомиться не только съ тѣмъ временемъ, когда онъ возникъ, но и съ предшествовавшей эпохой, онъ даетъ ретроспективныя указанія относительно состоянія общества той эпохи, къ которой онъ относится. Написанныя въ періодъ времени отъ 53—62 г. посланія Павла полны указаній относительно первыхъ годовъ существованія христіанской общины,

Въ первой книгѣ нашей „Исторіи происхожденія Христіанства“ („Жизнь Іисуса“) событія были доведены до смерти и положенія во гробъ Іисуса. Мы должны начать изложеніе съ того мѣста, на которомъ мы остановились, то есть съ субботы 4 апрѣля 33 года. Первое время это будетъ какъ бы продолженіемъ жизни Іисуса. Вслѣдъ за мѣсяцами радостнаго воодушевленія, въ теченіе которыхъ великій Основатель положилъ основаніе къ новому строю для человѣчества, эти годы были самыми рѣшающими въ міровой исторіи. Опять таки Іисусъ при посредствѣ священнаго огня, искры котораго онъ заронилъ въ сердца нѣкоторыхъ друзей, создаетъ учрежденія совершенно особаго характера, волнуетъ души и на все кладетъ свой божественный отпечатокъ.

Мы покажемъ какъ подъ этимъ, всегда живымъ и побѣдоноснымъ, несмотря на смерть Іисуса, вліяніемъ укрѣпляется вѣра въ воскресеніе, во вліяніе святаго духа, въ даръ языковъ и въ могущество церкви. Мы представимъ организацію Іерусалимской церкви, ея первыя испытанія, ея первые успѣхи и старѣйшія исшедшія изъ лона ея миссіи. Мы прослѣдуемъ за быстрымъ развитіемъ христіанства въ Сирію до Антіохіи, гдѣ обр зуется вторая столица болѣе важная въ нѣк

ромъ смыслѣ, чѣмъ Іерусалимъ и предназначенная оттѣснить его на второй планъ.

Въ этомъ новомъ центрѣ, гдѣ обращенные язычники составляютъ большинство, мы увидимъ, какъ христіанство окончательно отдѣляется отъ еврейства и получаетъ свое особое названіе, далѣе мы увидимъ осуществленіе великой мысли о миссіяхъ въ дальнихъ странахъ для распространенія по свѣту имени Іисуса. Мы пріостановимся на нѣкоторое время при описаніи торжественнаго момента, когда Павелъ, Варнавва и Іоаннъ Маркъ отправляются выполнять эту великую задачу. Затѣмъ мы прервемъ наше описаніе для того, чтобы бросить взглядъ на міръ, который намѣрены обратить эти смѣлые посланцы. Мы попытаемся дать картину духовнаго, политическаго, нравственнаго, религіознаго и общественнаго состоянія римской имперіи около 45-го года, вѣроятно того года, когда Павелъ отправился въ первый разъ проповѣдывать.

Вотъ что составитъ предметъ второй книги, названной мною „Апостолы“, потому что она описываетъ періодъ общей дѣятельности, въ теченіи котораго соединяется маленькая созданная Іисусомъ семья и группируется вокругъ одного пункта—Іерусалима. Слѣдующая книга, третья, выведетъ насъ изъ этого круга и представитъ почти только одного человѣка, олицетворяющаго въ себѣ болѣе чѣмъ кто либо другой всепобѣждающее и странствующее христіанство: святаго Павла. Хотя онъ себя и называлъ, начиная съ извѣстнаго періода, апост[illegible]чъ не менѣе

званіе это досталось ему не такимъ образомъ, какъ „двѣнадцати“ апостоламъ; онъ второразрядный работникъ и притомъ почти насильно вторгшійся въ среду христіанъ. Въ данномъ случаѣ мы впадаемъ въ ошибку. Такъ какъ мы знаемъ гораздо больше о Павлѣ, чѣмъ о „двѣнадцати“, такъ какъ мы имѣемъ собственныя его посланія и сообщенія изъ первоисточниковъ передающія съ необычайной подробностью нѣкоторыя эпохи его жизни, то мы приписываемъ ему громадное значеніе, чуть ли не превышающее значеніе Іисуса.

Это ошибка. Павелъ великій человѣкъ и при основаніи христіанства онъ игралъ одну изъ самыхъ значительныхъ ролей. Но онъ не можетъ быть сравниваемъ не только съ Іисусомъ, но даже съ непосредственными его учениками. Павелъ не видѣлъ Іисуса; онъ не вкусилъ амброзіи галилейскихъ откровеній. Нѣтъ несправедливѣе ставшаго въ настоящее время моднымъ взгляда, что Павелъ былъ истиннымъ основателемъ христіанства. Истиннымъ основателемъ христіанства былъ Іисусъ. Слѣдующія за нимъ мѣста занимаютъ тѣ великіе, вышедшіе изъ мрака товарищи Іисуса, тѣ вѣрные, страстно преданные ему друзья, которые вѣровали въ него несмотря на его кончину. Павелъ былъ въ первомъ столѣтіи до нѣкоторой степени одиночнымъ явленіемъ. Онъ не оставилъ послѣ себя организованной школы, напротивъ онъ оставилъ послѣ себя ярыхъ противниковъ, которые хотѣли послѣ его смерти нѣкоторымъ образомъ изгнать его изъ церкви и сравнивали его съ Симономъ—магомъ. Утверждали, что заслуга обращенія языч-

дѣйствительно составитель третьяго евангелія, то онъ является также авторомъ „Дѣяній апостоловъ“. Съ этимъ Лукой мы встрѣчаемся въ числѣ сотрудниковъ Павла въ посланіи къ Колоссянамъ, къ Филимону и во второмъ посланіи къ Тимоѳею. Послѣднее посланіе очень сомнительнаго происхожденія. Посланія же къ Колоссянамъ и къ Филимону вѣроятно принадлежатъ самому Павлу, хотя нельзя сказать, чтобы они были самыми несомнѣнными произведеніями Павла. Но во всякомъ случаѣ они написаны въ первомъ столѣтіи и этого достаточно для неопровержимаго доказательства того, что между учениками Павла находился и нѣкій Лука.

Авторъ посланій къ Тимоѳею въ дѣйствительности не является въ тоже самое время авторомъ посланій къ Колоссянамъ и Филимону (если предположить вопреки моему мнѣнію, что послѣднія являются апокрифическими). Немыслимо предположить, что какой нибудь поддѣлыватель создалъ бы несуществовавшаго сотрудника Павла, и навѣрное разные поддѣлыватели не могли бы выдумать ученика Павла съ однимъ и тѣмъ же именемъ. Два обстоятельства придаютъ особую силу этому предположенію. Первое то, что между первыми христіанами рѣдко встрѣчалось имя Луки или Лукана и поэтому нельзя было смѣшать его съ другимъ именемъ, второе то, что Лука, о которомъ упоминается въ посланіяхъ, ничѣмъ не былъ извѣстенъ. По обычаямъ того времени въ началѣ какой нибудь книги поминалось какое нибудь извѣстное имя, какъ мы это видимъ во второмъ по-

сланіи Петра и какъ это вѣроятно было сдѣлано въ посланіяхъ Павла къ Титу и Тимоѳею. Но непонятно, почему въ началѣ было помѣщено обращеніе къ несуществовавшему лицу и притомъ имя котораго было совершенно неизвѣстно. Имѣлъ ли поддѣлыватель намѣреніе прикрыть поддѣлку авторитетомъ Павла? Почему же тогда онъ не воспользовался именемъ самого Павла или, по крайней мѣрѣ, близкихъ ему учениковъ Тита или Тимоѳея? Лука не занималъ никакого мѣста въ традиціи, въ легендѣ, въ исторіи. Трехъ приведенныхъ изъ посланій упоминаній недостаточно, чтобы придать ему извѣстность. Посланія къ Тимоѳею были написаны вѣроятно послѣ Дѣяній апостоловъ. Упоминанія о Лукѣ въ посланіяхъ къ Колоссянамъ и къ Филимону имѣютъ значеніе только одного упоминанія, такъ какъ оба эти посланія составляютъ одно цѣлое. Поэтому я полагаю, что авторомъ третьяго евангелія и Дѣяній апостоловъ является дѣйствительно Лука, ученикъ Павла.

Само это имя, Лука или Луканъ, и то обстоятельство, что Павелъ, обращаясь къ своему ученику, называетъ его врачемъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ объ авторѣ, которыя мы можемъ почерпнуть изъ этихъ двухъ книгъ. Мы уже доказали, что авторъ третьяго евангелія и Дѣяній апостоловъ происходилъ вѣроятно изъ Филиппъ, римской колоніи, въ которой преобладалъ латинскій языкъ. Кромѣ того авторъ третьяго евангелія и Дѣяній апостоловъ плохо знакомъ съ еврействомъ и палестинскими дѣлами; онъ не пони-

маетъ еврейскаго языка, ему присущи идеи языческаго міра и онъ довольно правильно пишетъ по гречески. Евангеліе было написано вдали отъ Іудеи, для людей незнакомыхъ съ ея географіей, которые такъ же мало интересовались раввинской наукой, какъ и еврейскими именами. Предоминирующая мысль автора та, что если бы народъ могъ свободно послѣдовать своему влеченію, онъ обратился бы въ вѣру Христа и что только еврейская аристократія удержала отъ этого народъ. Слово еврей онъ всегда употребляетъ въ неблагопріятномъ смыслѣ, какъ равнозначущее врагу христіанъ. Онъ даже относится довольно благосклонно къ язычникамъ жителямъ Самаріи.

Въ какое время могло быть написано это произведеніе? Лука появляется впервые въ обществѣ Павла во время первой поѣздки апостола въ Македонію, около 52 года. Если предположить, что ему тогда было 25 лѣтъ, то нѣтъ ничего невозможнаго, если онъ прожилъ до 100 года. Дѣянія апостоловъ заканчиваются 63 годомъ. Но Дѣянія апостоловъ были написаны несомнѣнно позже третьяго Евангелія (почти несомнѣнно написаннаго въ слѣдующій за разрушеніемъ Іерусалима годъ), поэтому нельзя предположить, что Дѣянія апостоловъ появились до 71 или 72 года.

Были бы мы увѣрены, что Дѣянія апостоловъ написаны тотчасъ же послѣ Евангелія, то мы могли всецѣло положиться на эту книгу. Но въ этомъ обстоятельствѣ позволительно усумниться. Нѣкоторыя данныя приводятъ къ предположенію, что между временемъ составленія третьяго Евангелія

и Дѣянія апостоловъ прошелъ извѣстный промежутокъ времени и дѣйствительно между послѣдними главами Евангелія и первыми главами Дѣяній существуетъ странное противорѣчіе. Судя по послѣдней главѣ Евангелія вознесеніе имѣло мѣсто въ день Воскресенія. Между тѣмъ какъ судя по первой главѣ Дѣяній Іисусъ вознесся на небо сорокъ дней послѣ воскресенія. Ясно, что эта вторая версія подходитъ ближе къ легендѣ, что она удовлетворяла потребности создать время для различныхъ явленій Іисуса и поставить жизнь Іисуса послѣ смерти въ законченныя и логическія рамки.

Поэтому невольно напрашивается предположеніе, что этотъ новый взглядъ не принадлежалъ самому автору или же онъ воспринялъ его въ теченіе времени между составленіемъ обѣихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательно, что авторъ впослѣдствіи считаетъ себя обязаннымъ прибавить къ своему первоначальному изложенію новыя обстоятельства и развить ихъ. Если бы его первая книга была еще въ его рукахъ, почему онъ не сдѣлалъ въ ней добавленія, которыя взятыя отдѣльно какъ то не вяжутся съ цѣлымъ? Но это не является рѣшающимъ доказательствомъ и одно важное обстоятельство заставляетъ предполагать, что Лука составилъ одновременно планъ всего труда. Это видно изъ стоящаго въ началѣ обѣихъ книгъ обращенія къ Тимоѳею.

Указанное противорѣчіе объясняется можетъ быть небрежностью, благодаря которой всѣ разсказы о жизни Іисуса послѣ воскресенія нахо-

дятся въ полномъ противорѣчіи съ изложеніями жизни его до смерти. Такъ мало обращали вниманіе на то, чтобы соблюдать историческую правду, что повѣствователь нисколько не стѣснялся сопоставлять одну за другой двѣ совершенно несоединимыя системы. Всѣ три разсказа въ „Дѣяніяхъ“ объ обращеніи Павла тоже нѣсколько разнорѣчивы, что просто на просто доказываетъ, какъ мало обращалъ авторъ вниманіе на точность отдѣльныхъ подробностей.

Поэтому можно съ большой вѣроятностью предположить, что „Дѣянія апостоловъ“ были написаны около 80 года. Духъ этой книги дѣйствительно соотвѣтствуетъ времени первыхъ Флавіевъ. Авторъ, видимо старается избѣгнуть всего, что можетъ оскорбить римлянъ. Онъ любитъ указывать на то, какъ благосклонно относились римскія власти къ новой сектѣ, какъ они иногда даже присоединялись къ ней (Центуріонъ Корнелій, проконсулъ Сервій Павелъ), какъ онѣ защищали эту секту по крайней мѣрѣ отъ іудеевъ и какъ высшія власти съ полной справедливостью старались стать выше страстей мѣстныхъ властей. Онъ указываетъ съ особымъ удареніемъ на тѣ преимущества, которыми пользовался Павелъ благодаря своему званію римскаго гражданина. Онъ только бѣгло сообщаетъ въ своемъ разсказѣ факты начиная съ момента прибытія Павла въ Римъ, можетъ быть для того, чтобы не быть принужденнымъ упоминать о жестокостяхъ Нерона по отношенію къ христіанамъ. Здѣсь ясно бросается въ глаза контрастъ съ Апокалипсисомъ, который на-

писанный въ 68 году полонъ воспоминаній о жестокостяхъ Нерона и который дышетъ ужасной ненавистью къ Риму.

Въ „Дѣяніяхъ“ же чувствуется спокойный человѣкъ, живущій въ эпоху мира. Начиная съ 70 года и до послѣднихъ лѣтъ перваго столѣтія положеніе христіанъ было сравнительно сносно. Отдѣльные члены дома Флавіевъ были христіанами. Кто знаетъ, не былъ ли близокъ Лука къ Флавію Клименту, не принадлежалъ ли онъ къ его „familia“ и не были ли написаны „Дѣянія“ для этого могущественнаго лица? По нѣкоторымъ указаніямъ можно предположить, что книга была написана въ Римѣ.

Можно утверждать, что основныя положенія римской церкви оказали вліяніе на автора. Эта церковь, начиная съ перваго столѣтія, имѣла тотъ политическій и іерархическій характеръ, который всегда являлся ея отличительнымъ свойствомъ. Добрый Лука могъ проникнуться этимъ духомъ. Въ его взглядахъ на церковный авторитетъ сказывается уже зародышъ мысли учрежденія епископской власти. Онъ писалъ исторію апостоловъ въ духѣ все преувеличивающаго апологета, который былъ присущъ оффиціальнымъ историкамъ римскаго двора. Онъ поступалъ такъ, какъ могъ поступать ультрамонтанскій историкъ Климента XIV восхвалявшій одновременно и папу и іезуитовъ и старавшійся убѣдить насъ назидательнымъ разсказомъ въ томъ, что въ этой борьбѣ обѣ стороны выказали много благочестія. Черезъ два столѣтія будутъ такимъ же образомъ утверждать, что кар-

диналъ Антонелли и г-де Меротъ любили другъ друга какъ братья.

Авторъ „Дѣяній“ былъ первымъ изъ тѣхъ душевно спокойныхъ, несравненно-наивныхъ разсказчиковъ, которые рѣшительно полагали, что все происходящее въ церкви проникнуто евангелическимъ духомъ. Слишкомъ честный, чтобы осуждать своего учителя Павла, слишкомъ ортодоксальный, чтобы не подчиняться царившему тогда оффиціальному взгляду, онъ обходилъ молчаніемъ различія въ ученіяхъ для того, чтобы только указать одну общую цѣль, которую всѣ эти великіе основатели преслѣдовали столь различнымъ образомъ, среди столь рѣшительныхъ разногласій.

Понятно, что такой человѣкъ менѣе всѣхъ другихъ способенъ передавать происшествія такъ, какъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Историческая правда не имѣетъ для него никакого значенія, главное для него назиданіе. Лука это почти и не скрываетъ, онъ пишетъ „чтобы Ѳеофилъ узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ“. Значитъ тогда уже существовала система церковной исторіи, въ которой оффиціально наставляли и которая, какъ и сама евангелическая исторія, была вѣроятно поставлена въ опредѣленныя рамки. Дѣянія апостоловъ какъ и третье Евангеліе проникнуты тихой набожностью, живой симпатіей къ язычникамъ (что особенно сказывается въ исторіи центуріона Корнелія), духомъ примиренія, необыкновенной любовью къ сверхъестественному, симпатіей къ не-

имущимъ и смиреннымъ, сильнымъ демократическимъ чувствомъ, или вѣрнѣе убѣжденіемъ, что народъ по своей натурѣ чувствуетъ склонность къ христіанству и что только власти препятствуютъ ему слѣдовать добрымъ влеченіямъ, преувеличеннымъ представленіемъ о власти церкви и стоящихъ во главѣ ея, и крайне замѣчательнымъ чувствомъ общественности.

Если бы описать жизнь Іисуса только по одному третьему Евангелію, описаніе вышло бы крайне неточнымъ и неполнымъ. Мы это знаемъ, такъ какъ у насъ есть (не говоря уже о четвертомъ Евангеліи) повѣствованія Матѳея и Марка, являющіяся въ сравненіи съ Евангеліемъ Луки до нѣкоторой степени первоисточниками. Мы указали на то, какъ Лука сознательно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ фактахъ или извращаетъ ихъ, какъ онъ, смотря по своимъ личнымъ взглядамъ, придаетъ событіямъ извѣстную окраску, какъ онъ смѣшиваетъ съ самыми истинными событіями благочестивыя легенды. Не ясно ли, что если бы мы могли сдѣлать подобное сравненіе и по отношенію къ Дѣяніямъ апостоловъ, мы нашли бы ошибки подобнаго же свойства? Несомнѣнно, что тогда первыя главы Дѣяній не могли бы выдержать сравненія съ третьемъ Евангеліемъ, такъ какъ главы эти вѣроятно составлены при помощи менѣе многочисленныхъ и менѣе достовѣрныхъ документовъ.

Но съ точки зрѣнія историческаго значенія Дѣянія апостоловъ раздѣляются на двѣ части: одна заключаетъ въ себѣ первыя двѣнадцать глав

и описываетъ главныя событія первобытной церкви, остальныя шестнадцать главъ второй части всѣ посвящены поѣздкамъ святаго Павла. Эта вторая часть опять таки дѣлится на двѣ части: одну гдѣ повѣствователь ведетъ свой разсказъ въ качествѣ очевидца, другую, въ которой онъ разсказываетъ только то, что ему было сообщено. Ясно, что даже въ послѣднемъ случаѣ авторитетъ его великъ. Часто въ сообщеніяхъ этихъ передаются разговоры съ Павломъ. Главнымъ образомъ къ концу, изложеніе пріобрѣтаетъ необыкновенную силу. Послѣднія страницы Дѣяній единственныя вполнѣ историческія страницы о происхожденіи христіанства. Первыя же, напротивъ, самыя недостовѣрныя изъ всего Новаго Завѣта. Въ особенности при изложеніи первыхъ лѣтъ авторъ пользуется подобными же пріемами какъ и въ повѣствованіи Евангелія. Его разсказъ о вознесеніи сорокъ дней послѣ воскресенія, которое заканчиваетъ театральнымъ образомъ фантастическую жизнь Іисуса, о сошествіи Св. Духа и его пониманіе дара языковъ (столь разнящееся отъ взгляда Павла),—все это указываетъ на эпоху, когда легенда получила уже извѣстную округленность во всѣхъ своихъ частяхъ. Все у него происходитъ съ необыкновенной театральностью и на первомъ планѣ стоитъ все сверхъестественное, чудесное.

Нужно принять во вниманіе, что авторъ писалъ полстолѣтія послѣ событій, далеко отъ страны, гдѣ онѣ разыгрались, писалъ о фактахъ, которые не видѣлъ, не только онъ, но и самъ его учитель, по традиціямъ частью легендарнымъ, а

частью не соотвѣтствовавшимъ истинѣ. Лука не только принадлежалъ къ другому поколѣнію чѣмъ первые основатели христіанства, но и къ другому міру. Онъ былъ эллинистъ, Іерусалимъ и тайны іудейской жизни были ему почти чужды, онъ не входилъ въ соприкосновеніе съ первобытнымъ христіанскимъ обществомъ, онъ даже почти не зналъ его послѣднихъ представителей. При разсказѣ его о чудесахъ чувствуется скорѣе придуманность a priori, чѣмъ извращеніе фактовъ; чудеса Петра и Павла совершенно тождественны. Личности, описываемыя имъ, тоже тождественны, Петръ ничѣмъ не отличается отъ Павла и Павелъ отъ Петра. Рѣчи, вкладываемыя имъ въ уста его героевъ хотя и примѣнены искусно къ обстоятельствамъ, всѣ одного и того же стиля и скорѣе принадлежатъ самому автору. Однимъ словомъ Дѣянія апостоловъ—догматическая исторія написанная съ цѣлью поддержать ортодоксальныя ученія того времени или внушить мысли, наиболѣе нравившіяся благочестивому автору. Добавимъ къ этому, что иначе дѣло и не могло обстоять. Происхожденіе каждой религіи познается только изъ разсказовъ вѣрующихъ. Только скептикъ можетъ писать исторію безъ всякой тенденціи.

Это не простыя предположенія, конъектуры чрезмѣрно недовѣрчивой критики. Это положительныя индукціи; какъ только становится возможнымъ провѣрить повѣствованія автора Дѣяній, мы убѣждаемся, что онѣ систематически ошибочны. Мы можемъ ихъ провѣрить съ посланія

Павла, въ особенности съ посланіемъ къ Галатамъ. Ясно, что въ томъ случаѣ, когда Дѣянія разнорѣчатъ съ посланіями, нужно всегда отдать предпочтеніе послѣднимъ, такъ какъ это источники несомнѣнной достовѣрности, болѣе старые, вполнѣ согласные съ истинной и безъ примѣси легендъ. Историческіе документы тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе они имѣютъ историческую форму. Авторитетность хроники должна уступить мѣсто значенію надписи, монеты, карты, аутентичнаго письма. Съ этой точки зрѣнія посланія опредѣленныхъ авторовъ или опредѣленныя даты являются основами всей исторіи происхожденія христіанства. Можно сказать, что не будь ихъ, сама жизнь Іисуса была бы подъ сомнѣніемъ. Посланія бросаютъ яркій свѣтъ на два очень важныхъ обстоятельства и разоблачаютъ особенныя стремленія автора Дѣяній скрыть разногласіе между Павломъ и апостолами въ Іерусалимѣ.

Кромѣ того авторъ заставляетъ Павла отправиться послѣ событія въ Дамаскѣ въ Іерусалимъ, гдѣ едва знали объ его обращеніи. Въ Іерусалимѣ его знакомятъ съ апостолами, которые принимаютъ его съ большой сердечностью, онъ открыто проповѣдуетъ противъ іудеевъ—элленистовъ и и божественное откровеніе о заговорѣ ихъ противъ него заставляетъ его уѣхать изъ Іерусалима.

Между тѣмъ самъ Павелъ говоритъ совершенно иное. Для того, чтобы доказать, что онъ не зависитъ отъ двѣнадцати апостоловъ и что онъ принялъ Евангеліе черезъ откровеніе Іисуса онъ говоритъ, что онъ избѣгалъ послѣ своего обращенія

спрашивать у кого либо совѣта и не поѣхалъ въ Іерусалимъ къ тѣмъ, которые раньше его были апостолами; что онъ пошелъ проповѣдовать въ Аравію изъ собственнаго побужденія, что онъ спустя три года ходилъ въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ, что онъ пробылъ у него дней пятнадцать, другого же изъ апостоловъ не видѣлъ никого, кромѣ Іакова брата Господня и что церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ онъ лично не извѣстенъ.

Авторъ же „Дѣяній“ старается выставить Павла сотрудникомъ двѣнадцати Апостоловъ, проповѣдывавшаго вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимѣ, отождествляетъ его ученіе съ ученіемъ апостоловъ ограничиваетъ его первую поѣздку Дамасскими синагогами, выставляетъ его ученикомъ которымъ онъ никогда не былъ, уменьшаетъ промежутокъ времени между его обращеніемъ и поѣздкой въ въ Іерусалимъ, дѣлаетъ его пребываніе въ этомъ городѣ болѣе продолжительнымъ, заставляетъ ко всеобщему удовлетворенію проповѣдовать, входить въ общеніе съ апостолами, хотя онъ самъ говоритъ, что видѣлъ только двухъ и указываетъ на то, что братія въ Іерусалимѣ печется о немъ, хотя самъ Павелъ говоритъ, что церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично онъ не былъ извѣстенъ.

Желаніе выставить Павла постояннымъ посѣтителемъ Іерусалима, повидимому, заставило автора приписать апостолу лишнюю поѣздку. По его словамъ Павелъ съ Варнавой во время голода 44 года отправились въ Іерусалимъ съ пособіемъ братіямъ живущимъ въ Іудеѣ. Между тѣмъ Павелъ объяв-

ляетъ положительно, что въ Іерусалимѣ онъ былъ только 14 лѣтъ послѣ перваго своего посѣщенія.

Ясно, въ какомъ мы были бы затрудненіи, если бы полагались только на легендарную книгу „Дѣяній“ апостоловъ. Къ счастью мы имѣемъ посланія Павла. Въ особенности посланіе къ Галатамъ является настоящимъ сокровищемъ, основаніемъ хронологіи того времени, ключемъ ко всему, свидѣтельствомъ могущимъ убѣдить самыхъ величайшихъ скептиковъ въ дѣйствительности самыхъ сомнительныхъ событій. Я прошу серьезныхъ читателей, склонныхъ полагать, что я преувеличиваю или что я слишкомъ легковѣренъ, перечесть первыя двѣ главы этой замѣчательной книги. Несомнѣнно, они являются самыми важными источниками для изученія первобытной христіанской церкви. Что касается „Дѣяній“ то развѣ можно не относиться критически къ этой книгѣ, въ которой приведены факты прямо невозможные? Первыя двѣнадцать главъ сотканы изъ чудесъ. По положительному правилу критики въ историческомъ изложеніи не допускаются чудесныя событія. Это слѣдствіе не метафизической системы, а простого наблюденія. Никогда еще нельзя было доказать факты чудесъ. Всѣ мнимыя чудеса, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются вольнымъ или невольнымъ обманомъ. Если можно было бы доказать хоть одно чудо, то нельзя было бы отвергнуть всѣ чудеса. Чудеса существуютъ только тогда, если въ нихъ вѣруешь. Вѣра порождаетъ сверхъестественное. Католицизмъ утверждающій, что въ немъ еще не угасла сила творить чудеса

самъ подчиняется вліянію этого закона. Чудеса случаются не тамъ, гдѣ онѣ должны были происходить. Почему не пользуются чудесами, чтобы доказать ихъ возможность передъ всѣмъ свѣтомъ? Чудо сотворенное въ Парижѣ компетентными учеными положило бы конецъ всѣмъ сомнѣніямъ. Но увы! Этого никогда не случится! Никогда чудеса не творились передъ массой, которая должна быть обращена, то есть передъ невѣрующими. Необходимое условіе чуда это легковѣрность очевидцевъ. Еще никогда не было сотворено чудо передъ тѣми, которые могли бы его разобрать и обсудить. Не было еще ни одного исключенія. Умный Цицеронъ говоритъ съ своимъ обычнымъ остроуміемъ: „Съ какихъ же поръ исчезла эта таинственная сила? Не съ того ли времени какъ люди стали менѣе легковѣрными?“

Могутъ сказать: „Если невозможно доказать, что когда нибудь были сверхъестественныя явленія, то также невозможно доказать, что ихъ вообще не было. Ученый—позитивистъ отрицающій ихъ, поступаетъ такъ-же произвольно какъ и вѣрующій признающій ихъ“. Ни въ коемъ случаѣ. Утверждающій что нибудь долженъ это доказать. Тотъ, передъ которымъ что нибудь утверждаютъ, долженъ только выслушать доказательство и согласиться съ нимъ, если онѣ дѣйствительны. Если бы потребовали отъ Буффона, чтобы онъ помѣстилъ въ своей Естественной исторіи сиренъ и центавровъ, то онъ навѣрное бы отвѣтилъ: „Покажите мнѣ экземпляръ этихъ созданій, тогда я ихъ помѣщу; до тѣхъ поръ однако онѣ для меня не существуютъ.“—„Дока-

жите, что онѣ не существуютъ!“—„Вы должны представить доказательства ихъ существованія.“ Обязанность предъявлять доказательства въ наукѣ лежитъ на томъ, кто что либо утверждаетъ. Почему больше не вѣрятъ въ ангеловъ, демоновъ, хотя они упоминаются въ массѣ историческихъ документовъ? Потому что никогда не было доказано существованіе ангела и демона.

Для защиты дѣйствительности чудесъ ссылаются на явленія, которыя по естественнымъ законамъ не могутъ имѣть мѣста, напримѣръ на сотвореніе человѣка. „Созданіе человѣка могло послѣдовать только при условіи прямого вмѣшательства божества, почему же этого вмѣшательства не могло быть и въ другіе рѣшающіе моменты мірового развитія?“ Я не буду останавливаться на этой странной философіи и мелочномъ понятіи о божествѣ, такъ какъ исторія должна имѣть свой независимый отъ какой бы то ни было философіи методъ. Легко доказать какъ ложна подобная аргументація. И такъ утверждаютъ, что все, что не можетъ быть объяснено при настоящемъ положеніи науки, сверхъестественно. Значитъ, тогда солнце—чудо, такъ какъ наука далеко еще не яснила его существованія, значитъ человѣче ощущенія—чудеса, такъ какъ физіологія молч по этому вопросу, значитъ совѣсть, тоже чудо, т какъ она является абсолютной тайной, з каждое животное—чудо, такъ какъ происхо жизни до сихъ [illegible] разгаданная про Если отвѣтить, [illegible] знь, каждая принадлежитъ [illegible] природы,

будетъ только игра словъ. Взглянемъ однако на дѣло съ этой точки зрѣнія, но тогда нужно ближе разобрать слово чудо.

Что это за чудо, которое случается каждый день и во всякое время? Чудо не есть необъяснимое, а скорѣе отступленіе отъ извѣстныхъ законовъ во имя особой воли. Мы отрицаемъ чудо въ качествѣ исключенія. Мы полагаемъ, что Богъ живетъ въ каждомъ живущемъ существѣ, но утверждаемъ, что никогда не было особаго вмѣшательства какой-либо сверхъестественной силы. Мы будемъ отрицать реальность этого чудеснаго, сверхъестественнаго, пока намъ не приведутъ подобный фактъ. Указывать на сотвореніе человѣка, чтобы избѣгнуть необходимости привести историческія чудеса, вдаваться въ доисторическія времена и указывать на эпохи, когда всякое доказательство становится невозможнымъ: это значитъ скрываться за облакомъ, изслѣдовать какое-нибудь темное обстоятельство при помощи еще болѣе темнаго, оспаривать всѣмъ извѣстный законъ изъ за неизвѣстнаго намъ факта. Ссылаются на чудеса, имѣвшія мѣсто прежде, чѣмъ существовалъ хоть одинъ свидѣтель, вмѣсто того чтобы привести свидѣтеля, который могъ бы подтвердить чудо.

Безъ сомнѣнія, въ отдаленныя эпохи бывали явленія, которыя теперь больше не повторяются, по крайней мѣрѣ такимъ же самымъ образомъ какъ раньше. Но явленія эти имѣли основаніе въ то время, когда онѣ происходили. Въ геологическихъ формаціяхъ мы находимъ большое число

минераловъ и драгоцѣнныхъ камней, которые теперь, повидимому, въ природѣ больше не встрѣчаются. И всетаки нѣкоторые ученые создали большинство этихъ камней искусственнымъ путемъ. Если сомнительно, что когда нибудь удастся искусственно воспроизвести жизнь, то это зависитъ отъ того, что повтореніе обстоятельствъ, при которыхъ началась жизнь (если вообще жизнь имѣла начало), быть можетъ навсегда останется свыше человѣческихъ силъ. Какимъ образомъ привести планету въ состояніе, въ которомъ она находилась нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ? Забываютъ о различіи среды и столѣтіяхъ медленнаго развитія, когда называютъ чудесами явленія, случавшіяся когда то и теперь больше не повторяющіяся. Въ какомъ-нибудь небесномъ тѣлѣ могутъ теперь произойти факты, которые случались у насъ безконечное число лѣтъ тому назадъ.

Конечно образованіе человѣчества было бы самымъ безсмысленнымъ дѣломъ, если предположить, что оно случилось внезапно, мгновенно. Оно подходитъ къ общимъ аналогіямъ (не переставая быть таинственнымъ), если видѣть въ немъ медленное развитіе въ теченіе неисчислимыхъ періодовъ. Не слѣдуетъ примѣнять къ эмбріональной жизни жизненные законы зрѣлаго возраста. Эмбріонъ развиваетъ одинъ за другимъ всѣ свои органы, зрѣлый человѣкъ наоборотъ не создаетъ себѣ больше органовъ. Онъ больше ихъ не создаетъ, потому что онъ больше не находится въ возрастѣ созданія, точно такъ же какъ не нужно создавать языкъ, потому что онъ уже существуетъ.—

Но развѣ можно спорить съ противниками, которые извращаютъ вопросъ? Мы требуемъ исторически обоснованнаго чуда, а намъ отвѣчаютъ, что чудеса происходили въ доисторическія времена.

Другіе, отказавшись отъ чудесъ физическаго порядка, выставляютъ впередъ чудеса моральнаго порядка, которыми одними, по ихъ мнѣнію, и могутъ быть объяснены событія. Конечно, образованіе христіанства самый значительный фактъ въ міровой исторіи религіи. Но считаться поэтому чудомъ оно не можетъ. И буддизмъ, и бабизмъ имѣли столь же многочисленныхъ, столь же экзальтированныхъ мучениковъ какъ и христіанство. Чудеса основанія магометанства совершенно другого свойства и я сознаюсь, что онѣ меня очень мало трогаютъ. Надо однако замѣтить, что магометанскіе ученые выводятъ изъ основанія ихъ вѣры, изъ ея быстраго и могучаго распространенія, тѣ же самыя заключенія, какъ и христіанскіе апологеты изъ основанія христіанства и видятъ въ этомъ перстъ Божій. Мы можемъ вполнѣ признать, что основаніе христіанства является исключительнымъ фактомъ. Но такимъ же абсолютно исключительнымъ явленіемъ мы должны считать эллинизмъ, понимая подъ этимъ словомъ идеалъ совершенства въ литературѣ, искусствѣ и философіи, осуществленный Греціей. Греческое искусство выше всѣхъ другихъ искусствъ, подобно тому какъ христіанство выше всѣхъ другихъ религій. И Акрополь въ Аѳинахъ, собраніе шедевровъ, рядомъ съ которыми всѣ остальные являются неловкими по-

пытками, или болѣе или менѣе удачными подражаніями, можетъ выдержать сравненіе съ любымъ произведеніемъ искусства. Другими словами эллинизмъ точно такъ же чудо красоты, какъ христіанство чудо святости. Исключеніе не является чудомъ. Богъ на различныхъ ступеняхъ во всемъ, что прекрасно, добро и правдиво. Но онъ никогда не проявляется столь исключительнымъ образомъ, чтобы его дыханіе могло считаться какимъ-либо религіознымъ или философскимъ движеніемъ, преимущественнымъ правомъ или исключеніемъ.

Существуютъ практическіе люди, которые при всякомъ научномъ трудѣ освѣдомляются, какой политической партіи служитъ авторъ, которые требуютъ, чтобы въ поэтическомъ трудѣ заключалось моральное ученіе. Эти люди не понимаютъ, что можно писать что либо не для пропаганды. Понятіе объ искусствѣ и наукѣ, которыя, стоя внѣ всякой политики, стремятся только къ истинному и прекрасному, имъ чуждо. Между нами и подобными людьми недоразумѣнія неизбѣжны. „Эти люди берутъ, какъ выразился греческій философъ, въ лѣвую руку то, что мы имъ предлагаемъ въ правую“. Я получилъ массу писемъ почти съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ: „Чего вы хотите? Какую цѣль вы преслѣдуете?“ Да ту же самую, которую преслѣдуешь при всякомъ историческомъ трудѣ. Если бы у меня было нѣсколько жизней, то одну я посвятилъ бы описанію Александра, другую исторіи Аѳинъ, третью французской революціи или Ордену францисканцевъ. Какую цѣль я преслѣдо-

валъ бы при этихъ трудахъ? Одну—отыскивать истину, оживлять ее, обрабатывать ее такъ, чтобы великія дѣла прошлаго были возможно подробнѣе извѣстны и описаны самымъ достойнымъ образомъ. Мысль поколебать вѣру кого-либо далека отъ меня. Подобные труды должны быть написаны съ полнѣйшей индифферентностью, безъ всякой тенденціозности, какъ будто ихъ писали для пустынной планеты. Всякій признаетъ, что отсутствіе прозелитизма является достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаткомъ написанныхъ въ такомъ духѣ трудовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

[Годъ 33].

Созданіе вѣрованій относящихся къ воскресенію Іисуса.—Явленія въ Іерусалимѣ.

Хотя Іисусъ всегда говорилъ о воскресеніи и новой жизни, тѣмъ не менѣе онъ никогда не утверждалъ, что онъ воскреснетъ тѣлесно. Ученики его въ слѣдующіе за его смертью часы не имѣли никакой опредѣленной надежды. Чувства, высказываемыя ими съ наивной довѣрчивостью, заставляютъ даже предполагать, что они считали все конченнымъ. Они оплакивали и похоронили своего друга, если и не какъ обыкновеннаго покойника, то все же какъ человѣка, потеря котораго была незамѣнима; они печальны и разстроены; надежда ихъ на то, что Іисусъ долженъ избавить Израиль, не оправдалась; ихъ можно было сравнить съ людьми потерявшими дорогую иллюзію.

Но воодушевленіе и любовь всегда найдутъ выходъ. Ученики не хотятъ отказаться отъ своей надежды и потому они измѣняютъ насильно дѣйствительность. Нѣсколько словъ учителя, которыя припомнили послѣ смерти его, въ особенности слова его о будущемъ его пришествіи, могли быть сказаны въ томъ смыслѣ, что онъ возстанетъ изъ

гроба. Подобная вѣра была вполнѣ естественна, такъ какъ великіе пророки Энохъ и Илья смерти не знали. Даже склонялись къ вѣрованію, что патріархи и выдающіяся личности Ветхаго Завѣта въ дѣйствительности не умирали, но что тѣла ихъ жили въ гробницахъ въ Гебронѣ и души ихъ не умирали. Съ Іисусомъ должно было случиться то же самое, что случилось со всѣми людьми привлекавшими вниманіе подобныхъ себѣ. Міръ, привыкшій имъ приписывать сверхчеловѣческія добродѣтели, не можетъ согласиться съ тѣмъ, что они должны быть подчинены несправедливому, возмутительному, суровому закону всеобщей смерти. Въ моментъ смерти Магомета изъ палатки вышелъ Омаръ съ саблей въ рукахъ и объявилъ, что онъ отрубитъ голову каждому, кто осмѣлится сказать, что пророкъ скончался. Смерть такая безсмысленная вещь, когда она поражаетъ геніальнаго и благороднаго сердцемъ человѣка, что народъ не хочетъ вѣрить въ возможность подобной ошибки природы. Герои не умираютъ. Развѣ дѣйствительное существованіе не заключается въ томъ, что оно продолжается въ сердцахъ тѣхъ, которые насъ любятъ? Этотъ любимый учитель въ теченіе многихъ лѣтъ наполнялъ радостью и надеждой маленькій міръ, который его окружалъ: развѣ можно было допустить мысль, что онъ сгніетъ въ гробу? Нѣтъ! Онъ занималъ въ сердцахъ окружавшихъ его людей слишкомъ большое мѣсто, чтобы послѣ его смерти нельзя было не утверждать, что онъ все еще живетъ.

День, слѣдовавшій за положеніемъ во гробъ

Іисуса (суббота, 15 Низана), былъ наполненъ этими мыслями. Въ виду субботы воздерживались отъ всякой работы. Христіанское сознаніе было занято въ этотъ день только однимъ: покоившимся въ гробу учителемъ. Въ особенности женщины покрывали его мысленно самыми нѣжными ласками. Мысли ихъ ни на мгновеніе не покидаютъ лежащаго въ благовоніяхъ дорогого друга, убитаго злыми людьми. Да! безъ сомнѣнія теперь его окружаютъ ангелы и покрываютъ лица свои его пеленами. Правда, онъ говорилъ, что умретъ, что смерть его будетъ спасеніемъ для грѣшниковъ и что онъ снова возстанетъ изъ мертвыхъ въ царствѣ Отца своего. Да! онъ возстанетъ изъ мертвыхъ! Богъ не отдастъ сына своего въ добычу аду, онъ не допуститъ, чтобы Избранникъ его позналъ тлѣніе! Что значитъ камень, приваленный къ его гробу! Онъ его отвалитъ — и поднимется на небо и сядетъ одесную Отца своего, ниспославшаго его на землю. И мы снова увидимъ его, мы снова услышимъ его ласковый голосъ и снова будемъ наслаждаться разговорами съ нимъ.

Вѣра въ безсмертіе души, ставшая благодаря греческой философіи христіанскимъ догматомъ, примиряетъ съ мыслью о смерти, такъ какъ по этой гипотезѣ тѣлесная смерть является освобожденіемъ души отъ связывающихъ ея путъ, безъ которыхъ она не можетъ существовать. Но эта теорія, по которой человѣкъ состоитъ изъ двухъ субстанцій, была не ясна для іудеевъ. Царство Божіе и побѣда духа заключалась для нихъ въ окончательномъ измѣненіи міра и уничтоженіи

мерти. Признаніе, что смерть можетъ побѣдить Іисуса, явившагося въ міръ для побѣды надъ царствомъ смерти, казалось имъ величайшей безсмысленностью. Уже мысль о томъ, что онъ можетъ страдать, возмутила раньше его учениковъ. Они поэтому имѣли только выборъ между отчаяніемъ и героическимъ признаніемъ его воскресенія. Остроумный человѣкъ могъ объявить уже въ субботу, что Іисусъ воскреснетъ. Маленькая христіанская община совершила въ этотъ день истинное чудо: искренняя любовь въ Іисуса воскресила его въ сердцахъ вѣрующихъ. Они рѣшили, что Іисусъ не умретъ. Любовь этихъ страстныхъ душъ была дѣйствительно сильнѣе смерти. И такъ какъ страстямъ слишкомъ свойственно распространяться, легко воспламеняться и возбуждать схожія съ ней чувства, то Іисусъ ко времени, о которомъ мы говоримъ, такъ сказать уже возсталъ изъ мертвыхъ. Если теперь только незначительный матеріальный фактъ дастъ возможность предположить, что тѣла его больше нѣтъ въ гробу, догматъ воскресенія утвердится на вѣчныя времена.

Вотъ это то и произошло при обстоятельствахъ которыя, правда, темны, благодаря недостаточной связи между преданіями и въ особенности благодаря имѣющимся въ нихъ противорѣчіямъ, но которыя тѣмъ не менѣе въ достаточной степени вѣроятны.

Въ воскресенье рано утромъ галилейскія женщины, поспѣшно набальзамировавшія въ пятницу вечеромъ тѣло Іисуса, пришли къ пещерѣ, куда

оно временно было положено. Это были Марія Магдалина, Марія Клеопова, Соломія и друг. Онѣ вѣроятно пришли туда по одиночкѣ, такъ какъ если трудно сомнѣваться въ разсказѣ трехъ синоптиковъ, то съ другой стороны по двумъ самымъ несомнѣннымъ изложеніямъ, которыми мы располагаемъ по вопросу о воскресеніи, только Марія Магдалина играла роль у гроба. Во всякомъ случаѣ въ этотъ торжественный моментъ она проявила совершенно необыкновенную дѣятельность. За ней нужно слѣдовать шагъ за шагомъ, такъ какъ на ней въ этотъ день, въ теченіе одного часа лежалъ весь трудъ христіанскаго сознанія; ея свидѣтельство рѣшило будущее христіанской вѣры.

Припомнимъ, что пещера, въ которой лежало тѣло Іисуса, была высѣчена въ скалѣ и находилась рядомъ съ лобнымъ мѣстомъ. Ее выбрали только потому, что было уже поздно и не хотѣли осквернить субботу. Только первое евангеліе прибавляетъ сюда одно обстоятельство, что пещера принадлежала Іосифу Аримаѳейскому. Но въ общемъ анекдотическіе факты перваго евангелія, не оправдываемые общими преданіями, не имѣютъ никакой цѣны въ особенности когда идетъ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ жизни Іисуса. Евангеліе упоминаетъ о другой подробности, которая не имѣетъ за собой достовѣрности въ виду умалчиванія этого обстоятельства другими евангеліями: Матѳей говоритъ, что у гроба была поставлена стража и къ камню была приложена печать. Примемъ также во вниманіе, что гробница состояла изъ низкихъ, высѣченныхъ въ отвѣсныхъ скалахъ

пещерахъ и что въ ней было перпендикулярно пробито отверстіе, которое обыкновенно закрывалось тяжелымъ камнемъ. Пещеры не имѣли никакихъ затворовъ, тяжесть камня была единственной защитой отъ воровъ и осквернителей могилъ. Самъ камень былъ такъ устроенъ, что нужны были усилія нѣсколькихъ людей для того чтобы его отодвинуть. Всѣ преданія сходятся въ томъ, что камень былъ приваленъ къ отверстію пещеры въ пятницу вечеромъ.

Когда Марія Магдалина пришла туда въ воскресенье утромъ, камень уже былъ отваленъ отъ гроба, Пещера стояла открытая. Тѣла тамъ больше не было. Мысль о воскресеніи еще не являлась у нея. Ея душа была наполнена нѣжной печалью и желаніемъ позаботиться о тѣлѣ божественнаго друга. Первыя чувства, охватившія ее, были удивленіе и горе. Исчезновеніе дорогого тѣла лишало ее послѣдней радости, на которую она еще разсчитывала. Ей больше не суждено прикоснуться къ его рукамъ! И что же сдѣлали съ нимъ?... Мысль объ оскверненіи пришла ей въ голову и возмутила ее. Можетъ быть въ то же самое время у нея явился проблескъ надежды. Не теряя ни минуты, она побѣжала къ дому, гдѣ находились Петръ и Іоаннъ. „Унесли Господа изъ гроба, воскликнула она, и не знаемъ гдѣ положили Его“.

Оба ученика побѣжали къ гробу. Іоаннъ моложе Петра прибѣжалъ первый. Онъ наклоняется и смотритъ въ пещеру. Марія права. Гробъ пустъ. Въ пещерѣ лежатъ въ безпорядкѣ пелены. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Петръ. Оба входятъ, осматри-

ваютъ пелены, несомнѣнно покрытыя кровью, и видятъ, что платъ, бывшій на главѣ Іисуса, лежитъ не съ пеленами, а въ другомъ мѣстѣ. Петръ и Іоаннъ уходятъ сильно взволнованные. Если они еще не произносятъ рѣшающихъ словъ: „Онъ воскресъ“, то все же несомнѣнно мысль объ этомъ уже зародилась у нихъ и основному догмату христіанства уже было положено начало.

Петръ и Іоаннъ ушли изъ сада и одна Марія осталась у гроба и плакала. Одна только мысль занимала ее: куда положили его тѣло? Единственнымъ желаніемъ ея женскаго сердца было еще разъ облобызать возлюбленное тѣло. Вдругъ она услышала позади себя легкій шорохъ. Она увидѣла человѣка. Она думаетъ сначала, что это садовникъ: „Ахъ, вырывается у нея, если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ его, и я возьму Его“. Отвѣтомъ на ея слова служитъ только возгласъ: „Марія!“ Это былъ голосъ, который такъ часто трогалъ ее. „Учитель!“ восклицаетъ она... Она хочетъ дотронуться до него и инстинктивнымъ движеніемъ цѣлуетъ ему ноги. Видѣніе отходитъ и говоритъ ей: „Не прикасайся ко мнѣ!“.

Мало-по-малу видѣніе исчезаетъ. Но чудо любви совершилось. То, что не могъ свершить Петръ, то совершила Марія: она исторгла жизнь, тихое, проникновенное слово изъ пустой пещеры. Поэтому не слѣдуетъ выводить изъ этого заключенія, или составлять коньектуры. Марія видѣла и слышала. Она явилась первымъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ воскресенія.

Опьяненная любовью и радостью, бѣжитъ Ма-

рія въ городъ и возвѣщаетъ первымъ ученикамъ, которыхъ она встрѣчаетъ: „Я видѣла его! Онъ говорилъ со мной!“ Ея сильно возбужденное состояніе, ея безсвязныя, отрывистыя рѣчи возбудили къ ней недовѣріе и нѣкоторымъ слова ея показались пустыми и ей не повѣрили. Петръ и Іоаннъ снова разсказали, что они сами видѣли. Другіе ученики отправились къ гробу и увидѣли то же самое. Всѣ они были теперь вполнѣ увѣрены, что Іисусъ воскресъ. Правда у другихъ являлись еще сомнѣнія, но увѣренія Маріи, Петра и Іоанны повліяли на нихъ. Впослѣдствіи это называли „видѣніемъ Петра“. Павелъ не упоминаетъ о видѣніи Маріи, а приписываетъ честь перваго явленія Іисуса Петру. Но это неточно. Петръ видѣлъ только пустой гробъ, платъ и пелены. Одна только Марія имѣла достаточно любви, чтобы вызвать призракомъ великаго учителя. Въ подобныхъ чудесныхъ кризисахъ главное увидѣть только первымъ, остальные уже проникаются этой галлюціонаціей соотвѣтственно указаніямъ перваго лица, которому явилось видѣніе. Поэтому слава воскресенія принадлежитъ Маріи Магдалинѣ. Послѣ Іисуса Марія сыграла большую роль въ основаніи христіанства. Созданное нѣжнымъ чувствомъ Маріи видѣніе еще носится надъ міромъ. Царица идеалистовъ Магдалина могла лучше чѣмъ кто либо другой подтвердить свой чудный сонъ, внушить всѣмъ святое видѣніе своей страстно-любящей души. Ея великое женское убѣжденіе: „Онъ воскресъ!“ стало основаніемъ вѣры человѣчества. Не прикасайся къ этому, безсильный разумъ! Не

старайся примѣнить холодный анализъ къ этому шедевру идеализма и любви. Если мудрость отказывается услышать этотъ несчастный человѣческій родъ, судьба котораго такъ тяжела, то пусть попытается это сдѣлать безуміе. Гдѣ мудрецъ, доставившій міру столько радости, сколько доставила ее одержимая Марія Магдалина?

Другія же женщины бывшія у гроба распространяли разные слухи. Онѣ не видѣли Іисуса, но разсказывали о видѣнномъ въ пещерѣ человѣкѣ въ бѣломъ одѣяніи, который сказалъ имъ: „Его здѣсь нѣтъ; возвращайтесь въ Галилею. Онъ предваряетъ васъ въ Галилеѣ, тамъ вы его увидите“. Можетъ быть къ этой галлюціонаціи дали поводъ бѣлыя пелены. Можетъ быть, что онѣ вообще ничего не видѣли, а начали разсказывать о своемъ видѣніи, только послѣ разсказа Маріи Магдалины. По одному изъ самыхъ достовѣрныхъ текстовъ они долгое время молчали и это молчаніе хотѣли впослѣдствіи приписать объявшему ихъ ужасу. Какъ бы то ни было измышленія росли съ каждымъ часомъ и подвергались самымъ различнымъ измѣненіямъ. Человѣкъ въ бѣломъ превратился въ Ангела Божія; разсказывали, что одежда его была бѣла какъ снѣгъ, а видъ его былъ какъ молнія.

Нѣкоторые говорили о явленіи двухъ ангеловъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, одинъ изъ которыхъ сидѣлъ у главы, другой у ногъ. Къ вечеру можетъ быть уже многіе думали, что женщины видѣли какъ этотъ ангелъ сошелъ съ неба, отвалилъ камень отъ двери гроба, послѣ чего Іисусъ возсталъ. Подъ вліяніемъ силы воображенія, какъ это обыкновенно

бываетъ у людей изъ простаго народа, они разукрашивали свой разсказъ всевозможными подробностями и такимъ образомъ приняли участіе въ созданіи легенды, возникшей вокругъ нихъ и благодаря имъ.

День этотъ былъ бурный и рѣшающій. Маленькій кружокъ разсѣялся во всѣ стороны. Нѣкоторые поспѣшили отправиться въ Галилею, другіе скрывались изъ страха. Ужасное зрѣлище, разыгравшееся въ Пятницу, когда тотъ, въ котораго вложено было столько надеждъ, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ и отецъ небесный не освободилъ его поколебало вѣру многихъ. Извѣстія, принесенныя женщинами и Петромъ, были очень многими встрѣчены съ едва скрытымъ недовѣріемъ. Женщины ходили изъ одного дома въ другой и разсказывали самыя невѣроятныя вещи, причемъ всѣ ихъ разсказы были самые противорѣчивые. Выступили наружу самыя противоположныя чувства. Однѣ еще оплакивали печальное происшествіе позапрошлаго дня, другія уже торжествовали и всѣ были склонны воспринимать самые необыкновенные разсказы. Между тѣмъ недовѣріе, вызванное экзальтаціей Маріи Магдалины, незначительный авторитетъ, которымъ пользовались женщины и безсвязность ихъ рѣчей, возбудили большое сомнѣніе. Всѣ были въ ожиданіи новыхъ явленій, которыя не должны были замедлить. Нравственное состояніе секты было въ высшей степени благопріятно распространенію самыхъ странныхъ вѣстей. Если бы вся маленькая община была собрана вмѣстѣ, созданіе легенды стало бы невозможнымъ;

тѣ, которые знали обстоятельства исчезновенія тѣла Іисуса, вѣроятно раскрыли бы лживость слуховъ о воскресеніи Іисуса. Но смятеніе, царствовавшее среди приверженцевъ Іисуса, раскрывало широкій просторъ для всевозможныхъ недоразумѣній.

Особенность нравственнаго состоянія, при которомъ людьми овладѣваетъ экстазъ и имъ являются видѣнія, заключается въ томъ, что оно заразительно. Исторія всѣхъ крупныхъ религіозныхъ кризисовъ вполнѣ это доказываетъ. Въ обществѣ людей исполненныхъ одной и той же вѣры достаточно, чтобы кто нибудь одинъ видѣлъ или слышалъ что нибудь сверхъестественное и тотчасъ же всѣ остальные воспринимаютъ это. Такъ впослѣдствіи между преслѣдуемыми протестантами распространилось извѣстіе, что въ руинахъ недавно разрушеннаго храма ангелы пѣли псалмы: всѣ отправлялись къ этимъ руинамъ и слышали какъ ангелы пѣли псалмы.

Въ подобныхъ случаяхъ вліяютъ на всѣхъ самые нервные люди. Экзальтація однихъ переносится на другихъ, никто не хочетъ отстать отъ другихъ и признаться, что онъ ничего не видитъ или не слышитъ. Тѣ, которые ничего не видятъ, думаютъ, что они еще не достигли высшей степени уразумѣнія, или что они не могутъ себѣ отдать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, во всякомъ случаѣ они остерегаются признаться въ этомъ, такъ какъ они нарушили бы общее торжество, опечалили бы другихъ и на самихъ себя навлекли бы непріятности. Впрочемъ, не надо забывать, какова была

степень нравственнаго образованія учениковъ Іисуса, которые вѣровали въ привидѣнія, полагали, что они окружены чудесами и не принимали никакого участія въ позитивной наукѣ своего времени. Этой наукѣ причастны были только нѣсколько сотъ человѣкъ проникнутыхъ греческой культурой и разсѣянныхъ по разнымъ странамъ. Но большая часть населенія всѣхъ странъ была почти совсѣмъ не причастна къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи Палестина была одной изъ самыхъ отсталыхъ странъ; галилеяне были самые необразованные люди Палестины и ученики Іисуса принадлежали къ самому простому классу населенія Галилеи. Въ подобной то средѣ вѣра въ чудеса могла получить самое широкое распространеніе. Разъ появилась вѣра въ воскресеніе Іисуса, должны были явиться многочисленныя галлюцинаціи. Такъ онъ и было на самомъ дѣлѣ.

Еще въ воскресенье, когда женщины уже успѣли распространить вѣсть о воскресеніи Іисуса, два ученика, изъ которыхъ одинъ назывался Клеопатръ или Клеопо, отправились въ Еммаусъ, мѣстечко расположенное недалеко отъ Іерусалима. Они шли, обсуждая между собой послѣднія событія и были исполнены горести. Въ пути къ нимъ присоединился какой то человѣкъ и спросилъ, отчего они такъ печальны. „Неужели ты не знаешь, что произошло въ эти дни въ Іерусалимѣ?“ отвѣтили они ему. „Развѣ ты не слышалъ о Іисусѣ Назарянинѣ, который былъ пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ передъ Богомъ и всѣмъ народомъ? Развѣ ты не знаешь, какъ предали е

первосвященники и начальники для осужденія на смерть и распяли его? А мы надѣялись было, что Онъ есть тотъ,который долженъ избавить Израиль, а между тѣмъ сегодня третій день какъ все это произошло. Но и нѣкоторыя женщины изъ нашихъ изумили насъ. Онѣ были рано у гроба и не нашли тѣла его, а сказывали, что они видѣли ангеловъ, которые говорятъ, что онъ живъ. Нѣкоторые изъ нашихъ пошли ко гробу, и нашли такъ, какъ и женщины говорили, но его не видѣли". Незнакомецъ былъ благочестивый человѣкъ, знакомый съ Писаніемъ. Въ разговорѣ онъ цитировалъ Моисея и пророковъ и ученики разговорились съ нимъ. Когда они подошли къ Еммаусу и незнакомецъ хотѣлъ продолжать свой путь, оба ученика упросили его раздѣлить съ ними вечернюю трапезу. День уже клонился къ вечеру: ученикамъ стало еще тоскливѣе: объ этомъ часѣ они должны были вспоминать съ восторгомъ и грустью. Имъ вспоминалось какъ обыкновенно въ этотъ часъ ихъ любимый учитель за трапезой велъ съ ними бесѣды. Движеніе, которое дѣлаетъ незнакомецъ, преломляя по обычаю іудеевъ хлѣбъ и подавая имъ, возбуждаетъ въ нихъ грустныя воспоминанія. Всецѣло во власти ихъ они забываютъ о незнакомцѣ, они видятъ передъ собой только Іисуса, преломляющаго и подающаго имъ хлѣбъ. Занятыя этимъ мыслями они не замѣчаютъ даже, какъ уходитъ ихъ спутникъ, которому нужно было продолжать путь. Когда они пробудились изъ своего задумчиваго оцѣпененія, они сказали другъ другу: „Не чувствуемъ ли мы что то странное?

Не горѣло ли въ насъ сердце наше когда онъ говорилъ съ нами по дорогѣ? Пророчествованія, которыя онъ приводилъ, доказываютъ, что Мессіи надлежитъ пострадать, чтобы войти въ славу свою. Ты его узналъ по тому какъ онъ преломилъ хлѣбъ?—Да! Глаза наши открылись съ того мгновенія какъ онъ исчезъ". Оба ученика были убѣждены, что они видѣли Іисуса. Они поспѣшно возвратились въ Іерусалимъ.

Главныхъ учениковъ они нашли собравшихся у Петра. Наступила тѣмъ временемъ ночь. Всѣ дѣлились между собой впечатлѣніями. Вошедшимъ ученикамъ сейчасъ же сообщили о Явленіи Іисуса Петру. Они въ свою очередь разсказали, что случилось съ ними по дорогѣ въ Еммаусъ и какъ они узнали Іисуса по тому какъ онъ преломилъ хлѣбъ. Воображеніе у всѣхъ было возбуждено. Двери были заперты, такъ какъ боялись іудеевъ. Города на востокѣ послѣ захода солнца какъ бы вымираютъ. Въ домѣ поэтому царила полная тишина. Маленькій случайный шорохъ будетъ объясненъ въ желательномъ смыслѣ. Въ этотъ моментъ полной тишины присутствующіе чувствуютъ какое то дуновеніе. Въ подобное мгновеніе случайное дуновеніе, трескъ окна, случайный шорохъ оказываютъ на многія столѣтія рѣшающее вліяніе на вѣру народовъ. Одновременно съ дуновеніемъ присутствующимъ послышались слова. Нѣкоторые утверждали, что слышали слово „Шаломъ"—счастье, миръ. Это было обычное привѣтствіе Іисуса.

Сомнѣній нѣтъ! Іисусъ находится среди присутствующихъ. Это его дорогой голосъ, каждый

узнаетъ его. Воображеніе могло у нихъ тѣмъ легче разыграться, что самъ Іисусъ говорилъ: тамъ, гдѣ соберутся во имя его, онъ будетъ между ними. Поэтому можно было заранѣе сказать, что Іисусъ явится своимъ собравшимся въ Воскресенье вечеромъ ученикамъ. Нѣкоторые утверждали, что замѣтили на рукахъ его и ногахъ раны отъ гвоздей и на бедрѣ его слѣды отъ копья. По очень распространенному мнѣнію онъ дунулъ въ этотъ вечеръ ученикамъ своимъ Духомъ Святымъ.

Таковы были событія этого дня, которыя рѣшили участь человѣчества. Вѣра въ воскресенье Іисуса глубоко укоренилась. Сектѣ, которую считали уничтоженной послѣ убійства ея главы, было обезпечено громадное будущее.

Между тѣмъ у нѣкоторыхъ всетаки явились сомнѣнія. Апостолъ Ѳома, не бывшій съ учениками въ воскресенье вечеромъ, сознался, что онъ чувствуетъ нѣкоторую зависть къ тѣмъ, которымъ дано было узрѣть слѣды отъ ранъ на тѣлѣ Іисуса. Евангеліе гласитъ, что черезъ восемь дней желаніе его было удовлетворено. Но на немъ осталось навсегда нѣкоторое пятно. Вполнѣ правильнымъ инстинктивнымъ чувствомъ поняли, что къ идеалу не нужно прикасаться рукой, что онъ не долженъ подчиняться контролю. Noli me tangere есть законъ всякой великой любви. Прикосновеніе не оставляетъ ничего вѣрѣ; глазъ, болѣе чистый и благородный органъ чѣмъ рука, глазъ, котораго ничѣмъ нельзя замарать и который, ничего не можетъ замарать, самъ становится тогда излишнимъ свидѣтелемъ. Начало проявляться не-

обыкновенное чувство. Каждое малѣйшее колебаніе казалось недостаткомъ преданности и любви; стыдились отставать отъ другихъ; отказывались удостовѣряться въ чемъ либо. Изреченіе: „блаженны не видавшіе и увѣровавшіе“ стало лозунгомъ. Находили благородство въ томъ, чтобы вѣрить безъ размышленія. Истинные вѣрующіе не имѣли никакихъ видѣній, точно также какъ впослѣдствіи св. Людовикъ отрицалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ евхаристическаго чуда, для того чтобы не лишиться заслуги слѣпой вѣры. Вѣра во что бы то ни стало, вѣра, доходящая до безумія, стала считаться главнымъ душевнымъ даромъ. Законъ христіанскихъ догматовъ не останавливается ни передъ чѣмъ невозможнымъ. Родъ рыцарскаго чувства препятствуетъ оглянуться когда либо назадъ. Самые благочестивые догматы, за которые будетъ крѣпче всего держаться христіанство, являются съ точки зрѣнія разума самыми несостоятельными, въ виду той трогательной мысли, что видѣвшіе и увѣровавшіе не даютъ доказательства любви и что нравственное значеніе вѣры тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сверхъ естественнѣе то, во что вѣруешь.

Значитъ первые дни были какъ бы періодомъ сильной лихорадки, когда вѣрующіе электризовали другъ друга и предавались самымъ необыкновеннымъ мечтаніямъ. Галлюцинаціи неудержимо увеличивались. Онѣ обыкновенно случались во время вечернихъ собраній. Послѣ того какъ запирались двери и всѣ предавались своей idée fixe, первый, которому слышалось привѣтствіе: шаломъ

дѣлалъ знакъ. Всѣ прислушивались и скоро явственно слышали то же самое слово. Велика была радость этихъ простыхъ душъ знавшихъ, что учитель находится среди нихъ. Іисусъ являлся иногда и на подобіе того, какъ онъ явился по дорогѣ въ Еммаусъ. То онъ являлся за вечерней трапезой, бралъ хлѣбъ, благословлялъ его, преломлялъ и подавалъ его тому, кого онъ хотѣлъ осчастливить своимъ явленіемъ. Въ нѣсколько дней образовался и распространился циклъ разсказовъ, которые хотя и разнились между собой въ отдѣльныхъ подробностяхъ, все же были проникнуты тѣмъ же духомъ любви и абсолютной вѣры. Большая ошибка думать, что для образованія легенды требуется продолжительное время. Она иногда рождается въ одинъ день. Въ воскресенье вечеромъ 16 Низана=5 Апрѣля, воскресенье Іисуса считалось непреложнымъ фактомъ. Недѣлю спустя были установлены главныя основанія жизни Іисуса послѣ его воскресенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъѣздъ учениковъ изъ Іерусалима. — Вторая галилейская жизнь Іисуса.

Живѣйшее желаніе тѣхъ, которые потеряли дорогое существо—это снова увидѣть мѣста, гдѣ они пребывали вмѣстѣ съ нимъ. Безъ сомнѣнія, это чувство побудило учениковъ вернуться въ Галилею черезъ нѣсколько дней послѣ событій въ Іерусалимѣ. Несомнѣнно послѣ ареста Іисуса и тотчасъ же послѣ его смерти многіе изъ нихъ уже отправи-

лись въ сѣверную провинцію. Въ моментъ воскресенія распространился слухъ, что Іисуса видѣли въ Галилеѣ. Нѣкоторыя изъ женщинъ, бывшихъ у гроба, вернулись и разсказывали, что ангелъ сказалъ имъ, что Іисусъ предваритъ ихъ въ Галилеѣ. Другіе говорили, что самъ Іисусъ приказалъ имъ отправиться туда. Припоминали, что онъ говорилъ это еще при жизни. Достовѣрно то, что черезъ нѣсколько дней, можетъ быть послѣ окончанія пасхальныхъ празднествъ, ученики якобы получили приказаніе свыше вернуться на родину и въ дѣйствительности такъ и поступили. Можетъ быть, что галлюцинаціи стали рѣже повторяться въ Іерусалимѣ. Ими овладѣла тоска по родинѣ. Кратковременныя явленія Іисуса не могли заполнить пустоту порожденную его отсутствіемъ. Они съ меланхоліей мечтали объ озерахъ и прекрасныхъ горахъ, гдѣ они первые познали Царство Божіе. Въ особенности женщины стремились вернуться во что бы то ни стало въ страну, гдѣ онѣ извѣдали столько счастья. Надо замѣтить, что приказаніе вернуться на родину главнымъ образомъ передается женщинами. Этотъ ненавистный городъ угнеталъ ихъ, онѣ стремились въ страну, гдѣ онѣ были съ своимъ возлюбленнымъ учителемъ и онѣ были заранѣе твердо увѣрены, что его тамъ найдутъ.

Поэтому ученики вернулись назадъ полные радости и надеждъ, быть можетъ съ тѣми караванами паломниковъ возвращавшихся домой послѣ праздниковъ Пасхи. Они надѣялись, что въ Галилеѣ Іисусъ не будетъ имъ являться только на ко-

роткое время, но что онъ тамъ будетъ продолжать свою прежнюю жизнь. Сердца ихъ были наполнены необычайнымъ ожиданіемъ. Долженъ ли онъ былъ возобновить царство Израиля, установить окончательно царство Божіе и какъ говорили „явить свою справедливость“? Все могло быть. Нѣкоторые думали, что онъ имъ назначилъ свиданіе на горѣ, вѣроятно на той самой, съ которой были связаны ихъ самыя дорогія воспоминанія. Безъ сомнѣнія, никогда не было болѣе радостной поѣздки чѣмъ эта. Всѣ ихъ мечты о счастьи должны были теперь осуществиться. Они возвращались, чтобы увидѣть его!

Они дѣйствительно и увидѣли его. Едва предавшись своимъ мирнымъ химерамъ, они какъ бы снова перенеслись въ прежній евангельскій періодъ. Стоялъ конецъ апрѣля. На поляхъ цвѣли красныя анемоны, вѣроятно тѣ „полевыя лиліи“, о которыхъ упоминалъ въ своихъ притчахъ Іисусъ. На каждомъ шагу вспоминались его рѣчи, дѣянія. Вотъ дерево, цвѣтокъ его притчъ, вотъ холмъ, съ котораго онъ говорилъ свою самую трогательную рѣчь, вотъ лодка, на которой онъ проповѣдывалъ! Это былъ какъ бы чудный, возобновившійся сонъ, потерянная и снова найденная иллюзія. Восторгъ снова овладѣваетъ учениками. Сладкое, галилейское „царство Божье“ снова наступаетъ. Этотъ прозрачный воздухъ, эти утра у берега и на горѣ, эти ночи, проведенныя на озерѣ за рыбной ловлей, способствовали возобновленію галлюцинацій! Они видѣли Іисуса всюду, гдѣ прежде бывали съ нимъ. Несомнѣнно, что не всег-

да являлся имъ Іисусъ. Часто ими овладѣвала тоска одиночества. Но сильная любовь довольствуется малымъ. Если бы намъ всѣмъ хоть разъ въ годъ дано было увидѣть хоть на одно мгновеніе дорогія намъ существа и обмѣняться съ ними двумя словами—смерть не была бы тогда смертью!

Таково было душевное состояніе вѣрныхъ учениковъ въ этотъ короткій періодъ, когда христіанство казалось возвращается на мгновеніе къ своей колыбели, чтобы сказать ей вѣчное прости. Главные ученики Петръ, Ѳома, Наѳанаилъ, сыновья Зеведеевы снова зажили прежнею жизнью на берегу озера и снова занялись прежнимъ дѣломъ—рыбачествомъ. Безъ сомнѣнія, галилейскія женщины были съ ними. Онѣ болѣе чѣмъ кто либо стремились къ этому возврату на родину, который сталъ для нихъ сердечной потребностью. Это была ихъ послѣдняя роль при основаніи христіанства. Начиная съ этого момента онѣ болѣе не появляются. Вѣрныя своей любви, онѣ не хотѣли покидать страну, гдѣ испытали величайшую радость. Ихъ скоро забыли, и такъ какъ христіанство совершенно не развилось въ Галилеѣ, то воспоминаніе объ этихъ женщинахъ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ совершенно исчезло.

Эти женщины, которыя насъ такъ трогаютъ, эти обращенныя грѣшницы, эти истинныя основательницы христіанства, Марія Магдалина, Марія Клеопова, Іоанна, Сусанна мало-по-малу были всѣми забыты. Павелъ ихъ совершенно не знаетъ. Созданная ими вѣра поставила ихъ почти в

тѣнь и только въ средніе вѣка начинаютъ признавать всю цѣнность ихъ заслугъ и одна изъ нихъ, Марія Магдалина, начинаетъ занимать главное мѣсто среди христіанскихъ святыхъ.

Видѣнія на берегу озера, видимо, повторялись довольно часто. Развѣ ученики могли не свидѣться снова со своимъ божественнымъ другомъ на этихъ водахъ, гдѣ они такъ часто проводили вмѣстѣ время? Самыя обыкновенныя обстоятельства навели ихъ на эту мысль. Однажды они рыбачили цѣлую ночь, но не поймали ни одной рыбы; вдругъ сѣти ихъ наполнились—это было чудо. Имъ показалось, что кто-то кричитъ имъ съ берегу: „Закиньте сѣти по правую сторону". Петръ и Іоанъ взглянули другъ на друга. „Это Господь", сказалъ Іоаннъ. Петръ бывшій нагимъ поспѣшно накинулъ тунику и бросился въ воду, чтобы соединиться съ невидимымъ совѣтникомъ. Затѣмъ Іисусъ являлся еще нѣсколько разъ и принималъ участіе въ ихъ простыхъ трапезахъ. Однажды вечеромъ послѣ рыбной ловли они увидѣли съ удивленіемъ на берегу горящіе угли, лежащую на нихъ рыбу и рядомъ съ ней хлѣбъ. Живое воспоминаніе въ ихъ былыхъ трапезахъ овладѣло ими. Хлѣбъ и рыба были всегда ихъ главной пищей.

Іисусъ имѣлъ обыкновеніе подавать имъ и хлѣбъ и рыбу. Послѣ обѣда они были убѣждены, что рядомъ съ ними сидѣлъ Іисусъ и предлагалъ имъ пищу, которая была для нихъ освященной и пресуществлялась въ истинное тѣло Христово.

Главнымъ образомъ Іоаннъ и Петръ удостоивались интимнаго общенія съ горячо любимымъ

учителемъ. Однажды Петру послышалось, можетъ быть во снѣ (но что я говорю! ихъ жизнь на этихъ берегахъ была непрерывнымъ сномъ) что Іисусъ спрашивалъ его: „Любишь ли ты меня?“ Вопросъ этотъ повторился три раза. Петръ, исполненный чувства нѣжной грусти, вообразилъ, что отвѣтилъ: „Господи! ты знаешь, что я люблю тебя“. И каждый разъ видѣніе отвѣчало. „Паси агнцевъ моихъ!“ Въ другой разъ Петръ сообщилъ Іоанну странный сонъ. Ему снилось, что онъ отправился гулять съ Учителемъ, нѣсколько шаговъ позади нихъ шелъ Іоаннъ. Іисусъ въ очень смутныхъ выраженіяхъ какъ бы предвѣщалъ заключеніе Петра въ тюрьму или насильственную его смерть и повторилъ нѣсколько разъ: „Иди за мной“. Петръ, указывая на Іоанна, спросилъ: „Господи! а онъ что“? Іисусъ отвѣтилъ: Если я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока я пріиду, что тебѣ до того? Ты иди за мною!“ Послѣ осужденія Петра Іоаннъ вспомнилъ этотъ сонъ и счелъ его какъ бы пророчествомъ о смерти своего друга. Онъ разсказалъ его своимъ ученикамъ и онѣ увидали въ этихъ словахъ какъ бы откровеніе, что ихъ учитель не умретъ до послѣдняго пришествія Іисуса.

Въ этихъ меланхолическихъ снахъ, въ этомъ непрерывномъ общеніи съ возлюбленнымъ умершимъ проходили дни и мѣсяцы. Симпатіи галилеянъ къ убитому іерусалимцами пророку снова усилились. Вокругъ имени Іисуса собралось уже болѣе чѣмъ пятьсотъ человѣкъ. За неимѣніемъ Учителя они повиновались ближайшимъ его ученикамъ, въ особенности Петру. Когда однажды

вѣрующіе галилеяне вошли въ сопровожденіи своихъ духовныхъ учителей на одну изъ тѣхъ горъ, на которыхъ они часто бывали съ Іисусомъ, имъ показалось, что имъ явился Іисусъ. Воздухъ на этихъ высотахъ полонъ удивительныхъ отраженій. Ими овладѣла таже иллюзія какъ нѣкогда самыми близкими учениками. Собравшейся толпѣ показалось, что она видѣла божественныя очертанія въ эфирѣ. Всѣ бросились ницъ и начали молиться Іисусу

Необъятный горизонтъ съ этихъ высотъ вселяетъ сознаніе необъятности міра и желаніе его завоевать. На одной изъ этихъ вершинъ дьяволъ указывалъ на земныя царства и всѣ блага міра и, какъ говорятъ, отдавалъ ихъ Іисусу подъ условіемъ, чтобы тотъ предался ему. На этотъ разъ съ освященной вершины Іисусъ указывалъ своимъ ученикамъ на весь міръ и обезпечивалъ имъ будущее. Они сошли съ горы въ увѣренности, что Сынъ Божій повелѣлъ имъ обратить въ истинную вѣру человѣческій родъ, что онъ обѣщалъ имъ пребывать съ ними до скончанія вѣковъ. Это явленіе внушило имъ необычайное рвеніе, наполнило ихъ души божественнымъ огнемъ. Они считали себя отнынѣ міровыми миссіонерами, способными творить чудеса. Св. Павелъ видѣлъ многихъ изъ тѣхъ, которые присутствовали при этомъ необычайномъ явленіи. Двадцать пять лѣтъ спустя впечатлѣніе было такъ же сильно и живо, какъ и въ первый день.

Почти годъ прошелъ въ подобномъ существованіи между небомъ и землей. Восторгъ вѣрующихъ не только не уменьшался, но напротивъ увеличивался. Особенность всего великаго и свя-

того та, что оно всегда усиливается и облагораживается. Чувство къ любимому лицу, потерянному навсегда, становится съ теченіемъ времени интенсивнѣе. Печаль ослабѣваетъ и затѣмъ превращается въ чувство радостной набожности. Образъ потеряннаго проясняется, идеализируется, становится душой существованія, основой дѣйствій, источникомъ радости, утѣшеніемъ, котораго ищутъ въ моменты печали. Смерть является условіемъ всякаго апоѳеоза. Іисусъ, такъ сильно любимый во время своей жизни, былъ еще болѣе любимъ послѣ того, какъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе или скорѣе это послѣднее дыханіе стало началомъ его истинной жизни въ лонѣ его церкви. Онъ сталъ внутреннимъ другомъ, довѣреннымъ, товарищемъ, который подходитъ къ тебѣ на поворотѣ дороги, идетъ съ тобой, садится съ тобой за столъ и затѣмъ являетъ себя тѣмъ, что становится сразу невидимымъ. Абсолютное отсутствіе научныхъ понятій среди новыхъ вѣрующихъ повліяло на то, что никто не задавалъ себѣ вопроса о свойствахъ его существованія. Воображали, что онъ не знаетъ страданій, что у него нѣжное тѣло, что онъ проходитъ сквозь закрытыя двери, то видимо, то невидимо, но что онъ при этомъ вѣчно живетъ. Иногда думали, что у него тѣло не матеріальное, а только призрачное. Затѣмъ опять ему придаютъ матеріальность, говорятъ, что у него есть и тѣло и кости, заставляютъ его ѣсть и пить, нѣкоторые утверждаютъ, что онъ даже давалъ прикасаться къ себѣ.

До сихъ поръ мы почти не задавались празд-

нымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ. Между тѣмъ какъ Іисусъ дѣйствительно воскресъ въ сердцахъ любившихъ его людей, между тѣмъ какъ создавалось непреложное убѣжденіе апостоловъ и подготовлялась міровая вѣра,—гдѣ же въ это время черви поѣдали безжизненное тѣло того, который былъ погребенъ въ субботу вечеромъ. Этотъ вопросъ останется всегда безъ отвѣта, такъ какъ конечно христіанскія преданія не могутъ дать на него никакого отвѣта. Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало. Воскресеніе было торжествомъ мысли надъ реальнымъ фактомъ. Разъ мысль сдѣлалась безсмертной, стоитъ ли интересоваться тѣломъ?

Около 80 или 85 года, когда къ настоящему тексту перваго евангелія были сдѣланы послѣднія приписки, іудеи имѣли поэтому вопросу уже установившееся мнѣніе. Если вѣрить имъ, то ученики похитили ночью тѣло Іисуса. Христіанское сознаніе было смущено этимъ слухомъ и чтобы уничтожить это возраженіе, было придумано присутствіе стражи и опечатаніе гроба. Это обстоятельство, о которомъ говорится только въ первомъ евангеліи, о которомъ упоминаютъ и многія не достовѣрныя легенды, не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ допущено. Но и объясненіе іудеевъ, хотя его нельзя опровергнуть, все же не удовлетворительно. Едва ли можно предположить, что тѣ же самые, которые твердо вѣрили въ воскресеніе Іисуса, похитили его тѣло. Подобный странный обманъ трудно придумать. Не нужно забывать, что въ это время маленькая община была разсѣяна. Между отдѣльными ея членами

не было общенія, не существовало централизаціи правильной публичности. Противорѣчія между дошедшими до насъ свѣдѣніями о происшествіяхъ въ воскресенье утромъ доказываютъ, что слухи распространялись изъ самыхъ различныхъ источниковъ и что не очень то заботились объ ихъ согласованіи. Возможно, что тѣло было взято пѣскокими учениками, и затѣмъ перенесено въ Галилею. Другіе ученики, оставшіеся въ Іерусалимѣ, могли объ этомъ ничего не знать. Съ другой стороны, ученики, перенесшіе тѣло въ Галилею, могли сначала ничего не знать о разсказахъ, ходившихъ въ Іерусалимѣ, такъ что вѣра въ воскресеніе образовалась за спинами ихъ и въ концѣ концовъ захватила ихъ врасплохъ. Они не противорѣчили и если бы даже они это сдѣлали, это бы ни къ чему не привело. Когда дѣло идетъ о чудѣ, запоздалое объясненіе недопустимо. Никогда матеріальное затрудненіе не можетъ воспрепятствовать развитію чувства и возникновенію фикцій, въ которыхъ оно нуждается.

Можно также предположить, что исчезновеніе тѣла было дѣломъ іудеевъ. Можетъ быть они этимъ думали избѣжать безпорядковъ, которые могли бы произойти у гроба такого популярнаго человѣка, какимъ былъ Іисусъ. Въ концѣ концовъ, кто знаетъ, не было ли исчезновеніе тѣла дѣломъ садовника или владѣльца сада? Послѣдній вѣроятно не принадлежалъ къ сектѣ. Пещера его была выбрана потому, что она была ближайшая къ Голгоѳѣ и потому что торопились. Можетъ быть онъ былъ недоволенъ этимъ и велѣлъ унести тѣло. И

правдѣ сказать, приведенныя въ четвертомъ евангеліи подробности, какъ напримѣръ тщательно сложенный и лежащій въ углу платъ, оставленныя пелены, не соотвѣтствуютъ этой гипотезѣ, Это послѣднее обстоятельство можетъ заставить предположить, что здѣсь тайно дѣйствовала рука женщины. Всѣ пять разсказовъ о посѣщеніи женщинами гроба такъ безсвязны и запутаны, что можно предположить какое нибудь недоразумѣніе. Женщина въ экзальтаціи способна на всевозможныя иллюзіи. Она часто можетъ принять свои мечты за реальный фактъ. Марія Магдалина была по выраженію того времени „одержима семью бѣсами". Нужно, при этомъ принять во вниманіе малую развитость женщинъ на Востокѣ и полную ихъ необразованность

Завѣсимъ покрываломъ эту тайну. Во времена религіозныхъ кризисовъ, когда все кажется дѣломъ божественнымъ, самыя незначительныя причины могутъ порождать величайшія послѣдствія. Если бы мы были свидѣтелями необыкновенныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто при возникновеніи всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, то мы нашли бы обстоятельства, которыя на нашъ взглядъ не соотвѣтствовали бы важности событій или которые бы заставили насъ улыбнуться. Но при подобныхъ обстоятельствахъ важенъ только результатъ. Вѣра очищаетъ все. Матеріальное событіе, которое породило вѣру въ воскресеніе, не было дѣйствительной причиной этого воскресенія. Іисуса воскресила любовь. Эта любовь была такъ могущественна, что незначительной случайности было достаточно чтобы

возвести зданіе всеобщей вѣры. Если бы Іисусъ не былъ такъ любимъ своими учениками, если бы вѣра въ его воскресеніе имѣла менѣе основанія, то всѣ эти случайныя событія могли бы разыграться и все же изъ этого ничего бы не вышло. На величайшія событія вліяютъ величайшія и незначительнѣйшія причины. Но единственно вѣрныя причины только первыя, послѣднія же только вліяютъ на возникновеніе давно уже подготовленныхъ событій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

годъ 34]

Возвращеніе апостоловъ въ Іерусалимъ.—Конецъ періода явленій.

Между тѣмъ явленія, какъ это всегда бываетъ въ періоды легковѣрнаго энтузіазма, начали становиться рѣже. Народное воображеніе подобно заразительной болѣзни: оно быстро притупляется и мѣняетъ свою форму. Дѣятельность вѣрующихъ сердецъ скоро обратилась въ другую сторону. Имъ казалось, что изъ устъ дорогого воскресшаго они услыхали приказаніе проповѣдывать, обратить весь міръ. Откуда начать свою дѣятельность. Конечно изъ Іерусалима. Поэтому возвращеніе въ Іерусалимъ было рѣшено тѣми, которые стояли во главѣ секты. Такъ какъ подобныя поѣздки совершались обыкновенно караванами во время праздниковъ, то можно съ вѣроятностью предположить, что воз-

вращеніе совершилось во время праздника кущей въ концѣ 33 г., или въ Пасху 34 года.

Поэтому Галилея была покинута христіанствомъ, покинута навсегда. Несомнѣнно здѣсь оставалась еще небольшая община, но объ ней больше ничего не было слышно. Вѣроятно она была разгромлена, какъ и вообще вся страна во время несчастной войны съ Веспасіаномъ. Остатки разсѣянной общины бѣжали по ту сторону Іордани. Послѣ войны, не христіанство вернулось въ Галилею, а іудаизмъ. Во второмъ, третьемъ, четвертомъ столѣтіяхъ, Галилея является совершенно іудейской страной, центромъ іудаизма, страной талмуда. Значитъ, Галилея играла роль въ исторіи христіанства только въ теченіе одного часа, но это былъ святой часъ, онъ далъ новой религіи то, что доставило ей вѣчность—ея поэзію, ея всепроникающее очарованіе.

Очень вѣроятно, что часть учениковъ, окружавшихъ Іисуса въ его послѣдніе дни, осталась въ Іерусалимѣ. Въ моментъ ареста Іисуса вѣра въ воскресеніе имѣла уже нѣкоторыя основанія для своего возникновенія. Вѣра эта развивалась поэтому съ двухъ сторонъ и это безъ сомнѣнія является причиной полнѣйшаго противорѣчія существующаго въ изложеніяхъ о явленіяхъ Іисуса. Создались два преданія, одно галилейское, другое іерусалимское. По одному, всѣ явленія Христа (за исключеніемъ самыхъ первыхъ) имѣли мѣсто въ Галилеѣ, по другому—въ Іерусалимѣ.

То обстоятельство, что обѣ фракціи маленькой церкви сходятся въ основномъ догматѣ, конечно

только удостовѣряетъ общую вѣру въ воскресеніе. Всѣ сливались въ общей вѣрѣ, въ одушевленіи восклицая: „Онъ воскресъ“! Можетъ быть радость и энтузіазмъ, являвшіеся слѣдствіемъ встрѣчи учениковъ изъ Галилеи и Іерусалима, породили нѣкоторыя другія явленія. Къ этому времени относится и упоминаемое Павломъ „Явленіе Іакову“. Іаковъ былъ братомъ или, по крайней мѣрѣ, родственникомъ Іисуса. Неизвѣстно сопровождалъ ли онъ Іисуса во время его послѣдняго пребыванія въ Іерусалимѣ. Онъ, должно быть, прибылъ туда изъ Галилеи вмѣстѣ съ другими апостолами. Всѣмъ главнымъ апостоламъ являлся Іисусъ, трудно по этому предположить, чтобы онъ не явился „брату-Господню“, это было, повидимому, евхаристическое явленіе, то есть Іисусъ явился, взялъ хлѣбъ и преломилъ его. Впослѣдствіи, та часть христіанской семьи, которая примкнула къ Іакову и которая называлась еврейской, утверждала, что явленіе это произошло въ день воскресенія и что Іисусъ явился Іакову прежде всѣхъ.

Дѣйствительно очень странно, что родные Іисуса, нѣкоторые изъ которыхъ во время его жизни не вѣрили въ него, впослѣдствіи присоединились къ общинѣ и заняли въ ней выдающееся положеніе. Можно предположить, что присоединеніе это совершилось во время пребыванія апостоловъ въ Галилеѣ. Извѣстность, которую вдругъ получило имя ихъ родственника тотъ фактъ, что пятьсотъ человѣкъ вѣровали въ него и утверждали, что онъ воскресъ и явился къ нимъ, все это могло произвести на нихъ впечатлѣніе. Тотчасъ же посл-

окончательнаго переѣзда апостоловъ въ Іерусалимъ, Марія, мать Іисуса и братья его поселяются вмѣстѣ съ ними. Что касается Маріи, то Іоаннъ, думая исполнить завѣтъ учителя, повидимому, взялъ ее къ себѣ въ домъ. Онъ можетъ быть привезъ ее въ Іерусалимъ. Эта женщина, роль и характеръ которой остались совершенно не выясненными, начиная съ этого момента пріобрѣтаетъ значеніе. Слова, которыя евангелистъ вложилъ въ уста неизвѣстному: „блаженно чрево носившее тебя и сосцы питавшіе тебя!“ начали осуществляться. По всей вѣроятности Марія не на много лѣтъ пережила своего сына.

Что касается вопроса о братьяхъ Іисуса, то онъ еще темнѣе. У Іисуса были братья и сестры. Весьма вѣроятно, между тѣмъ, что въ числѣ тѣхъ, которые назывались „братья Господни“ находились и родственники второй степени. Этотъ вопросъ очень важенъ насколько онъ касается Іакова. Этотъ Іаковъ „справедливый“ или „братъ Господень“, игравшій большую роль въ первые тридцать лѣтъ христіанства, былъ ли онъ Іаковомъ сыномъ Алфея, повидимому приходившимся двоюроднымъ братомъ Іисуса, или онъ былъ дѣйствительно братомъ Іисуса? Свѣдѣнія по этому вопросу неясны и противорѣчивы. То, что мы знаемъ объ этомъ Іаковѣ даетъ намъ о немъ такое представленіе, что почти не вѣрится чтобы два столь различныхъ человѣка могли родиться отъ одной матери. Если Іисусъ былъ истиннымъ основателемъ христіанства, то Іаковъ былъ его опаснѣйшимъ врагомъ. Впослѣдствіи положительно утверждали, что Іа-

ковъ справедливый былъ дѣйствительно братомъ Іисуса. Но можетъ быть въ этомъ отношеніи ошибались.

Съ этого времени Іерусалимъ дѣлается центромъ пребыванія апостоловъ, повидимому они боятся разсѣяться и по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что они стараются воспрепятствовать возвращенію въ Галилею, гдѣ маленькая община ихъ могла бы распасться. Выставлялось положительное приказаніе Іисуса не отлучаться изъ Іерусалима и ждать „обѣщаннаго отъ Отца". Явленія становились все рѣже. О нихъ говорили все меньше и начали думать, что больше не увидятъ учителя до торжественнаго его возвращенія въ облакахъ. Воображеніе учениковъ было теперь возбуждено обѣщаніемъ даннымъ Іисусомъ. Утверждали, что во время своей жизни Іисусъ часто говорилъ своимъ ученикамъ о Святомъ Духѣ, подъ которымъ понималось воплощеніе божественной мудрости. Онъ обѣщалъ своимъ ученикамъ, что Духъ этотъ будетъ придавать имъ силу въ предстоящей имъ борьбѣ, будетъ одушевлять ихъ въ затрудненіяхъ, будетъ говорить въ нихъ, когда имъ придется выступать всенародно. Когда видѣнія стали рѣже, обратились къ этому Духу, на котораго смотрѣли какъ на утѣшителя, какъ на второе я, посылаемое Іисусомъ своимъ друзьямъ. Иногда воображали, что Іисусъ появляется вдругъ среди своихъ собравшихся учениковъ и дуетъ въ нихъ дыханіемъ жизни. Затѣмъ, исчезновеніе Іисуса считалось условіемъ сошествія Святаго Духа. Вѣрили, что онъ, являясь апостоламъ, обѣщалъ имъ сошествіе

Св. Духа. Нѣкоторые устанавливали внутреннюю связь между этимъ и возрожденіемъ царства израильскаго. Вся сила воображенія секты, обращенная раньше на созданіе легенды о воскресшемъ Іисусѣ, обратилась теперь къ созданію благочестиваго вѣрованія о сошествіи Св. Духа и чудесныхъ даровъ его.

Между тѣмъ, видимо, послѣдовало новое явленіе Іисуса въ Виѳаніи или на Масличной горѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ съ этимъ явленіемъ связаны послѣднія наставленія Іисуса, повторенное нѣсколько разъ обѣщаніе ниспослать Духъ Святой, который дастъ ученикамъ власть прощать грѣхи. Характерныя черты этихъ явленій становились все расплывчатѣе, одни смѣшивали съ другими и въ концѣ-концовъ о нихъ перестали думать. Рѣшили, что онъ живъ, что онъ явленіями достаточно доказалъ свое существованіе, что онъ до второго своего пришествія можетъ еще явиться вѣрующимъ. Такъ Павелъ приравниваетъ явленіе ему Іисуса на пути въ Дамаскъ къ обычнымъ явленіямъ Іисуса ученикамъ. Во всякомъ случаѣ полагали въ идеальномъ смыслѣ, что учитель пребываетъ съ учениками и будетъ съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка. Въ первые дни, когда явленія были очень часты, предполагали, что Іисусъ продолжаетъ жить на землѣ. Когда же видѣнія стали рѣже, Іисуса стали себѣ представлять сидящаго во славѣ одесную Отца. Говорили, что онъ „вознесся на небо“.

Это выраженіе осталось для большинства только образомъ, индукціей. Многіе же представляли себѣ

это вознесеніе матеріальнымъ образомъ. Такъ говорили, что онъ вознесся на небо послѣ того какъ явился въ послѣдній разъ всѣмъ апостоламъ. Эта сцена вознесенія получила впослѣдствіи развитіе и превратилась въ настоящую легенду. Говорили, что въ тотъ моментъ, когда онъ „поднялся въ глазахъ апостоловъ и облако взяло его изъ вида ихъ", предстали два мужа въ бѣлой одеждѣ и утѣшили апостоловъ тѣмъ, что Іисусъ вознесшійся на небо, придетъ такимъ же образомъ, какимъ онъ только что взошелъ. Смерть Моисея, народная фантазія обставила такими же явленіями. Можетъ быть вспомнили вознесеніе на небо пророка Ильи. По словамъ Луки событіе это происходило вблизи Виѳаніи на вершинѣ Масличной горы. Это мѣсто было, безъ сомнѣнія, очень дорого ученикамъ Іисуса, такъ какъ Іисусъ здѣсь жилъ.

Легенда говоритъ, что послѣ этого чудеснаго явленія ученики возвратились въ Іерусалимъ съ великою радостью. Что касается насъ, то теперь мы съ печалью говоримъ Іисусу послѣднее прости. Для насъ было большимъ утѣшеніемъ обрѣсти его живымъ въ его призрачной жизни. Эта вторая жизнь Іисуса, слабый отблескъ первой, все еще полна прелести. Но теперь на своемъ облачномъ тронѣ, одесную Отца своего, Онъ оставляетъ насъ однихъ и о, небо! какъ глубоко паденіе. Царство поэзіи миновало. Марія Магдалина, вернувшись въ свое мѣстечко, погружается въ свои воспоминанія. Петръ оказываетъ величайшую несправедливость, приписывая исключительно себѣ участіе въ дѣлѣ въ которомъ принимала не меньшее участіе М·

рія, онъ совершенно отстраняетъ Марію и ее забываютъ. Не будетъ больше нагорныхъ проповѣдей, исцѣленія бѣсноватыхъ, не будетъ больше тѣхъ необыкновенныхъ сотрудницъ въ дѣлѣ возрожденія, которыхъ не отвергалъ Іисусъ. Богъ дѣйствительно исчезъ. Съ этого момента исторія церкви превращается въ исторію измѣны памяти Іисуса. Но все-таки эта исторія есть гимнъ его славѣ. Слова и образъ величественнаго назарянина останутся возвышеннымъ идеаломъ среди безконечныхъ бѣдствій. Легче понять какъ онъ былъ великъ, когда познаешь какъ были малы его ученики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сошествіе Св. Духа.—Экстатическія и пророческія явленія.

Ученики Іисуса были до крайней степени незначительны, ограниченны, невѣжественны. Душевная простота ихъ была необычайна, легковѣрность ихъ была безгранична. Но у нихъ было одно качество: они любили своего учителя до безумія. Воспоминаніе объ Іисусѣ было единственнымъ содержаніемъ ихъ жизни и ясно, что они будутъ жить исключительно тѣмъ, что втеченіи двухъ или трехъ лѣтъ такъ сильно привлекало ихъ. Низшія души, которыя не могутъ непосредственно любить Бога, то есть находить истину, создавать прекрасное, творить добро, находятъ благо въ томъ, чтобы любить человѣка, въ которомъ есть лучъ истины

красоты и добра. Большинство людей чувствуютъ потребность въ двухстепенномъ культѣ. Масса хочетъ имѣть посредника между собой и Богомъ.

Если какой-нибудь личности удалось привязать къ себѣ нѣсколько другихъ лицъ цѣпями высокой нравственности и если эта личность умираетъ, то всегда случается, что оставшіеся, раздѣленные раньше ревностью и различіями во взглядахъ, становятся лучшими друзьями. Тысяча дорогихъ воспоминаній прошлаго становятся ихъ общимъ сокровищемъ. Любовь къ усопшему сказывается въ томъ, что любятъ тѣхъ, къ которымъ онъ былъ близокъ. Стараются сойтись, чтобы вспоминать минувшіе дни счастья. Исполняется буквально глубокое слово Іисуса: усопшій посреди тѣхъ, которые собираются во имя его.

Дружба, которую питали другъ къ другу ученики Іисуса во время его жизни, удесятерилась послѣ его смерти. Они составляли маленькое уединенное общество, жившее только для себя. Ихъ было въ Іерусалимѣ около ста двадцати. Набожность ихъ была очень велика, но это была чисто іудейская набожность.

Храмъ былъ главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Безъ сомнѣнія, они зарабатывали себѣ жизнь работой, но въ то время работа отнимала очень мало времени у іудейскихъ ремесленниковъ. Каждый занимался своимъ ремесломъ, но это нисколько не мѣшало тому, чтобы онъ былъ образованнымъ или хорошо воспитаннымъ человѣкомъ. У насъ такъ трудно удовлетворить матеріальныя потребности, что всякій живущій трудомъ рукъ своихъ

обязанъ работать ежедневно отъ двѣнадцати и до пятнадцати часовъ. Только ничѣмъ не занимающійся человѣкъ можетъ думать объ удовлетвореніи своихъ духовныхъ потребностей, пріобрѣтеніе знаній и дорого и затруднительно. Но въ этихъ древнихъ обществахъ, о которыхъ намъ даетъ представленіе еще современный Востокъ, но въ этомъ климатѣ, посреди этой природы, которая даетъ такъ много человѣку и такъ мало отъ него требуетъ, человѣкъ живущій работой имѣетъ много свободныхъ часовъ. Благодаря преподаванію сообща каждый могъ познакомиться съ идеями своего времени. Нѣсколькими часами умѣренной работы можно было заработать на пропитаніе и одежду. Остальное время отдавалось мечтаніямъ. Іудеи того времени кажутся намъ настоящими безумцами. Каждый слѣпо повиновался овладѣвшей имъ идеѣ.

Главной мыслью христіанской общины въ тотъ моментъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь и когда прекратились явленія Іисуса, было сошествіе Св. Духа. Полагали, что онъ сходилъ на вѣрующихъ въ таинственномъ дуновеніи. Многіе думали, что это дыханіе самого Іисуса. Каждое внутреннее чувство, каждое движеніе души, каждое чувство веселья и тихой радости, ощущаемое человѣкомъ было дѣломъ Св. Духа, эти добрыя души, какъ всегда, ставили возникавшія въ нихъ нѣжныя чувства въ зависимость отъ внѣшнихъ причинъ. Въ особенности въ собраніяхъ происходили подобныя явленія. Когда всѣ собирались и молча ждали вдохновленія свыше, простой шопотъ, случайный

шорохъ, принимались за сошествіе Св. Духа. Прежде при подобной же обстановкѣ происходили явленія Іисуса. Теперь же ходъ мыслей измѣнился. Божественный духъ сходилъ на общину и наполнялъ ее небеснымъ блаженствомъ.

Это вѣрованіе находилось въ связи съ событіями Ветхаго Завѣта. Въ іудейскихъ книгахъ, духъ пророчества является дуновеніемъ охватывающимъ все существо человѣка. Въ прекрасномъ видѣніи Ильи, Богъ проявляется легкимъ дуновеніемъ. Эти образы породили въ прежнія времена вѣрованія похожія на вѣрованія нашихъ современныхъ спиритовъ. Въ „Вознесеніи Исайи“ (написанномъ повидимому въ началѣ второго вѣка) сошествіе духа сопровождается скрипомъ двери. Часто, почти всегда, это явленіе считалось вторымъ крещеніемъ, а именно „крещеніемъ Св. духа“, имѣвшимъ гораздо большее значеніе, чѣмъ крещеніе Іоанна. Галлюцинаціи чувствъ происходили очень часто у лицъ столько же нервныхъ, сколько экальтированныхъ. Малѣйшее дуновеніе воздуха, сопроводжаемое какимъ нибудь шорохомъ, среди полной тишины, считалось сошествіемъ Духа. Кому нибудь одному казалось, что онъ чувствуетъ прикосновеніе Духа, тотчасъ это чувствовали и всѣ остальные и энтузіазмъ передавался отъ одного къ другому. Легко понять аналогію этихъ явленій съ галлюцинаціями ясновидящихъ всѣхъ временъ. Онѣ проявляются ежедневно, частью подъ вліяніемъ чтенія Дѣяній апостоловъ, у англійскихъ и американскихъ сектантовъ: квакеровъ, шекеровъ, ирвингіанцевъ, мормоновъ. У насъ онѣ наблюдались въ

сектѣ такъ называемыхъ спиритовъ; но нужно коренным образомъ различать абъерраціи безъ цѣли и будущаго и иллюзіи, сопровождавшія основаніе новаго религіознаго вѣрованія человѣчества.

Между всѣми этими „сошествіями Духа“, которыя повидимому случались довольно часто, одно произвело глубокое впечатлѣніе на будущую церковь. Однажды, когда братья собрались вмѣстѣ, разразилась гроза. Сильный вѣтеръ распахнулъ окна; все небо было въ огнѣ. Бури въ этихъ странахъ сопровождаются сильными свѣтовыми явленіями, воздухъ какъ бы прорѣзается со всѣхъ сторонъ огненными снопами. Оттого ли, что электрическій токъ проникъ въ помѣщеніе или яркая молнія вдругъ освѣтила всѣ лица, но всѣ были увѣрены, что сошелъ Духъ и опустился огненными языками надъ головой каждаго изъ присутствующихъ (выраженіе „огненный языкъ“ означаетъ на еврейскомъ языкѣ прямо „пламя“), Въ теургической сирійской школѣ было распространено мнѣніе, что Духъ проявляется божественнымъ огнемъ таинственнымъ сіяніемъ. Съ этого времени, крещеніе святаго Духа становится также огненнымъ крещеніемъ. Крещеніе Духомъ и огнемъ противоставляется крещенію водой, единственному, которое зналъ Іоаннъ и предпочитается ему. Крещеніе огнемъ проявлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ. Только одни апостолы и первые ученики получили его. Но то обстоятельство, что духъ якобы сошелъ на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ, возбудило цѣлый ядъ самыхъ странныхъ представленій, которыя имаютъ важное мѣсто среди идей того времени.

Языкъ людей, на которыхъ сходилъ Св. Духъ, какъ бы получалъ своего рода таинство. Утверждали, что многіе пророки до своего посвященія заикались, что ангелъ Господень проводилъ кускомъ угля по имъ губамъ, чѣмъ они были очищаемы и надѣляемы даромъ краснорѣчія. Предполагали, что при проповѣди человѣкъ говоритъ не самъ отъ себя, что языкъ его являлся органомъ воодушевлявшаго его божества. Эти огненные языки явились разительнымъ символомъ. Царило убѣжденіе, что Богъ этимъ хотѣлъ показать, что онъ излилъ на апостоловъ драгоцѣнные дары краснорѣчія и воодушевленія. Но на этомъ не остановились. Въ Іерусалимѣ, какъ въ большинствѣ крупныхъ городовъ Востока, говорили на разныхъ языкахъ. Разнообразіе языковъ было однимъ изъ затрудненій для пропаганды общаго характера. Апостоловъ пугала необходимость знать различные языки для проповѣди вѣры Христовой, они постоянно думали о томъ, какъ имъ изучить столько нарѣчій. „Даръ языковъ“ сдѣлался какъ бы родомъ чудеснаго преимущества. Воображали, что при извѣстныхъ торжественныхъ обстоятельствахъ каждый изъ присутствующихъ воспринималъ апостольское благовѣстіе на своемъ родномъ языкѣ, другими словами, что апостольская рѣчь становилась понятною каждому. Иногда это толковалось иначе. Апостоламъ приписывали даръ, благодаря божественному проникновенію, знанія всѣхъ нарѣчій.

Въ основѣ этого лежала либеральная мысль; этимъ хотѣли сказать, что у Евангелія нѣтъ своего собственнаго языка, что его можно перевести на

всѣ языки и что переводъ равноцѣненъ съ оригиналомъ. Но таковъ не былъ взглядъ ортодоксальнаго юдаизма. Еврейскій языкъ былъ для іерусалимскихъ евреевъ „священнымъ языкомъ", ни одинъ языкъ не могъ съ нимъ сравняться. Переводы библіи поэтому мало цѣнились: тогда какъ, точность еврейскаго текста тщательно соблюдалась, при переводахъ допускались разнаго рода измѣненія. Египетскіе евреи и эллинисты изъ Палестины отличались высшей степенью терпимости; они въ молитвахъ употребляли греческій языкъ и обыкновенно читали греческій переводъ библіи. Но первая христіанская мысль пошла еще дальше; по этой мысли Божье слово не имѣетъ собственнаго языка, оно свободно и не связано ни съ какимъ нарѣчіемъ, оно передается каждому безъ всякаго переводчика. Легкость, съ которой христіанство отказалось отъ семитическаго діалекта, на которомъ говорилъ Іисусъ, свобода, которую оно сначала предоставляло каждому народу въ созданіи литургіи и переводѣ библіи на національный языкъ, стояли въ связи съ этимъ родомъ эманципаціи языка. Считалось, что мессія соединитъ всѣ языки и всѣ народы воедино. Смѣшеніе языковъ было первымъ шагомъ къ этой великой эрѣ всеобщаго мира.

Впрочемъ, даръ языковъ скоро значительно измѣнился и повлекъ за собой самыя необыкновенныя явленія. Экзальтація умовъ вызывала экстазъ и якобы даръ прорицанія. Въ подобные моменты экстаза, охваченный Духомъ вѣрующій испускалъ непонятные, безсвязные звуки, кото-
е съ наивностью принимались за слова на чуж-

дыхъ языкахъ. То полагали, что исполненный Духа Святаго говоритъ на новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ языкахъ, или даже на языкѣ ангеловъ (нужно вспомнить, что на древнееврейскомъ, какъ впрочемъ и на всѣхъ другихъ древнихъ языкахъ, слова „чужой", „чуждые языки" происходятъ отъ словъ означающихъ „запинаться", „заикаться"). Странныя сцены, которыя повлекли за собой злоупотребленія, сдѣлались обычными явленіями только впослѣдствіи. Вѣроятно, однако, что онѣ стали возникать съ самыхъ первыхъ годовъ христіанства. Видѣнія древнихъ пророковъ часто сопровождались явленіями нервнаго возбужденія. Диѳирамбическое состояніе грековъ имѣло слѣдствіемъ явленія того же рода, пиѳія преимущественно пользовалась тѣми иностранными или устарѣвшими выраженіями, которыя, какъ въ апостольскихъ явленіяхъ, назывались „языками". Прорицанія были какъ бы неясной музыкой души, проявлявшейся въ непонятныхъ звукахъ, которые слушатели старались объяснять образами и извѣстными словами или скорѣе молитвой Св. Духа, обращающагося къ Богу на языкѣ, который извѣстенъ только Богу и который только Богъ можетъ объяснить. Находившійся въ экстазѣ не понималъ въ дѣйствительности того, что у него вырывалось изъ устъ, а вообще былъ безъ сознанія. Каждый съ жадностью прислушивался къ этимъ безсвязнымъ слогамъ и придавалъ имъ смыслъ соотвѣтственно сходству ихъ съ какими-либо словами своего родного языка, соотвѣтственно своему душевному состоянію.

Исторія одержимыхъ сектантовъ богата подо-

ными явленіями. У проповѣдниковъ Севеннъ наблюдались частые случаи „глоссолаліи“. Но самый разительный примѣръ этого мы видимъ у шведскихъ сектантовъ „чтецовъ“ въ 1841—1843 годахъ. Ежедневныя радѣнія этой маленькой секты долгое время состояли изъ выкрикиванія безсвязныхъ, безсмысленныхъ словъ, сопровождаемаго подергиваніями и обмороками. Явленія эти стали заразительными и возникло цѣлое народное религіозное движеніе. У ирвингіанцевъ, феноменъ языковъ сопровождается явленіями крайне схожими съ явленіями, изложенными въ Дѣяніяхъ апостоловъ и посланіяхъ св. Павла. Въ наше столѣтіе происходили сцены подобнаго же рода, но о нихъ не стоитъ говорить, такъ какъ не годится сравнивать легковѣріе, связанное съ крупнымъ религіознымъ кризисомъ съ легковѣріемъ, причиной котораго является только душевная простота.

Находившіеся въ экстазѣ рѣшались иногда выступать передъ толпой. Ихъ принимали за пьяныхъ. Хотя Іисусъ былъ далекъ отъ мистицизма, тѣмъ не менѣе онъ не разъ находился въ состояніи экстаза. Ученики были заняты этими идеями въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ. Часто бывали случаи пророчествованія и они считались даромъ, наравнѣ съ даромъ языковъ.

Молитва, сопровождаемая подергиваніями, мистическими вздохами, лирическимъ энтузіамомъ, пѣніемъ благодарственныхъ псалмовъ, стала ежедневнымъ занятіемъ. Создалась масса псалмовъ, славословій и духовныхъ пѣсенъ-подражаній Ветхому Завѣту. Скоро явилась молитва и духомъ

и умомъ, пѣли духомъ и умомъ, воспѣвали въ сердцахъ Господа. Такъ какъ никакой языкъ не могъ выразить новыя ощущенія, то вѣрующіе стали испускать лепетъ, дѣтскій и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный, въ которомъ находились зачатки того, что можно было бы назвать христіанскимъ языкомъ. Христіанство, не могшее примѣнить къ своимъ потребностямъ древніе языки, уничтожило ихъ. Но пока новая религія нашла новыя, примѣненныя къ своимъ потребностямъ выраженія, прошли столѣтія въ упорныхъ стараніяхъ. Что стиль св. Павла и вообще писателей Новаго Завѣта иное, какъ не подавленная, безформенная импровизація „глассолаліи"? Языка не было достаточно. Подобно пророкамъ они начали съ дѣтскаго лепета. Они не могли говорить. Они одинаково пренебрегали и греческимъ и семитическими языками. Отсюда эта громадная мощь, которую придало зарождающееся христіанство языку. Они говорили какъ заика, въ устахъ котораго заглушаются звуки, сталкиваются и затѣмъ кончаются смутной, но вполнѣ выразительной пантомимой.

Все это было далеко отъ чувства проникновенія Іисусомъ, но для этихъ душъ, проникнутыхъ вѣрою въ сверхъестественное, явленія эти имѣли громадное значеніе. Въ особенности даръ языковъ считался существеннымъ признакомъ новой религіи и доказательствомъ ея истинности. Во всякомъ случаѣ явились значительные результаты. Благодаря этому были обращены нѣсколько язычниковъ. До третьяго столѣтія проявлялась „глассолалія" подобнымъ образомъ, какъ ее описалъ св

Павелъ и считалась длящимся чудомъ. Нѣкоторыя высокія изреченія христіанства явились слѣдствіемъ этихъ прерывистыхъ вздоховъ. Общее впечатлѣніе было трогательное и проникновенное. Эта манера сообщать всѣмъ свои вдохновенія и предоставлять ихъ истолкованіе общинѣ, должно было создать между вѣрующими крѣпкіе узы братства.

Подобно всѣмъ мистикамъ, и новые сектанты вели строгій образъ жизни „въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ". Какъ и большинство жителей Востока они ѣли мало, что способствовало ихъ возбужденію. Умѣренность сирійца, причина его физической слабости, возбуждала въ немъ состояніе лихорадочности и нервной воспріимчивости. Наши мощныя душевныя движенія не согласимы съ подобнымъ образомъ жизни. Но это ослабленіе головы и мускуловъ ведетъ за собой безъ видимой причины смѣну горестнаго и радостнаго настроенія, благодаря которому душа находится въ постоянномъ общеніи съ Богомъ. То, что называлось „печалью ради Бога" считалось божественнымъ даромъ. Всѣ ученія отцовъ духовной жизни, Іоанна Климака, Василія, Нила, Арсенія, всѣ тайны великаго искусства душевной жизни, одного изъ самыхъ славныхъ созданій христіанства, зародились въ томъ необычайномъ душевномъ состояніи, которое переживали они въ періоды экзальтаціи. Душевное состояніе ихъ было необычайно, они жили въ мірѣ сверхъестественнаго, дѣйствія ихъ являлись слѣдствіемъ видѣній, сны, самыя незначительныя обстоятельства казались имъ указаніями свыше.

Подъ именемъ даровъ Св. Духа подразумѣвались самыя рѣдкія и высокія изліянія души, любовь, набожность, почтительный страхъ, безпричинный вздохъ, внезапная грусть, нѣжность. Все хорошее, что было въ человѣкѣ, помимо его воли приписывалось вліянію свыше. Въ особенности слезы считались небеснымъ благомъ. Этотъ чудный даръ, преимущество только очень добрыхъ и чистыхъ душъ, проявлялся съ безконечной мягкостью. Извѣстно, какой силой является у нѣжныхъ натуръ, въ особенности у женщинъ, божественная способность много плакать. Это—ихъ молитва и конечно самая святая изъ молитвъ. Только въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, въ орошенной слезами набожности св. Бруно, св. Бернгарда, св. Франциска Ассизскаго, можно найти цѣломудренную меланхолію первыхъ дней христіанства, когда слезы порождали радость. Тѣ, которые не могли ни проповѣдывать, ни говорить на иныхъ языкахъ, ни творить чудеса, плакали. Молитва, проповѣди, поученія сопровождались слезами. Наступило царство слезъ и слезами вѣрующіе выражали нѣжныя чувства своей души, которыя они не могли выразить словами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

[Годъ 35].

Первая Іерусалимская община.

Привычка жить въ одной и той же вѣрѣ и въ однихъ и тѣхъ же ожиданіяхъ, по необходимости создала общія привычки. Очень скоро создались правила, которыя придали этой примитивной

общинѣ нѣкоторое сходство съ позднѣйшими христіанскими монастырскими учрежденіями. Многіе изъ завѣтовъ Іисуса вели къ этому; истиннымъ идеаломъ евангельской жизни является монастырь, но не окруженный рѣшетками монастырь, тюрьма, какъ это было въ средніе вѣка, съ отдѣленіемъ обоихъ половъ, а пріютъ для желающихъ жить духовной жизнью, свободный союзъ, искреннее братство, которое уединяется для того чтобы предотвратить заботы, которыя могли бы повредить свободѣ царства Божія.

Поэтому всѣ жили общей жизнью, душа въ душу. Ни у кого не было личной собственности. Дѣлаясь ученикомъ Христа, всякій продавалъ все что имѣлъ и вырученныя деньги отдавалъ общинѣ которыя дѣлились между всѣми, смотря по нуждѣ каждаго. Всѣ члены общины жили въ одномъ кварталѣ, вкушали пищу за общимъ столомъ, придавая, согласно завѣту Іисуса, дѣйствію преломленія хлѣба мистическій смыслъ. Долгіе часы проводили они въ молитвѣ, которая иногда громко импровизировалась, большею же частью творилась мысленно. Они часто приходили въ экстазъ, полагая, что на нихъ нисходитъ божественное откровеніе. Согласіе между ними царило полное, не было догматическихъ споровъ, не было ссоръ изъ-за первенства. Нѣжное воспоминаніе о Іисусѣ объединяло всѣхъ. Живая и искренняя радость наполняла всѣ сердца. Нравственныя предписанія были строги, но тѣмъ не менѣе проникнуты нѣжнымъ чувствомъ. Собирались въ извѣстныхъ домахъ для общей молитвы, во время которой моля-

щимися овладѣвалъ экстазъ. Эти первые два, три года были какъ бы земныхъ раемъ, воспоминаніе о которомъ всегда преслѣдовало христіанство во всѣ времена, и къ которому оно тщетно стремилось вернуться. Но понятно, что подобная организація могла существовать только въ очень маленькой общинѣ. Однако впослѣдствіи монастырская жизнь будетъ стремиться къ достиженію этого первобытнаго идеала, который церковь едва ли могла когда либо осуществить.

Очень возможно, что авторъ дѣяній, давшій намъ картину этой первой эпохи христіанства въ Іерусалимѣ, сгустилъ краски, въ особенности по отношенію къ вопросу объ общей собственности членовъ общины. Онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ третьяго Евангелія, въ которомъ онъ, повѣствуя о жизни Іисуса, измѣнялъ факты согласно своей теоріи и часто проявлялъ наклонность къ ученію эббіонизма, то есть абсолютной нищеты. Тѣмъ не менѣе, повѣствованію Дѣяній нельзя здѣсь отказать въ извѣстной долѣ истины. Если Іисусъ и не высказывалъ тѣхъ коммунистическихъ идей, которыя приведены въ третьемъ Евангеліи, то все же можно съ достовѣрностью сказать, что отрицаніе всѣхъ благъ земныхъ и раздача состоянія бѣднымъ вполнѣ согласуется съ духомъ его ученія. Вѣра въ конецъ міра всегда вызывала презрѣніе къ мірскимъ благамъ и способствовала созданію общины. Изложеніе Дѣяній вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о происхожденіи другихъ аскетическихъ религій, напримѣръ буддизма. Подобныя религіи всегда на-

чинаются съ монастырской жизни. Первые ихъ приверженцы являются какъ-бы нищенствующими монахами. Свѣтскій вѣрующій появляется только впослѣдствіи, только тогда, когда эти религіи подчинили себѣ цѣлыя общества и когда монастырская жизнь можетъ существовать только въ видѣ исключенія.

Значитъ мы предполагаемъ періодъ монастырской жизни въ Іерусалимской церковной общинѣ. Еще два столѣтія спустя христіанство производило на язычниковъ впечатлѣніе коммунистической секты. Не нужно забывать того, что терапевты дали образецъ этого образа жизни, который велъ свое начало отъ Моисея. Такъ какъ законодательство Моисея было главнымъ образомъ нравственное, но не политическое, то его естественнымъ продуктомъ были соціальная утопія, община, синагога, монастырь, а не гражданское государство, нація, городъ. Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій Египетъ содержалъ на средства государства въ замкнутомъ Серапеумѣ мемфисскомъ, мужчинъ и женщинъ. Нужно обратить вниманіе на то, что подобная жизнь на Востокѣ совершенно не та, что у насъ на Западѣ. На востокѣ можно вполнѣ наслаждаться природой и жизнью, не имѣя никакой собственности. Тамъ человѣкъ всегда свободенъ, потому что у него мало потребностей, рабство труда тамъ неизвѣстно. Но можно предположить, что коммунизмъ первобытной церковной общины не былъ такъ строгъ и всеобщъ, какимъ его изображаетъ авторъ Дѣяній. Достовѣрно то, что въ Іерусалимѣ существовала большая община бѣд-

ныхъ, во главѣ которой стояли апостолы и въ которую направлялись пожертвованія изъ всѣхъ мѣстъ, населенныхъ христіанами. Эта община была безъ сомнѣнія обязана установить довольно строгія правила и нѣсколько лѣтъ спустя, стоявшіе во главѣ общины принуждены были дѣйствовать на членовъ ужасомъ. Возникли страшныя легенды, по которымъ наказывалась смертью попытка утаить что нибудь принадлежащее общинѣ.

Въ храмахъ, въ особенности въ храмѣ Соломона царившемъ надъ Кедронской долиной, обыкновенно собирались ежедневно вѣрующіе. Здѣсь все было полно воспоминаній объ Іисусѣ. Среди оживленія, царившаго вокругъ храма, на нихъ обращали мало вниманія. Галлереи, составлявшія часть зданія, были мѣстопребываніемъ многочисленныхъ школъ и сектъ, ареной безконечныхъ диспутовъ. Ученики Іисуса считались впрочемъ правовѣрными іудеями, такъ какъ они еще соблюдали добросовѣстно іудейскіе обряды, молились въ опредѣленные часы и соблюдали всѣ предписанія закона. Они отличались отъ остальныхъ іудеевъ только вѣрой въ то, что Мессія уже пришелъ. Люди, не знавшіе ихъ близко (а таковыхъ было большинство), считали ихъ за сектантовъ Гассидимъ или благочестивыхъ іудеевъ. Іаковъ, напримѣръ, остался всю свою жизнь настоящимъ іудеемъ. Народъ любилъ ихъ за ихъ набожность, простоту, кротость. Старѣйшины храма навѣрно недоброжелательно относились къ нимъ, но секта эта не возбуждала особеннаго вниманія, такъ какъ она держала себя спокойно и замкнуто.

Вечеромъ братія возвращались домой и раздѣлившись на групы, собирались на вечерю въ знакъ братства и въ память объ Іисусѣ, бывшемъ, по ихъ убѣжденію, всегда среди нихъ. Старшій преломлялъ хлѣбъ, благословлялъ чашу и пускалъ ее въ круговую, въ знакъ единенія съ Христомъ. Обыденнѣйшее дѣйствіе превращалось такимъ образомъ въ торжественнѣйшее и священнѣйшее. Эти общія вечери, всегда излюбленныя евреями, сопровождались молитвами и между присутствующими царило тихое радостное чувство. Ученики мысленно переносились въ то время, когда Іисусъ оживлялъ ихъ своимъ присутствіемъ; имъ казалось, что Іисусъ по прежнему среди нихъ и скоро разнесся слухъ, что Іисусъ говорилъ: „Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое за васъ ломимое, сіе творите въ мое воспоминаніе“. Хлѣбъ, любившими Іисуса и все еще жившими имъ, считался какъ бы тѣломъ его, единственнымъ источникомъ всякой силы.

Эти вечери, бывшія всегда главнымъ символомъ христіанства и душой его мистерій, происходили сначала каждый вечеръ, а затѣмъ только по воскресеньямъ вечеромъ. Впослѣдствіи даже мистическое вкушеніе пищи было перенесено на утро. Вѣроятно, что въ историческій моментъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, христіане праздновали еще субботу.

Избранные Іисусомъ апостолы, которымъ по общему мнѣнію было дано особое порученіе возвѣщать царствіе Божіе, пользовались въ маленькой общинѣ неоспоримымъ преимуществомъ. Одной изъ

первыхъ заботъ, послѣ того какъ секта спокойно поселилась въ Іерусалимѣ, явилась замѣна Іуды Искаріотскаго. Мнѣніе, что онъ предалъ своего учителя и былъ причиной его смерти, становилось все распространеннѣе. Къ этому присоединилась легенда и съ каждымъ днемъ выплывало новое обстоятельство, усиливавшее всю низость его поступковъ. Онъ купилъ себѣ поле около стараго кладбища Гакельдама, къ югу отъ Іерусалима, и жилъ тамъ уединенно. Маленькая община находилась въ такомъ состояніи наивной экзальтаціи, что для замѣны Іуды обратились къ помощи жребія.

Въ важныхъ религіозныхъ движеніяхъ вообще любятъ прибѣгать къ такому рѣшающему средству, такъ какъ считается несомнѣннымъ, что нѣтъ ничего случайнаго, что Богъ всегда принимаетъ участіе въ человѣческой жизни и что это участіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше какое либо дѣйствіе зависитъ отъ человѣка. Кандидаты были взяты изъ группы самыхъ старшихъ учениковъ, бывшихъ свидѣтелями цѣлаго ряда событій начиная отъ крещенія Іоанна. Это значительно уменьшило число могущихъ быть избранными. Таковыхъ было только двое: Іосифъ Варсава, прозванный Іустомъ и Матѳей. Жребій выпалъ послѣднему и онъ былъ сопричисленъ къ одинадцати апостоламъ, которые считались какъ бы разъ навсегда назначенными Іисусомъ и не могли имѣть пріемниковъ. Опасность постоянной коллегіи, которая могла бы захватить себѣ всю жизнь и всю силу общины, была инстинктивно удалена на извѣстное время. Центра-

лизація церкви въ олигархію послѣдовала уже гораздо позже.

Нужно впрочемъ избѣгать недоразумѣнія, которыя можетъ породить слово „апостолъ“. Еще въ первыя времена христіанства благодаря нѣкоторымъ мѣстамъ Евангелій и въ особенности благодаря аналогіи жизни Павла, апостоловъ были склонны считать за миссіонеровъ, которые главнымъ образомъ странствовали, заранѣе дѣлили между собой весь міръ и завоевателями проходили черезъ всѣ государства міра. По этому вопросу образовался въ церковной исторіи цѣлый рядъ легендъ. Но это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Апостолы до 60 года обыкновенно пребывали въ Іерусалимѣ священный городъ они покидали только въ исключительныхъ случаяхъ. Этимъ объясняется отсутствіе всякихъ свѣдѣній о роли большинства апостоловъ. Они составили какъ бы родъ священной коллегіи или сената, охранявшаго святость завѣтовъ и традицій. Въ концѣ концовъ было рѣшено освободить ихъ отъ всякой другой дѣятельности, кромѣ проповѣдыванія и сотворенія молитвы; имъ еще не была дана блестящая роль благовѣствователей. Внѣ Іерусалима ихъ имена были почти неизвѣстны.

„Братья Господни“ часто упоминаются наряду съ „апостолами“, хотя они и отличались отъ нихъ. Ихъ авторитетъ былъ по меньшей мѣрѣ равенъ авторитету апостоловъ. Эти двѣ группы составляли въ зарождающейся церкви родъ аристократій, основанной единственно на болѣе или менѣе интимной близости ея членовъ съ учителемъ. Это были люди, которыхъ Павелъ называлъ „столпами“ Іерусалим-

ской церкви. Мы видимъ впрочемъ, что тогда еще не существовало различія въ церковной іерархіи. Титулъ былъ ничто, личное значеніе—все. Основанія церковнаго безбрачія были во всякомъ случаѣ уже заложены, хотя потребовалось время для того, чтобы всѣ эти зародыши окончательно развились. Петръ и Филиппъ были женатые и имѣли сыновей и дочерей.

Для обозначенія союза вѣрующихъ взято было еврейское слово „кагалъ", передаваемое чисто демократическимъ словомъ ecclesia, то есть народное собраніе въ древнихъ греческихъ городахъ. Со второго или третьяго столѣтія до Рождества Христова слова аѳинской демократіи стали, такъ сказать, общимъ достояніемъ и многіе изъ этихъ выраженій употребляемыхъ греческими братіями, перешли въ христіанскій языкъ (такъ напримѣръ, епископъ, можетъ быть клиръ). Въ дѣйствительности народная жизнь, ограниченная втеченіи нѣсколькихъ столѣтій извѣстными рамками, приняла совершенно различныя формы. Первобытная церковь была какъ бы маленькой демократіей. Въ ней часто примѣнялось избраніе посредствомъ жребія,—средство употреблявшееся въ древнихъ республикахъ. Менѣе строгая и менѣе недовѣрчивая чѣмъ древніе города, община добровольно переносила свой авторитетъ на нѣкоторыхъ; какъ каждое теократическое общество оно склонно было передать свою власть въ руки клира и можно было легко предвидѣть, что по истеченіи одного или двухъ столѣтій вся демократія превратится въ олигархію.

Соединенная церковь и стоявшіе во главѣ е

пользовались громадной властью, доходившей даже иногда до произнесенія смертныхъ приговоровъ. Разсказывали, что отъ голоса Петра многіе преступившіе законы общины падали бездыханными. Павелъ впослѣдствіи отлучаетъ отъ церкви кровосмѣсителей и предаетъ „сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа". Отлученіе считалось какъ бы смертнымъ приговоромъ. Не сомнѣвались въ томъ, что лицо отлученное апостолами или главами общинъ и преданное сатанѣ погибло навсегда. Сатана считался виновникомъ всякихъ болѣзней, предать ему негоднаго члена общины значило предать его естественному палачу. Апостолы полагали, что имъ даны сверхъестественныя права и что ихъ проклятія должны произвести надлежащее дѣйствіе.

Ужасное впечатлѣніе, производимое отлученіемъ и ненависть братій къ исключеннымъ такимъ образомъ членамъ общины дѣйствительно могли во многихъ случаяхъ повлечь за собой смерть или покрайней мѣрѣ заставить осужденнаго покинуть родину. Мы не должны забывать того, что это было эпохой зилотовъ, которые считали добродѣтельнымъ поступкомъ убивать всякаго нарушившаго законъ, что нѣкоторые христіане были зилотами. Напримѣръ разсказъ о смерти Ананія и Сапфиры не возбуждалъ никакихъ угрызеній. Представленіе о свѣтской власти было такъ чуждо этому стоявшему внѣ римскаго права міру, царило такое твердое убѣжденіе, что община является самоуправляющимъ обществомъ, что никто не видѣлъ

наказуемаго гражданскимъ закономъ дѣянія въ чудѣ, послѣдствіемъ котораго являлись смерть или изуродованіе какого-либо провинившагося члена общины. Воодушевленіе и горячая вѣра покрывали все, извиняли все. Легко понять какую ужасную опасность заключали въ себѣ подобные теократическіе принципы. Церковь вооружается мечомъ, отлученіе становится смертнымъ приговоромъ. Съ этихъ поръ должна возникнуть власть въ мірѣ, стоящая внѣ государства и располагающая жизнью гражданъ. Если бы римскія власти ограничились уничтоженіемъ у евреевъ и христіанъ подобныхъ достойныхъ осужденія взглядовъ, то онѣ были бы тысячу разъ правы. Въ своей грубости они однако смѣшали свободу молиться по своему убѣжденію съ злоупотребленіями, которыя ни одно общество не могло оставить безнаказанными.

Петръ пользовался среди учениковъ нѣкоторымъ преимуществомъ, главнымъ образомъ благодаря своей ревностной дѣятельности. Въ теченіе первыхъ лѣтъ по смерти Іисуса онъ не разставался съ Іоанномъ, сыномъ Заведея, и ихъ согласіе было безъ сомнѣнія, краеугольнымъ камнемъ новой вѣры. Іаковъ, братъ Господень пользовался, по крайней мѣрѣ у части общины, такимъ же уваженіемъ. Что касается нѣкоторыхъ интимныхъ друзей Іисуса, какъ напримѣръ, Галилейскихъ женъ, семьи въ Виѳаніи, то, какъ уже было сказано, о нихъ больше не было и рѣчи. Не стремясь основывать и организовывать общины, вѣрные друзья Іисуса довольствовались тѣмъ, что любили и послѣ смерти того, кого они любили во время его жизни. Эти благо-

родныя жены, создавшія міровую вѣру, были почти неизвѣстны выдающимся членамъ Іерусалимской общины. Съ ихъ смертью исчезли самыя важныя черты зарождающагося христіанства. Только дѣятельность доставляетъ славу, онѣ же, удовольствовавшіяся тихой любовью остались въ тѣни, но, несомнѣнно онѣ при этомъ избрали благую часть.

Излишне и говорить, что эта маленькая группа простыхъ людей не пользовалась никакой спекулятивной теологіей. Іисусъ держался вдали отъ какой-либо метафизики. У него былъ только одинъ догматъ: его божественное происхожденіе и божественность его миссіи. Весь символъ первобытной церкви могъ быть выраженъ въ одной фразѣ: «Іисусъ—Мессія, Сынъ Божій». Эта вѣра покоилась на фактѣ воскресенія, свидѣтелями котораго себя считали ученики. Собственно говоря никто, даже галилейскія жены, не утверждалъ, что видѣлъ воскресеніе Христово, но отсутствіе тѣла и послѣдующія явленія казались равнозначущими самому факту воскресенія. Всѣ считали своей особенной обязанностью свидѣтельствовать о воскресеніи Іисуса. Впослѣдствіи ученики вообразили, что учитель предсказалъ это событіе. Стали припоминать многія его слова, которыя они раньше якобы не понимали и которыми, какъ они были теперь убѣждены, Іисусъ, возвѣщалъ свое воскресеніе. Всѣ вѣровали въ скорое второе пришествіе Іисуса. Тайнымъ паролемъ всѣхъ вѣрующихъ было „маранъаѳа“,—„Господь пріидетъ“. Вспоминали слова Іисуса: не успѣете обойти городовъ израилевыхъ какъ ‹идетъ Сынъ Человѣческій“. Они вѣровали, что

онъ сидитъ одесную Отца своего и что настанетъ торжественный день, когда онъ сойдетъ съ небесъ, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ.

Они имѣли объ Іисусѣ то представленіе, которое онъ имъ самъ внушилъ. Іисусъ былъ пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ, избранникъ Божій, который получилъ особую миссію, засвидѣтельствованную чудесами и еще болѣе того воскресеніемъ. Богъ помазалъ его Святымъ Духомъ и силою и онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ обладаемыхъ діаволомъ, потому что Богъ былъ съ Нимъ. Онъ сынъ Божій, замѣститель Божій на землѣ, Онъ Мессія, Спаситель Израиля, возвѣщенный пророками. Въ обычаяхъ секты было чтеніе книгъ Ветхаго Завѣта, главнымъ образомъ псалмовъ и пророковъ. И это чтеніе было проникнуто idée fixe. Царило общее убѣжденіе, что всѣ книги Ветхаго Завѣта полны указаніями на Іисуса и въ первые годы христіанства было составлено собраніе текстовъ изъ псалмовъ, пророковъ и нѣкоторыхъ апокрифическихъ книгъ, въ которыхъ какъ были убѣждены, была предсказана жизнь Іисуса.

Іисусъ со своимъ тонкимъ религіознымъ чувствомъ не установилъ новаго ритуала. Новая секта не имѣла еще особыхъ церемоній. Собранія не заключали въ себѣ ничего литургическаго, это были собранія братіи, которыя проводились въ молитвѣ пророчествѣ и чтеніи посланій. Не было еще ничего священническаго. Священниковъ еще не было; пресвитеръ это старшій общины и ничего болѣе. Единственный священникъ это Іисусъ. Крещеніе было необходимымъ условіемъ вступленія въ секту.

Посты были дѣломъ благочестивымъ. Обрядъ крещенія былъ тотъ же что и у Іоанна, только онъ совершался во имя Іисуса. Но одно крещеніе считалось недостаточнымъ посвященіемъ. За нимъ должно было слѣдовать дарованіе даровъ св. Духа, которое совершалось при произнесеніи апостолами установленной молитвы и возложеніи ими рукъ надъ головой неофита.

Это возложеніе рукъ, которое такъ часто совершалъ Іисусъ, было сакраментальнымъ актомъ величайшаго значенія. Оно порождало вдохновеніе, внутреннее просвѣтлѣніе, власть совершать чудеса, пророчествовать, говорить на чужихъ языкахъ. Это было то, что называли духовнымъ крещеніемъ. Вспоминали слова Іисуса: „Іоаннъ крестилъ васъ водой, а вы будете крещены Духомъ Святымъ". Мало-по-малу всѣ эти воззрѣнія слились и крещеніе совершалось „во имя Отца и Сына и Святого Духа". Но невѣроятно, чтобы эта формула уже употреблялась въ первые дни христіанства, о которыхъ мы говоримъ. Простота первобытнаго христіанскаго культа очевидна. Ни Іисусъ, ни апостолы не изобрѣтали его. Нѣкоторыя іудейскія секты до нихъ еще ввели эти важныя и торжественныя церемоніи, которыя вѣроятно берутъ свое начало частью изъ Халдеи. Религія персовъ также заключала въ себѣ много подобныхъ обычаевъ.

Вѣра въ даръ исцѣленія глубоко упрочилась въ ученикахъ Іисуса. Эта власть являлась однимъ изъ чудесныхъ даровъ Святого Духа. Первые христіане какъ почти всѣ евреи того времени видѣли въ болѣзни наказаніе за проступокъ или считали

его дѣломъ діавола. Апостолы потому считались наравнѣ съ Іисусомъ могущественными заклинателями злыхъ духовъ. Вѣрили въ то, что ихъ помазанія елеемъ, возложеніе рукъ на голову и призываніе имени Іисуса могли очистить отъ грѣховъ и исцѣлить больныхъ. Елей всегда считался на Востокѣ превосходнымъ цѣлительнымъ средствомъ. Впрочемъ считали, что возложеніе рукъ апостолами производитъ то же самое дѣйствіе. Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ теплота рукъ сообщалась головѣ, къ которой прикасались апостолы, и этимъ самымъ доставляла больнымъ нѣкоторое облегченіе.

Секта была молода и не очень многочисленна; вопросъ о мертвыхъ явился только впослѣдствіи. Первые случаи смерти членовъ общины произвели весьма странное впечатлѣніе. Безпокоились о судьбѣ умершихъ и спрашивали себя находятся ли они въ менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ чѣмъ тѣ, которые собственными глазами узрятъ пришествіе Сына Человѣческаго. Промежутокъ между смертью и воскресеніемъ считали какъ бы пробѣломъ въ сознаніи умершихъ. Развитая въ „Федонѣ“ идея, что душа существуетъ до и послѣ смерти, что смерть благо, что она сама является чуднымъ философскимъ состояніемъ, такъ какъ душа тогда вполнѣ свободна отъ всякихъ оковъ— этой идеи еще не было у первыхъ христіанъ.

Для нихъ повидимому человѣкъ безъ тѣла не существуетъ. Этотъ взглядъ держался долго и исчезъ только тогда, когда ученіе о безсмертіи души, въ духѣ греческихъ философовъ, проник-

въ церковь и слилось, худо-ли хорошо ли, съ христіанскимъ догматомъ воскресенія и всеобщаго возрожденія. Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, царила почти исключительно вѣра въ воскресеніе. Обрядъ погребенія былъ несомнѣнно еврейскій. Ему не придавали никакого значенія, на могилахъ не было никакихъ надписей. Великое воскресеніе было близко, тѣло вѣрующаго должно было только не надолго остаться въ скалистой пещерѣ. Не раздумывали надъ разрѣшеніемъ вопроса будетъ ли воскресеніе всеобщимъ, то есть воскреснутъ ли и добрые и злые, или же только избранные.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій этой новой религіи было появленіе вновь пророчества. Давно уже не было разговора о пророкахъ Израиля. Этотъ особый родъ вдохновенія видимо снова появился въ маленькой сектѣ. Первобытная церковь имѣла нѣсколько пророковъ и пророчицъ, подобно тому какъ мы это видимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Появились снова и псалмисты. Образцомъ христіанскихъ псалмовъ являются для насъ пѣсни, которыя такъ любитъ разсыпать въ своемъ Евангеліи Лука и которые являются подражаніемъ пѣсенъ Ветхаго Завѣта. Эти псалмы, эти пророчества, по отношенію къ формѣ не имѣютъ въ себѣ ничего первобытнаго, но они одушевлены и проникнуты замѣчательнымъ духомъ кротости и благочестія. Они являются какъ бы легкимъ эхо послѣднихъ произведеній священной лирики Израиля. Книга псалмовъ была въ нѣкоторомъ родѣ цвѣткомъ, изъ котораго христіанская пчела собирала свой первый медъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

[Годъ 36].

Обращеніе эллинизированныхъ евреевъ и прозелитовъ.

До сихъ поръ іерусалимская церковь являлась маленькой галилейской колоніей. Друзья Іисуса въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ, какъ Лазарь, Марѳа, Марія изъ Виѳаніи, Іосифъ изъ Аримаѳеи, Никодимъ, сошли со сцены. Осталась только одна галилейская группа, сплоченная вокругъ двѣнадцати апостоловъ. Эти ревностные ученики проповѣдывали безпрерывно. Впослѣдствіи послѣ разрушенія Іерусалима и уже вдали отъ Іудеи возникло представленіе о томъ, что апостолы проповѣдывали на базарныхъ площадяхъ среди многочисленной толпы. Это принадлежитъ къ числу тѣхъ любимыхъ измышленій, которыми такъ богата легенда. Власти, осудившія на смерть Іисуса, не могли конечно разрѣшить подобныхъ публичныхъ проповѣдей.

Вѣрующіе обращали прозелитовъ главнымъ образомъ путемъ интимныхъ разговоровъ, когда душевная теплота передавалась отъ одного къ другому. Ихъ проповѣди въ колоннадахъ храма Соломона были обращены къ немногочисленнымъ кругамъ, но тѣмъ сильнѣе было производимое ими впечатлѣніе. Ихъ рѣчи состояли главнымъ образомъ изъ цитатъ Ветхаго Завѣта, которыми они стремились доказать, что Іисусъ былъ Мессіей. Ихъ разсужденія были слабы, но это общій недо-

статокъ евреевъ того времени; заключенія, выводимыя учителями Мишны изъ текстовъ библіи не болѣе удовлетворительны.

Еще слабѣе приводимыя ими для подкрѣпленія ихъ аргументовъ доказательства, якобы вытекавшія изъ факта сотворенія чудесъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что апостолы были убѣждены, что они дѣйствительно обладаютъ силой творить чудеса, которыя считались знакомъ божественнаго посланничества. Павелъ, самый зрѣлый умъ первой христіанской школы, вѣрилъ въ то, что онъ совершалъ чудеса. Непреложнымъ фактомъ считалось, что Іисусъ творилъ чудеса. Было вполнѣ естественно, что рядъ этихъ божественныхъ откровеній продолжался. И дѣйствительно до конца перваго столѣтія тауматургія считалась какъ бы преимуществомъ, присвоеннымъ однимъ апостоламъ. Чудеса, творимыя апостолами, такого же свойства какъ и чудеса Іисуса и состоятъ они главнымъ образомъ, но не исключительно, изъ исцѣленій больныхъ и заклинаній злыхъ духовъ. Утверждали, что одной тѣни ихъ было достаточно для чудеснаго исцѣленія. Эти чудеса считались даромъ Духа Святого наравнѣ съ даромъ знанія, проповѣди, пророчества. Еще въ третьемъ столѣтіи церковь считала, что она обладаетъ силой исцѣлять больныхъ, изгонять бѣсовъ и возвѣщать будущее. Въ этомъ отношеніи благодаря невѣжеству все становится возможнымъ. Не видимъ ли мы какъ и въ наши дни честные, но не обладающіе научными познаніями люди вѣрятъ въ химеры магнетизма и другихъ обмановъ.

Однимъ изъ первыхъ, присоединившихся къ общинѣ былъ кипрянинъ по имени Іосифъ Галлеви или Левитъ. Подобно другимъ онъ продалъ свою землю и вырученныя деньги положилъ къ ногамъ двѣнадцати. Апостолы близко сошлись съ нимъ и назвали его Варнавою, то есть сыномъ пророчества. И дѣйствительно онъ принадлежалъ къ пророкамъ, то есть къ вдохновеннымъ проповѣдникамъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ будетъ играть главную роль. Послѣ Павла онъ былъ самымъ дѣятельнымъ миссіонеромъ перваго столѣтія. Нѣкій Мнасонъ, землякъ его, около того же времени послѣдовалъ его примѣру. Оба они были, несомнѣнно, какъ показываютъ ихъ имена, евреями.

Почти такое же важное значеніе имѣло присоединеніе нѣкоего Іоанна, носившаго римское имя Марка. Онъ былъ племянникомъ Варнавы и былъ обрѣзанъ. Его мать Марія послѣдовала его примѣру, и въ домѣ ея не разъ собирались апостолы. Оба эти обращенія были повидимому дѣломъ Петра. Онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ сыномъ и матерью, и домъ ихъ былъ для него роднымъ домомъ. Если даже допустить гипотезу, что Іоаннъ Маркъ не тождественъ съ дѣйствительнымъ или предполагаемымъ авторомъ втораго Евангелія, то все же роль его очень значительна. Мы увидимъ впослѣдствіи какъ онъ будетъ сопровождать Павла, Варнаву, и вѣроятно Петра въ ихъ апостольскихъ странствованіяхъ.

Первый огонь распространился съ чрезвычайной быстротой. Почти всѣми самыми знаменитыми му-

жами апостольскаго столѣтія овладѣвалъ втеченіе двухъ, трехъ лѣтъ родъ экзальтаціи. Это было второе христіанское поколѣніе, паралельное тому, которое пять или шесть лѣтъ тому назадъ создалось на берегу Тиверіадскаго озера. Это второе поколѣніе не видѣло и не могло быть по авторитету поставлено на одну доску съ первымъ, но оно превзошло первое поколѣніе своей подвижностью и стремленіемъ проповѣдывать слово Божіе въ далекихъ странахъ. Однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ новыхъ адептовъ былъ Стефанъ, который до своего обращенія, кажется, былъ простымъ прозелитомъ. Это былъ человѣкъ полный рвенія, онъ обладалъ горячей вѣрой и его считали надѣленнымъ всѣми дарами Святаго Духа. Филиппъ, бывшій подобно Стефану діакономъ и ревностнымъ евангелистомъ, присоединился около того же времени къ общинѣ. Его часто путаютъ съ апостоломъ того же имени. Наконецъ около этого же времени послѣдовало обращеніе Андроника и Юліи, вѣроятно супружеской четы, которая, какъ впослѣдствіи Аквила и Присцилла считались образцомъ апостольской супружеской четы. Они происходили изъ колѣна Израилева и находились въ очень близкихъ отношеніяхъ съ апостолами.

Всѣ новообращенные исповѣдывали іудейскую религію, когда ихъ осѣнила благодать, но они принадлежали къ двумъ самымъ различнымъ классамъ. Одни были „евреи“, то есть значитъ, іудеи изъ Палестины, говорившіе по-еврейски и читавшіе библію въ подлинникѣ, другіе были „эллинистами“, то есть іудеями, говорившими по-грече-

ски и читавшіе Библію на греческомъ языкѣ. Эти раздѣлялись опять таки на два класса: людей, у которыхъ въ жилахъ текла еврейская кровь и другихъ прозелитовъ—людей не израильтянскаго происхожденія. Эти элленисты, почти всѣ родомъ изъ Сиріи, Малой Азіи, Египта или Киринеи жили въ Іерусалимѣ въ различныхъ кварталахъ. У нихъ были свои особыя синагоги и они составляли особыя небольшія общины. Въ Іерусалимѣ было много такихъ особыхъ синагогъ. Здѣсь слово Іисуса нашло благодатную почву для воспріятія и распространенія.

Основное ядро церкви состояло исключительно изъ евреевъ, которые говорили исключительно на арамейскомъ діалектѣ, на которомъ говорилъ и Іисусъ. Однако мы видимъ, что черезъ два, три года послѣ смерти Іисуса, въ маленькую общину вторгся греческій языкъ, который вскорѣ и сталъ преобладающимъ. Въ виду ежедневныхъ сношеній съ новыми братіями, Петръ, Іоаннъ, Іаковъ, Іуда и вообще галилейскіе ученики выучились греческому языку тѣмъ легче, что они, можетъ быть, немного его уже и знали. Случай, о которомъ скоро будетъ рѣчь, покажетъ, что введеніе греческаго языка сначала произвело расколъ въ общинѣ, при чемъ эллинисты не очень то дружелюбно относились къ евреямъ. Мы увидимъ какъ послѣ разрушенія Іерусалима, жившіе по ту сторону Іордана и удалившіеся къ Тиверіадскому озеру евреи образуютъ отдѣльную церковь. Но нужно предполагать, что въ этотъ промежутокъ времени эта граница языковъ не имѣла значенія для

церкви. На востокѣ изучаютъ языки съ большой легкостью; каждый городской житель говоритъ обыкновенно на двухъ или трехъ нарѣчіяхъ. Поэтому вѣроятно, что тѣ галилейскіе апостолы, которые играли активную роль, научились греческому языку и употребляли его преимущественно нередъ сирійско-халдейскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе что говорившіе на греческомъ языкѣ вѣрующіе составляли большинство. Греческій языкъ былъ какъ бы предназначенъ для христіанства. Онъ былъ общимъ языкомъ для всего восточнаго средиземнаго побережья и на немъ говорили всѣ разсѣянные по римскому государству іудеи. Въ то время какъ и въ наши дни, евреи съ необыкновенной легкостью воспринимали языкъ народа, среди котораго они жили. Но языкъ ихъ не отличается чистотой, и вотъ это-то испортило греческій языкъ первобытнаго христіанства. Даже самые ученые евреи говорили съ ошибками на классическомъ языкѣ.

Обращенія въ христіанство стали скоро гораздо многочисленнѣе между «эллинистами», чѣмъ между „евреями". Старые іерусалимскіе евреи не чувствовали большого влеченія въ сектѣ провинціаловъ, которая была мало свѣдуща въ единственной наукѣ, которую признавали фарисеи: въ знаніи закона. Положеніе маленькой общины по отношенію къ іудаизму было, какъ и положеніе самого Іисуса, немного двусмысленно. Но каждая религіозная и политическая партія имѣетъ въ себѣ силу, которая управляетъ ею и заставляетъ ее даже противъ воли выполнять свою задачу.

Первые христіане, какъ велико не было ихъ кажущееся почтеніе къ іудаизму, были въ дѣйствительности іудеями по рожденію или же по убѣжденію. Въ оффиціальномъ іудаизмѣ главную роль игралъ талмудъ, но христіанство не имѣло никакого отношенія къ талмудской школѣ. И слѣдствіемъ этого является то, что христіанство имѣло главнымъ образомъ успѣхъ у тѣхъ партій, которыя были менѣе всего іудейскими. Строгіе ортодоксальные евреи рѣдко обращались въ христіанство. Но люди новые, почти необразованные, потому что они высшихъ школъ не посѣщали, свободные отъ всякой рутины и не знакомые съ священнымъ языкомъ, вотъ кто прислушивалсе къ словамъ апостоловъ и ихъ учениковъ.

Эти, мало знакомые съ ученіями о законѣ, классы были повидимому гораздо наивнѣе и легковѣрнѣе. Въ іудеяхъ Талмуда поражается не легковѣріе. Легковѣрный іудей, вѣрующій во все чудесное, какимъ его выставляютъ латинскіе сатирики, не іудей Іерусалима, а іудей-эллинистъ, являющійся очень религіознымъ и мало образованнымъ, а поэтому очень суевѣрнымъ. Ни полу-невѣрующій садукеецъ, ни строгій фарисей не могли особенно интересоваться теургіей, которая была въ такомъ ходу въ апостольскихъ кругахъ. Соціальными вопросами интересовались главнымъ образомъ люди не имѣвшіе собственности. Новая секта, развивая взгляды очень схожіе на тѣ, которые теперь называются соціалистическими, положила твердое основаніе, на которомъ она должна была въ будущемъ покоиться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Церковь какъ союзъ бѣдныхъ.— Учрежденіе діаконата.— Діакониссы и вдовы.

Изъ сравнительной исторіи религіи мы познаемъ одну общую истину: всѣ религіи возникающія не одновременно съ возникновеніемъ первобытнаго способа выраженія мысли, обязаны своимъ происхожденіемъ скорѣе соціальнымъ, чѣмъ теологическимъ основаніямъ. Навѣрно точно также было и съ буддизмомъ. Религія эта была сильна не нигилистической философіей, являющейся ея основаніемъ, но своей соціальной стороной. Сакія-Муни и его ученики обратили сначала всю Индію, а затѣмъ большую часть Азіи, потому что они проповѣдывали уничтоженіе кастъ и „законъ милости для всѣхъ". Подобно христіанству, буддизмъ былъ движеніемъ бѣдныхъ.

Число бѣдныхъ въ первомъ столѣтіи нашей эры было въ Іудеи очень значительно. Страна эта лишена всѣхъ средствъ ведущихъ къ благосостоянію. Въ подобныхъ странахъ безъ промышленности, почти каждое состояніе обязано своимъ возникновеніемъ пышнымъ религіознымъ учрежденіямъ или милости правительства. Сокровища храма были издавна предназначены исключительно для ограниченнаго числа аристократовъ. Асмонейцы собрали вокругъ своей династіи группу богатыхъ семействъ, Ироды сильно подняли благосостояніе извѣстнаго общественнаго класса. Но истинный

теократическій еврей повертывавшійся спиной къ римской цивилизаціи, сталъ еще бѣднѣе. Образовался цѣлый классъ святыхъ, благочестивыхъ, фанатическихъ людей, строго соблюдавшихъ законъ и бывшихъ при этомъ въ ужасныхъ матерьяльныхъ обстоятельствахъ. Изъ этого класса вышли секты и фанатическія партіи, столь многочисленныя въ ту эпоху. Общей мечтой было владычество оставшагося вѣрнымъ іудейскаго пролетаріата, униженіе богатаго, считавшагося измѣнникомъ, перебѣжчикомъ въ лагерь пришедшей извнѣ цивилизаціи. Страшную ненависть питали эти Божьи бѣдняки къ роскошнымъ постройкамъ которыя стали покрывать страну и ко всему римскому народу. Чтобы не умереть съ голоду, они были вынуждены работать на этихъ постройкахъ, казавшихся имъ памятниками гордыни и запрещенной роскоши и они считали себя жертвами злыхъ, испорченныхъ, измѣнившихъ закону богачей.

Понятно, что при данныхъ обстоятельствахъ союзъ для взаимопомощи получилъ быстрое распространеніе. Маленькая христіанская община должна была казаться раемъ. Передъ тѣмъ какъ вступить въ секту, имѣніе превращали въ деньги. Обыкновенно это имѣніе состояло изъ маленькаго очень непродуктивнаго клочка земли, который нужно было съ трудомъ обработывать. Въ особенности холостымъ людямъ было выгодно обмѣнивать эти клочки земли на пожизненную ренту въ страховомъ обществѣ, причемъ въ будущемъ открывалась еще возможность царства Божія. Въ общин

вступали и нѣкоторые женатые люди. Были приняты мѣры, чтобы вступающіе въ общину дѣйствительно вносили все свое состояніе и не имѣли денегъ внѣ общей кассы. Въ виду того, что каждый получалъ не соотвѣтственно внесенной суммы, а соотвѣтственно своимъ потребностямъ, то всякое утаиваніе собственности было кражей совершенной у общины. Поразительно сходство подобныхъ попытокъ организацій пролетаріата съ нѣкоторыми утопіями не столь давняго времени. Но глубокое различіе лежало въ томъ, что христіанскій коммунизмъ имѣлъ религіозное основаніе, тогда какъ современный соціализмъ этого основанія не имѣетъ. Ясно, что союзъ, въ которомъ каждый имѣетъ долю соотвѣтственно своимъ потребностямъ, а не внесенному капиталу, можетъ основаться исключительно на ярко выраженномъ чувствѣ самоотреченія и на горячей вѣрѣ въ религіозный идеалъ.

Въ подобномъ общественномъ учрежденіи административныя затрудненія несомнѣнно должны были быть очень часты, какимъ бы сильнымъ духомъ братства они ни были проникнуты. Между обѣими фракціями общины, говорившими на разныхъ языкахъ, недоразумѣнія были неизбѣжны. Понятно, что евреи чистой расы чувствовали нѣкоторое пренебреженіе къ остальнымъ вѣрующимъ. Между эллинистами становившимися съ каждымъ днемъ многочисленнѣе, наконецъ возникло недовольство за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были „въ ежедневномъ раздаяніи потребностей“. До тѣхъ поръ веденіе хозяйства лежало на обязанности

апостоловъ. Но ввиду подобныхъ упрековъ они почувствовали необходимость передать кому либо эту часть своей власти. Они предложили общинѣ довѣрить административныя обязанности семи мудрымъ и уважаемымъ вѣрующимъ. Предложеніе это было принято и община избрала семь человѣкъ: Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая. Послѣдній былъ обращенный изъ язычниковъ антіохіецъ. Повидимому въ данномъ случаѣ въ противоположность выборамъ апостола Матѳея, старались выбрать семь администраторовъ не изъ основной группы учениковъ, а изъ рядовъ новообращеныхъ, въ особенности эллинистовъ. И дѣйствительно всѣ избранники носили греческія имена. Стефанъ былъ самый уважаемый изъ всѣхъ семи и являлся какъ бы ихъ главой. Ихъ поставили передъ апостолами, которые по освященному обычаю помолились, возложивъ на нихъ руки.

Избранникамъ дали сирійское названіе „шамашинъ“, по-гречески діаконы. Ихъ называли „тѣсемь“ въ отличіе отъ „Двѣнадцати“. Таково значитъ происхожденіе діаконата, стариннѣйшаго церковнаго установленія. Всѣ позднѣе возникшія общины имѣли діаконовъ въ подражаніе іерусалимской общинѣ. Польза подобнаго установленія была прямо чудодѣйственна. Забота о бѣдныхъ была поставлена наравнѣ съ религіозными требованіями. Это было возвѣщеніе истины, что главное, о чемъ нужно заботиться это о соціальныхъ вопросахъ. Діаконы были лучшими проповѣдниками христіанства. Мы скоро увидимъ какую роль они буду

играть въ качествѣ евангелистовъ. Въ качествѣ организаторовъ, экономовъ, они играли еще болѣе важную роль. Эти практическіе люди, бывшіе въ сношеніяхъ съ бѣдными, больными и женщинами, проникали всюду, ничто не ускользало отъ ихъ взоровъ. Они убѣждали и обращали въ христіанство и были несравненно дѣятельнѣе апостоловъ, которые неподвижно оставались на своихъ почетныхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ. Они создали все то, что есть въ христіанствѣ самаго положительнаго и постояннаго.

Очень скоро къ этой должности стали допускать и женщинъ. Ихъ, какъ и въ наши дни, называли „сестрами". Вначалѣ это были вдовы, впослѣдствіи имъ стали предпочитать дѣвушекъ. Тактъ, которымъ были проникнуты всѣ дѣйствія первобытной церкви, изумителенъ. Эти простые, славные люди положили въ основаніе своихъ поступковъ глубокое, искреннее чувство, проходящее черезъ всю великую христіанскую религію: милосердіе. Ничто не могло имъ служить образцомъ для подобныхъ установленій. Великое дѣло милосердія и взаимопомощи, къ которому оба пола примѣнили свои разнородныя свойства, соревнуя другъ передъ другомъ въ облегченіи человѣческаго горя—вотъ что было священнымъ результатомъ работы этихъ первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ.

Они были самые плодотворные въ исторіи христіанства. Чувствуется, что въ ученикахъ Іисуса было еще живо воспоминаніе о немъ и что оно съ изумительной ясностью руководило всѣми ихъ поступками. Въ дѣйствительности, чтобы быть спра-

ведливымъ, нужно честь всего того, что совершили апостолы великаго, приписать Іисусу. Вѣроятно, что еще при жизни онъ положилъ основаніе установленіямъ, которыя скоро послѣ его смерти должны были получить громадное развитіе.

Женщины, конечно, поспѣшили присоединиться къ общинѣ слабыхъ. Положеніе ихъ въ тогдашнемъ обществѣ было унизительное и невѣрное. Въ особенности вдовы были, несмотря на нѣкоторую законную защиту, осуждены на нищету и не пользовались уваженіемъ. Нѣкоторые учителя утверждали, что женщинѣ не нужно давать никакого религіознаго воспитанія. Талмудъ ставитъ на одну доску болтливую любопытную вдову, проводящую все свое время въ сплетняхъ у сосѣдокъ, съ дѣвушкой теряющей свое время въ молитвѣ, и ту и другую онъ какъ бы считаетъ бичемъ страны. Новая религія создала этимъ обездоленнымъ, почетное и вѣрное убѣжище. Нѣкоторыя женщины азнимали въ общинахъ очень выдающееся положеніе и домъ ихъ служилъ мѣстомъ собранія для вѣрующихъ. Что касается тѣхъ, которыя не имѣли дома, то изъ нихъ составили какъ-бы родъ ордена или женскаго пресвитеріанскаго союза, въ который конечно входили и дѣвушки. Союзъ этотъ игралъ конечно значительную роль въ дѣлѣ раздачи милостыни.

Установленія, считаемыя позднѣйшимъ плодомъ христіанства, какъ напримѣръ, женскія конгрегаціи сестры милосердія, были одними изъ первыхъ его созданій, принципомъ его силы, совершеннѣйшимъ выраженіемъ его духа. Достойная удивленія мысл

посвятить дѣлу религіи незамужнихъ женщинъ и подчинить ихъ правильной дисциплинѣ — мысль чисто христіанская. Слово „вдовица“ означаетъ религіозную, посвященную Богу женщину и поэтому „діакониссу“. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ двадцати-четырехлѣтняя женщина уже поблекла и гдѣ едва существуетъ ступень между ребенкомъ и женщиной, была какъ бы создана новая жизнь для болѣе способной къ преданности половины человѣчества.

Время селевкидовъ было страшной эпохой женскаго нестроенія. Никогда не было столько семейныхъ драмъ, столько отравительницъ и прелюбодѣекъ. Мудрецы того времени смотрѣли на женщину какъ на бичъ человѣчества, какъ на принципъ позора и низости, какъ на злого генія, единственное стремленіе котораго направлено къ уничтоженію въ мужчинѣ всѣхъ благородныхъ зачатковъ. Христіанство измѣнило это положеніе вещей. Въ возрастѣ считаемомъ нами еще молодостью, но въ которомъ жизнь женщины на Востокѣ такъ печально отдана во власть злымъ побужденіямъ, вдова могла, покрывъ свою голову чернымъ платкомъ, стать уважаемой женщиной, діакониссой, стоящей наравнѣ съ самыми уважаемыми мужами. Христіанство подняло и освятило это столь тяжелое положеніе бездѣтной вдовы. Вдова почти становится равной дѣвушкѣ. Эти неустанно работавшія женщины были замѣчательными миссіонерами новаго культа. Протестанты ошибаются, внося въ обсужденіе этихъ фактовъ нашъ современный ихъ индивидуализма. Въ исторіи христіанства

первобытными установленіями является соціализмъ, монашество.

Епископа, священника, какъ они образовались впослѣдствіи, тогда еще не существовало. Но уже тогда заложены были первыя понятія о духовномъ родствѣ, помимо родства кровнаго. Это было особымъ даромъ Іисуса и вмѣстѣ съ тѣмъ его наслѣдіемъ. Іисусъ часто повторялъ, что онъ для каждаго ближе чѣмъ его отецъ и мать и что желающій послѣдовать за нимъ долженъ оставить всѣхъ своихъ близкихъ. Христіанство создало братство, духовный бракъ. Античный бракъ, въ которомъ жена являлась собственностью мужа, былъ настоящимъ рабствомъ. Нравственная свобода женщины началась съ того дня, когда церковь дала ей въ лицѣ Іисуса руководителя и утѣшителя. Женщина нуждается въ руководствѣ, но она должна любить того, кто ею руководитъ. Вотъ это-то не могли исполнить ни античныя общества ни іудаизмъ, ни исламъ. До христіанства женщина не имѣла ни религіознаго сознанія, ни нравственной индивидуальности, ни самостоятельнаго мнѣнія. Благодаря епископамъ и монашеской жизни, какая нибудь Родегунда могла найти средства вырваться изъ рукъ варварскаго мужа. Душевная жизнь стоитъ на первомъ мѣстѣ, поэтому справедливо и разумно, чтобы духовное лицо, имѣющее возможность затронуть общественныя струны, чтобы тайный совѣтникъ, владѣющій ключомъ совѣсти, значилъ больше чѣмъ отецъ, чѣмъ супругъ.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, христіанство было реакціей противъ слишкомъ ограничивающаго г

янія семьи въ арійской расѣ. Старыя арійскія общества нетолько съ трудомъ принимали въ свою среду женатаго человѣка, они понимали бракъ въ самомъ строгомъ смыслѣ. Это было нѣчто подобное аглійской семейной жизни, узкія, ограниченныя, гнетущія рамки, эгоизмъ многихъ, такъ же изсушивающій души какъ и эгоимъ отдѣльныхъ лицъ. Христіанство въ своемъ божественномъ пониманіи свободы Царства Божія измѣнило это и съ самаго начала остереглось возложить общія всѣмъ людямъ обязанности на всѣхъ людей.

Оно приняло во вниманіе, что семья не можетъ быть абсолютной рамкой жизни или по крайней мѣрѣ рамкой для всѣхъ, что обязанность продолженія человѣческаго рода не можетъ быть наложена на всѣхъ, что существуютъ также люди, которые должны быть освобождены отъ этого, хотя и святого, но все же не обязательнаго для всѣхъ долга. Исключеніе, дѣлаемое греческимъ обществомъ въ пользу гетеръ вродѣ Аспазіи и итальянскимъ обществомъ для куртизанокъ вродѣ Имперіи, въ видѣ извѣстныхъ потребностей утонченнаго общества—то же самое исключеніе сдѣлало христіанство для священниковъ, монахинь, діакониссъ, во вниманіе къ общему благу.

Мы никогда не поймемъ какъ счастливы были вѣрующіе, соблюдая священныя правила, которыя поддерживали свободу безъ всякаго ея стѣсненія и одновременно дѣлали возможнымъ соединеніе общественной жизни съ частной. Это была противоположность нашихъ искусственныхъ, лишенныхъ любви обществъ, въ которыхъ тонкая душа такъ

часто чувствуетъ себя ужасно одинокой. Въ этихъ маленькихъ уголкахъ, называвшихся общинами, атмосфера была темна и задушевна. Всѣхъ соединяла общая вѣра и общія упованія. Но понятно также, что большое общество не можетъ существовать при подобныхъ условіяхъ. Когда цѣлыя страны обратились въ христіанство, эти правила первобытной церкви стали утопіями и онѣ продолжали существовать только въ монастыряхъ. Въ этомъ смыслѣ монастырская жизнь является продолженіемъ первобытной церкви. Монастырь является необходимымъ слѣдствіемъ христіанскаго духа, безъ монастыря не существуетъ совершеннаго христіанства, потому что только тамъ можетъ осуществиться евангельскій идеалъ.

Эти великія установленія обязаны своимъ существованіемъ главнымъ образомъ іудаизму. Каждая изъ разсѣянныхъ по побережью Средиземнаго моря еврейскихъ общинъ являлась какъ бы церковной общиной съ кассой для взаимнаго вспоможенія. Раздача милостыни бѣднымъ сдѣлалась общимъ правиломъ, (мудрецы всегда предписывали подавать милостыню), она происходила въ храмахъ и синагогахъ и считалась первой обязанностью прозелитовъ. Во всѣ времена, іудаизмъ отличался своей заботливостью о бѣдныхъ и чувствомъ братскаго милосердія.

Великая несправедливость противоставлять христіанство іудаизму; вѣдь все имѣвшееся въ первобытномъ христіанствѣ вело свое происхожденіе отъ евреевъ. Если подумать о римскомъ мірѣ, то приходится удивляться чудесамъ милосердія и

свободнаго общенія, произведеннымъ церковью. Никогда языческое общество, ставящее въ основаніе только разумъ, не осуществляло такихъ чудныхъ результатовъ. Закономъ каждаго языческаго философскаго общества—да позволено мнѣ будетъ такъ его назвать—является свобода, иногда равенство, но ни въ коемъ случаѣ не братство. Милосердіе, съ точки зрѣнія права, не имѣетъ въ себѣ ничего обязательнаго, оно считается только съ индивидуумомъ. Каждая попытка истратить общественныя суммы для блага пролетаріевъ кажется коммунизмомъ. Когда человѣкъ умираетъ съ голоду, когда цѣлые классы пребываютъ въ нищетѣ, то политика ограничивается тѣмъ, что находитъ это очень скверным. Это указываетъ, что не можетъ быть гражданскаго и политическаго строя безъ свободы, но слѣдствіемъ этой свободы является то, что не имѣющій ничего и не имѣющій возможности что либо пріобрѣсти, умираетъ съ голоду. Это логично, но злоупотребленію логики ничего не можетъ противостоять. Потребности самыхъ многочисленныхъ классовъ приводятъ всегда къ возстанію. Чисто политическія и гражданскія учрежденія являются уже не достаточнымъ, соціальныя и религіозныя стремленія имѣютъ также право на законное удовлетвореніе.

Заслуга еврейскаго народа заключается въ томъ, что онъ ярко выразилъ этотъ принципъ. Еврейскій законъ—законъ соціальный, но не политическій. Пророки, авторы откровеній, являются возбудителями къ соціальнымъ, но не политическимъ революціямъ. Въ первой половинѣ перваго

столѣтія евреи стоя лицомъ къ лицу съ языческой цивилизаціей, имѣли только одну мысль; отвергнуть благодѣяніе римскаго права, этого философскаго, атеистическаго, равнаго для всѣхъ права и возвѣстить превосходство ихъ теократическаго закона, созданнаго нравственнымъ и религіознымъ обществомъ. Законъ составляетъ счастье, это мысль всѣхъ еврейскихъ мыслителей, какъ Филонъ и Іосифъ. Законы остальныхъ народовъ, заботятся о томъ, чтобы осуществлялась справедливость, не обращая вниманія на то, чтобы люди были добры и счастливы. Однако іудейскій законъ входитъ въ мелочи нравственнаго воспитанія. Христіанство ни что иное какъ развитіе той же самой мысли. Каждая община—монастырь, въ которомъ всѣ имѣютъ право на все, въ которомъ не можетъ быть ни бѣдныхъ, ни злыхъ, гдѣ поэтому всѣ надзираютъ другъ за другомъ, всѣ повинуются другъ другу. Первобытное христіанство можно поэтому опредѣлить какъ обширный союзъ бѣдняковъ какъ геройскую борьбу противъ эгоизма, покоющуюся на мысли, что каждый имѣетъ право только на самое необходимое, что излишекъ принадлежитъ тѣмъ, которые ничего не имѣютъ. Легко понятно что между подобнымъ взглядомъ и римскимъ духомъ должна возникнуть борьба на жизнь и на смерть и что христіанство можетъ достичь міроваго владычества только при томъ условіи, что оно кореннымъ образомъ измѣнитъ свои природныя тенденціи и свою первобытную программу.

Мы дошли до 36 года. Тиверій на Капри и не подозрѣвалъ, что его государству угрожаетъ врагъ.

Въ два, три года новая секта сдѣлала удивительные успѣхи. Въ ней насчитывалось нѣсколько тысячъ вѣрующихъ. Легко предвидѣть, что главнымъ образомъ въ христіанство будутъ обращены эллинисты и прозелиты. Галилейская группа учениковъ Іисусовыхъ, правда, еще занимала первое мѣсто, но уже чувствовалось, что главная роль будетъ принадлежать говорившей на греческомъ языкѣ массѣ вновь обращенныхъ. Въ общину еще не вошелъ ни одинъ язычникъ, ни одинъ человѣкъ, который не былъ бы связанъ съ іудействомъ. Но прозелиты уже выполняли очень важныя функціи. Кругъ лицъ, изъ которыхъ выбирали наставниковъ, значително расширился. Это уже не была маленькая Палестинская коллегія, въ нее входили уроженцы Кипра, Антіохіи, Кирены, вообще всѣхъ мѣстъ восточнаго побережья Средиземнаго моря, гдѣ существовали іудейскія колоніи. Одинъ Египетъ только не имѣлъ въ данное время представителей въ этой первобытной церкви и еще долгое время впредь его не имѣлъ. Іудеи этой страны считались какъ бы схизматиками. Они жили особою жизнью, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе развитой чѣмъ въ Палестинѣ и поэтому религіозныя движенія въ Іерусалимѣ слабо реагировали на нихъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(Годъ 37)

Первыя гоненія.—Смерть Стефана.—Разсѣяніе первой Іерусалимской общины.

Проповѣди новой секты должны были неминуемо возбудить ненависть тѣхъ людей, которые ненавидѣли основателя ея и были причиной его смерти. Саддукейская семья Анны продолжала еще властвовать. Іосифъ Каіафа до 36 года продолжалъ быть первосвященикомъ, но въ дѣйствительности всю власть онъ передалъ своему тестю Аннѣ и своимъ родственникамъ Іоанну и Александру. Эти безсердечные люди съ досадой смотрѣли на то, что группа добрыхъ и благочестивыхъ людей, не имѣвшихъ никакого оффиціальнаго положенія, пріобрѣла любовь толпы. Одинъ или два раза Петръ, Іоаннъ и другіе главные члены апостольской коллегіи были заключены въ тюрьму и приговорены къ бичеванію, которое являлось наказаніемъ для еретиковъ и для примѣненія котораго не нужно было испрашивать разрѣшеніе римлянъ. Какъ и можно было предвидѣть, насилія эти только увеличивали рвеніе апостоловъ. Они уходили изъ синедріона, гдѣ приводилось въ исполненіе наказаніе, радуясь что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе. Какая глупость эти тѣлесныя наказанія за религіозныя воззрѣнія! И глупцы серіозно предполагавшіе въ 36 году, что христіанство можетъ быть искоренено нѣсколькими ударами бича, навѣрно

считались тогда людьми порядка, образцами ума и мудрости.

Эти насилія исходили главнымъ образомъ отъ саддукеевъ, то есть отъ высшаго духовенства, извлекавшаго изъ храма громадные барыши. Нѣтъ указаній на то, чтобы фарисеи относились съ враждебностью къ сектѣ, главу которой они такъ преслѣдовали. Вѣрующіе были благочестивыми людьми строгой нравственности и образъ жизни они вели почти такой же какъ и фарисеи. Послѣдніе чувствовали къ Іисусу ненависть благодаря его нравственному превосходству. Онъ возбудилъ въ нихъ ненависть своей тонкой насмѣшкой, своимъ умомъ своей привѣтливостью, своимъ отвращеніемъ къ ханжамъ, У апостоловъ между тѣмъ не было остроумія, они никогда не прибѣгали къ ироніи. Фарисеи относились къ нимъ иногда даже благосклонно и многіе изъ нихъ стали христіанами. Ужасныя проклятія Іисуса, обращенныя къ фарисеямъ, не были еще тогда общеизвѣстны и рѣчи учителя не были еще передаваемы во всей ихъ точности.

Эти первые христіане были столь безобидные люди, что нѣкоторые члены Іудейской аристократіи, хотя и не принадлежали къ сектѣ, но относились къ ней благосклонно. Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій, знавшіе Іисуса, безъ сомнѣнія поддерживали близкія сношенія съ церковной общиной. Знаменитѣйшій іудейскій ученый того времени раввинъ Гамаліилъ, человѣкъ съ обширнымъ умственнымъ кругозоромъ и очень либеральныхъ взглядовъ, какъ передаютъ, выступилъ въ синедріонѣ

въ защиту свободы евангельскаго ученія. Авторъ Дѣяній апостоловъ вкладываетъ въ его уста слова, которыя должны были бы служить правиломъ для всякаго правительства по отношенію къ новымъ явленіямъ въ умственной или духовной области... „Если это дѣло отъ человѣка, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его, потому что вы окажетесь богопротивниками". Гамаліилъ не встрѣтилъ сочувствія. Либеральные взгляды не могли имѣть успѣха среди фанатиковъ.

Сильное волненіе было вызвано діакономъ Стефаномъ. Повидимому, проповѣди его пользовались большимъ успѣхомъ. Вокругъ него собиралась толпа и собранія эти оканчивались столкновеніями. Главнымъ образомъ вступали въ споръ съ Стефаномъ эллинисты или прозелиты, пребывавшіе обыкновенно въ синагогѣ либертинцевъ (вѣроятно потомки уведенныхъ рабами въ Римъ и затѣмъ отпущенныхъ на волю іудеевъ), жители Киринеи, Александріи, Киликіи и Асіи. Стефанъ съ жаромъ проповѣдывалъ, что Іисусъ былъ Мессіей, что старѣйшины совершили преступленіе осудивъ его на смерть, что іудеи приняли законъ и не сохранили его, что какъ отцы ихъ, такъ и они сами всегда противились Духу Святому. Власти рѣшили уничтожить этого смѣлаго проповѣдника. Были подосланы люди, чтобы найти въ его рѣчахъ хулу на законъ Моисеевъ. Конечно, они нашли то, что искали. Стефана схватили и повели въ синедріонъ. Его обвиняли въ томъ же, что служило поводомъ осужденію на смерть Іисуса. Онъ говорилъ яко

бы, что Іисусъ Назорей разрушитъ храмъ и перемѣнитъ обычаи, которые передалъ іудеямъ Моисей.

Стефанъ привелъ въ защиту христіанскаго ученія тексты изъ законовъ, псалмовъ и пророковъ и въ концѣ концовъ обвинилъ членовъ синедріона въ убійствѣ Іисуса: „Жестоковыйные! воскликнулъ онъ, люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы!“

Крикъ ярости прервалъ слова Стефана, который между тѣмъ приходилъ въ возбужденіе. Наконецъ имъ овладѣлъ припадокъ экзальтаціи, считавшейся признакомъ сошествія Святаго Духа. Онъ воззрѣлъ на небо и увидѣвъ славу Божію и Іисуса, стоящаго одесную Бога, воскликнулъ: „Я вижу небеса отверстыя и Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога!“ Всѣ присутствующіе заткнули себѣ уши и бросились на него. Его повлекли за городъ и стали побивать камнями. Свидѣтели, которые по закону должны были первые побить его камнями, сняли одежды свои и положили ихъ у ногъ одного молодого фанатика Савла или Павла, который съ радостью принималъ участіе въ убійствѣ богохульника.

Во всемъ этомъ былъ буквально соблюденъ законъ Моисеевъ. Но съ точки зрѣнія гражданскаго закона это выполненіе смертнаго приговора безъ участія римлянъ было противозаконно. Мы

видѣли, что по отношенію къ Іисусу приговоръ долженъ былъ быть утвержденъ прокураторомъ. Можетъ быть и въ данномъ случаѣ дѣло такъ и обстояло и выполненіе приговора не слѣдовало тотчасъ же послѣ его произнесенія, какъ это утверждаетъ авторъ Дѣяній. Но можетъ быть и авторитетъ римскихъ властей ослабѣлъ къ тому времени въ Іудеѣ. Пилатъ былъ устраненъ отъ своей должности главнымъ образомъ въ виду жалобъ іудеевъ на то, что прокураторъ не идетъ въ достаточной степени на встрѣчу ихъ требованіямъ. (Весь процессъ Іисуса доказываетъ это).

Во всякомъ случаѣ важно замѣтить, что въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, гонителями христіанства являлись не римляне, но ортодоксальные іудеи. Римляне среди этого фанатизма соблюдали разумную терпимость. Если въ чемъ и можно упрекнуть императорскія власти, то только въ томъ, что онѣ были слишкомъ слабы и сразу не уничтожили кровавый законъ, по которому за религіозные проступки полагалась смертная казнь. Но римляне не были тогда абсолютными властителями Іудеи, какъ это было впослѣдствіи: Іудея состояла какъ бы подъ протекторатомъ Рима. Римъ былъ сюзереномъ Іудеи. Уступчивость Рима доходила до того, что на монетахъ не было даже вычеканено изображеніе императора, для того чтобы не оскорблять воззрѣній іудеевъ. Римъ тогда еще не пытался, по крайней мѣрѣ на Востокѣ, навязывать побѣжденнымъ народамъ свои законы, свои обычаи; своихъ боговъ. Понятія о равномъ для всѣхъ законѣ не существовало. Каждая провинція имѣла

свою собственную юрисдикцію подобно различнымъ христіанскимъ церквамъ и евреямъ въ современномъ оттоманскомъ государствѣ. Вѣдь еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ патріархи различныхъ христіанскихъ церквей въ Турціи, если они только были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Портой, являлись суверенами по отношенію къ своей паствѣ и могли примѣнять самыя ужасныя наказанія.

Смерть Стефана (между 36 и 38 годами) произвела большое впечатлѣніе на вѣрующихъ. Прозелиты погребли его съ великимъ плачемъ. Такимъ образомъ открылась эра христіанскихъ мучениковъ. Мученичество существовало и до этого. Не говоря уже объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іисусѣ, еврейство имѣло своихъ мучениковъ въ эпоху Антіоха Эпифана. Но начиная со Стефана, рядъ мужественныхъ людей, приносившихъ себя въ жертву, оказалъ на исторію человѣческаго духа необыкновенное вліяніе. Въ западный міръ былъ внесенъ новый дотолѣ недостававшій ему элементъ: исключительная и абсолютная вѣра, мысль, что существуетъ только одна религія хорошая и истинная. Въ этомъ смыслѣ мученики открыли эру нетерпимости. Христіанская вѣра, подвергавшая гоненіямъ въ теченіи трехъ столѣтій, достигнувъ господства, стала болѣе нетерпимой гонительницей, чѣмъ какая либо другая религія.

Впрочемъ убійство Стефана не было единичнымъ фактомъ. Пользуясь слабостью римскихъ властей іудеи воздвигли настоящее гоненіе на церковную общину. Повидимому гоненія эти были направлены главнымъ образомъ на эллинистовъ прозелитовъ, поведеніе которыхъ выводило изъ

себя ортодоксальныхъ іудеевъ. Іерусалимская община, которая была такъ отлично организована, должна была разсѣяться. Апостолы, очевидно слѣдуя извѣстному внутреннему убѣжденію, не покинули Іерусалима. Также вѣроятно поступила группа чистокровныхъ іудеевъ, называвшихся „евреями“. Но начиная съ этого времени, прекратилась навсегда совмѣстная жизнь вѣрующихъ продолжавшаяся три или четыре года. Для будущаго христіанства было большимъ, несравненнымъ счастьемъ, что его первыя коммунистическія попытки совмѣстной жизни такъ скоро потерпѣли неудачу благодаря внѣшнимъ причинамъ. Подобныя попытки всегда влекутъ за собой такія злоупотребленія, что эти коммунистическія учрежденія или скоро распадаются (какъ это было у эссейцевъ) или же отказываются отъ созданнаго ими принципа (какъ мы это видимъ у францисканцевъ). Благодаря преслѣдованіямъ, въ 37 году монастырская община въ Іерусалимѣ распалась въ пору своего расцвѣта прежде чѣмъ внутреннія неурядицы не разсѣяли ее. Она осталась чудной мечтой, воспоминаніе о которой воодушевляло всѣхъ, бывшихъ ея членами. Она является идеаломъ, къ которому неустанно должно стремиться христіанство и котораго оно никогда не достигнетъ.

Главная роль въ упомянутыхъ преслѣдованіяхъ принадлежала молодому Савлу, который, какъ мы уже видѣли, насколько могъ, способствовалъ смерти Стефана. Этотъ фанатикъ, съ дозволенія старѣйшинъ, врывался въ дома, гдѣ, по его мнѣнію, должны были находиться христіане, схватывалъ

мужчинъ и женщинъ и бросалъ ихъ въ темницу или приводилъ въ судъ. Савлъ хвалился, что не было человѣка, который такъ ревностно дѣйствовалъ для охраненія отеческихъ преданій. Правда, часто кротость и покорность его жертвъ приводили его въ изумленіе, онъ чувствовалъ нѣчто похожее на укоры совѣсти, по ночамъ ему слышались голоса тѣхъ благочестивыхъ, вѣрующихъ въ царство Божіе женщинъ, которыхъ онъ бросилъ въ темницу, обращавшихся къ нему съ тихимъ вопросомъ: „Зачѣмъ ты насъ гонишь?“ Многое, что онъ слышалъ о Христѣ, трогало его сердце. Это сверхчеловѣческое созданіе, являвшееся иногда людямъ на короткое время, преслѣдовало его какъ призракъ. Но Савлъ съ ужасомъ отстранялъ отъ себя подобныя мысли; онъ съ дикимъ фанатизмомъ продолжалъ вѣрить въ свои традиціи и измышлялъ новыя жестокости для тѣхъ, которые нападали на нихъ. Одно имя его внушало ужасъ, вѣрующимъ, отъ него ожидали самыхъ ужасныхъ, самыхъ кровавыхъ злодѣяній.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Первая миссія.—Діаконъ Филиппъ.

Гоненіе 37 года, какъ это всегда бываетъ, повлекло за собой распространеніе ученія, которое хотѣли подавить. До тѣхъ поръ проповѣдь христіанства едва ли выходила за предѣлы Іерусалима; заключенная въ свой экзальтированный, но по-

ставленный въ извѣстныя рамки коммунизмъ, основная церковная община не основывала нигдѣ своихъ развѣтвленій. Благодаря разсѣянію маленькой общины, сѣмена добра были заронены повсюду. Члены іерусалимской общины разсѣялись по всей Іудеѣ и Самаріи и вездѣ проповѣдывали царствіе Божіе. Въ особенности діаконы, лишенные своихъ функцій благодаря уничтоженію общины, стали превосходными евангелистами. Они составляли молодой и дѣятельный элементъ секты, въ противоположность къ немного неподвижному элементу, составленному изъ апостоловъ и „евреевъ". Уже одно то обстоятельство, что послѣдніе говорили на діалектѣ, непонятномъ для іудеевъ, жившихъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Іерусалима, отодвигало ихъ въ дѣлѣ проповѣдничества на второй планъ. Вся заслуга покоренія міра христіанству, о которомъ теперь будетъ рѣчь, принадлежитъ поэтому исключительно „эллинистамъ".

Первоначально христіанская проповѣдь коснулась окрестностей Іерусалима на разстояніи двухъ или трехъ дней пути отъ послѣдняго. Діаконъ Филиппъ былъ героемъ этой первой миссіи. Онъ проповѣдывалъ евангеліе въ Самаріи съ большимъ успѣхомъ. Самаряне были схизматиками. Между тѣмъ молодая секта была по прообразу своего учителя, менѣе нетерпима въ вопросахъ ортодоксальности, чѣмъ строгіе іудеи. Утверждали, что Іисусъ относился довольно благосклонно къ самарянамъ.

Повидимому Филиппъ, былъ однимъ изъ тѣхъ апостольскихъ мужей, которые являлись таума-

тургами. Разсказы о его дѣятельности переносятъ насъ въ совершенно чуждый фантастическій міръ, Онъ обращалъ многихъ самарянъ и эти успѣхи. христіанства въ Самаріи и въ особенности въ главномъ ея городѣ Севастіи объяснялись чудесами. Жители Самаріи были крайне суевѣрны и вѣрили въ колдовство. Въ 36 году, то есть за два или за три года до появленія христіанскихъ проповѣдниковъ, одинъ фанатикъ возбудилъ среди самарянъ довольно серьезное движеніе, проповѣдуя необходимость возвращенія къ первобытному закону Моисея. Нѣкій Симонъ Гиттонъ, впослѣдствіи пользовавшійся большимъ уваженіемъ, началъ пріобрѣтать извѣстность благодаря своему фиглярству. Больно смотрѣть, какъ Евангеліе находило поддержку въ подобныхъ химерахъ. Довольно многіе пожелали креститься во имя Іисуса. Филиппъ имѣлъ власть крестить, но не передавать дары Святаго Духа. Это являлось привилегіей однихъ апостоловъ. Когда въ Іерусалимѣ узнали объ образованіи группы вѣрующихъ въ Самаріи, то рѣшено было послать туда Петра и Іоанна. Оба апостола явились, возложили руки на головы новообращенныхъ, помолились и тотчасъ же послѣднимъ сообщилась чудесная сила Святаго Духа. Явились чудеса, пророчества, всѣ явленія иллюминаторства и въ этомъ отношеніи церковь Самарійская ни въ чемъ не уступала Іерусалимской.

Если вѣрить Дѣяніямъ, начиная съ этого момента Симонъ вступилъ въ сношенія съ христіанами. Подъ вліяніемъ проповѣдей и чудесъ Филиппа онъ крестился и всюду сопутствовалъ Фи-

липпу. Когда впослѣдствіи прибыли апостолы Петръ и Іоаннъ и Симонъ увидѣлъ какую, сверхъ естественную силу можетъ придавать возложеніе рукъ, онъ, какъ говорятъ, предложилъ имъ деньги за то, чтобы они дали ему власть подавать Духъ Святой. Петръ якобы далъ ему слѣдующій достойный удивленія отвѣтъ: „серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги. Нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое не право предъ Богомъ“.

Были ли произнесены эти слова или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они точно указываютъ на положеніе занимаемое Симономъ по отношенію къ возникавшей сектѣ. Мы увидимъ, что Симонъ повидимому былъ главой религіознаго движенія, паралельнаго движенію возбужденному Іисусомъ и которое можно считать какъ бы его подражаніемъ. Началъ ли уже Симонъ догматизировать и творить чудеса, когда Филиппъ прибылъ въ Севастію? Вступилъ ли онъ съ этого момента въ сношеніе съ христіанской церковью? Имѣетъ ли какое-нибудь основаніе анекдотъ дѣлающій его родоначальникомъ всякой „симоніи“. Нужно ли признать, что существовало два тауматурга, изъ которыхъ одинъ былъ шарлатаномъ, а другой краеугольнымъ камнемъ, служившимъ основаніемъ для вѣры человѣчества. Вотъ это то намъ неизвѣстно въ виду недостатка свѣдѣній. Дѣянія же апостоловъ являются въ этомъ вопросѣ слабымъ авторитетомъ. Уже въ первомъ столѣтіи Симонъ былъ предметомъ легенды для христіанской церкви. Въ

исторіи чиста только основная мысль. Было бы несправедливо останавливаться на этой печальной страницѣ возникновенія христіанства. Для большихъ массъ чудо является доказательствомъ ученія, насъ же ученіе заставляетъ забыть о чудѣ. Если какая либо вѣра утѣшала и совершенствовала человѣчество, то можно ей простить, если она пользовалась доказательствами, которыя согласуются со слабостями толпы, къ которой она обращалась. Но если ошибку можно доказать ошибкой, то какое здѣсь можно привести извиненіе? Мы не намѣреваемся здѣсь осуждать Симона Гиттонскаго. Мы впослѣдствіи выскажемъ свой взглядъ на его ученіе и на его дѣятельность, которыя стали извѣстны только въ царствованіе Клавдія. Мы хотѣли только замѣтить, что повидимому онъ былъ причиной того, что важный принципъ былъ внесенъ въ христіанскую теургію. Принужденная согласиться съ тѣмъ, что и обманщики могутъ творить чудеса, христіанская теологія приписывала эти чудеса дьяволу. Для того чтобы сохранить значеніе за чудесами, принуждены были установить правила для различенія истинныхъ чудесъ отъ ложныхъ.

Петръ и Іоаннъ, утвердивъ церковную общину въ Севастіи, вернулись въ Іерусалимъ, возвѣщая Евангеліе на своемъ пути по самарійскимъ деревнямъ. Діаконъ Филиппъ продолжалъ свои евангельскія странствованія, отправившись на югъ въ древнюю страну Филистимлянъ.

Въ этой странѣ со времени господства Маккавеевъ было очень много іудеевъ, но все же нельзя

сказать, чтобы они имѣли преобладающее значеніе. Во время этого путешествія Филиппъ совершилъ обращеніе, которое возбудило нѣкоторое вниманіе, о которомъ говорили очень много въ виду одного особаго обстоятельства. На пустынной дорогѣ изъ Іерусалима въ Газу онъ встрѣтился съ знатнымъ путешественникомъ, очевидно чужестранцемъ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ колесницѣ. Надо замѣтить, что это средство передвиженія было почти неизвѣстно жителямъ Сиріи и Палестины. Онъ возвращался изъ Іерусалима и сидя громко читалъ, по общепринятому тогда обычаю, Библію. Филиппъ, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался нисходившимъ на него по его убѣжденію откровеніемъ свыше, почувствовалъ, что его какъ бы притягивало къ этой колесницѣ. Онъ пошелъ рядомъ съ ней и завелъ мало-по малу разговоръ, предлагая дать объясненія тѣхъ мѣстъ Библіи, которыя этотъ вельможа не понималъ. Для евангелиста это было удобнымъ случаемъ вывести христіанское ученіе изъ Ветхаго Завѣта. Онъ доказалъ, что во всѣхъ пророческихъ книгахъ говорится исключительно объ Іисусѣ, что слово великой загадки—Іисусъ, что это о немъ говорится въ Писаніи прекрасныя слова: „Какъ овца веденъ былъ онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ онъ не отверзаетъ устъ своихъ“. Вельможа увѣровалъ и когда они проѣзжали мимо первой попавшейся рѣки, онъ проговорилъ: „Вотъ вода, что препятствуетъ мнѣ креститься?“ Колесница остановилась, они оба сошли въ воду и Филиппъ его крестилъ.

Проѣзжавшій оказался знатнымъ вельможей, евнухомъ Кандакіи Эѳіопской, ея министромъ финансовъ и хранителемъ сокровищъ, возвращавшимся изъ Іерусалима, куда онъ ѣздилъ на поклоненіе. Кандакія былъ тогда титуломъ царицъ Эѳіопіи. Іудаизмъ проникъ изъ Эѳіопіи въ Нубію и Абиссинію, многіе изъ жителей которыхъ принадлежали къ числу тѣхъ прозелитовъ, которые, не будучи обрѣзаны вѣровали въ единаго Бога. Евнухъ можетъ быть былъ однимъ изъ этихъ благочестивыхъ язычниковъ, подобно сотнику Корнилію, о которомъ скоро будетъ рѣчь. Послѣ крещенія евнуха о немъ больше ничего не было слышно. Филиппъ однако разсказалъ объ этомъ происшествіи и впослѣдствіи ему придали значеніе. Когда вопросъ о принятіи въ лоно христіанской церкви язычниковъ сталъ кардинальнымъ, въ этомъ нашли важный прецедентъ. Было рѣшено, что Филиппъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по божественному откровенію. Это крещеніе по приказанію Святаго Духа, человѣка который очевидно былъ необрѣзанъ и увѣровалъ въ Христа всего за нѣсколько часовъ до крещенія, имѣло высокое догматическое значеніе, оно было аргументомъ для тѣхъ которые вѣрили, что врата новой церкви должны быть открыты для всѣхъ.

Послѣ этого Филиппъ отправился въ Азотъ. Энтузіамъ этихъ миссіонеровъ былъ такъ наивенъ, что имъ казалось, что они слышатъ на каждомъ шагу голоса съ неба, они думали, что получаютъ указанія Святаго Духа. Они были убѣдены, что каждое дѣйствіе ихъ регулируется высшей силой

и, переходя изъ одного города въ другой, они считали, что повинуются сверхъестественному внушенію. Иногда они воображали, что они совершаютъ путешествіе по воздуху. Въ этомъ отношеніи Филиппъ былъ однимъ изъ самыхъ экзальтированныхъ. Онъ думалъ, что онъ пришелъ изъ Самаріи по указанію ангела къ тому мѣсту, гдѣ онъ встрѣтилъ евнуха. Послѣ его крещенія онъ былъ убѣжденъ, что Духъ перенесъ его прямо къ Азоту.

Азотъ и дорога въ Газу были южными границами первыхъ евангельскихъ проповѣдей. Дальше шла пустыня, населенная кочевниками, на которыхъ христіанство всегда оказывало очень мало вліянія. Изъ Азоты діаконъ Филиппъ пошелъ на сѣверъ, возвѣщая евангеліе по всему побережью вплоть до Цезареи. Можетъ быть, онъ основалъ церкви въ Іоппіи и въ Лиддѣ, которыя, какъ мы видимъ изъ Дѣяній, очень скоро послѣ этого путешествія Филиппа находились уже въ цвѣтущемъ состояніи. Филиппъ остановился въ Цезареѣ и основалъ тамъ обширную церковную общину. Здѣсь мы его найдемъ двадцать лѣтъ спустя. Цезарея была новымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ значительнымъ городомъ Іудеи. Онъ былъ выстроенъ Иродомъ Великимъ на мѣстѣ сидонійской крѣпости, называвшейся „Башня Абдастарты или Стратона“ и названъ въ честь Августа. Еще и донынѣ руины его носятъ это названіе. Цезарея была несомнѣнно самой лучшей гаванью всей Палестины и стремилась стать главнымъ городомъ всей страны.

Прокураторы Іудеи, которымъ надоѣло пребываніе въ Іерусалимѣ, перенесли сюда свою рези-

денцію. Цезарея была населена главнымъ образомъ язычниками, но въ ней жило довольно много и іудеевъ. Между этими обѣими группами происходили часто раздоры. Въ употребленіи здѣсь былъ только греческій языкъ и даже іудеи совершали нѣкоторыя части богослуженій на греческомъ языкѣ. Строгіе іерусалимскіе раввины считали Цезарею опаснымъ городомъ, гдѣ евреи становятся почти язычниками. Въ виду этихъ основаній этому городу суждено играть значительную роль въ нашей исторіи. Онъ былъ нѣкоторымъ образомъ гаванью христіанства, пунктомъ, изъ котораго іерусалимская церковь вошла въ сношенія со всѣмъ побережьемъ Средиземнаго моря.

Одновременно съ этимъ были предприняты и другія миссіи, исторія которыхъ намъ неизвѣстна. Причиной успѣха была именно быстрота этого перваго благовѣствованія. Въ 38 году, пять лѣтъ послѣ смерти Іисуса и около года послѣ смерти Стефана, вся Палестина, по эту сторону Іордана, услыхала благую вѣсть изъ устъ вышедшихъ изъ Іерусалима миссіонеровъ. Съ своей стороны Галилея хранила священные завѣты и вѣроятно распространяла ихъ вокругъ себя, хотя мы не знаемъ посылала ли эта мѣстность своихъ провозвѣстниковъ слова Христова. Можетъ быть, Дамаскъ, гдѣ уже къ этому времени существовали христіане, получилъ „благую вѣсть“ отъ галилейскихъ проповѣдниковъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Обращеніе святого Павла.

Но 38 годъ принесъ зарождающейся церкви еще новую, совершенно иную побѣду. Можно съ вѣроятностью предположить, что именно въ этомъ году совершилось обращеніе того самаго Павла, который принималъ участіе въ побиваніи камнями Стефана, былъ главнымъ участникомъ гоненій 37 года и которому силой таинственной благодати суждено было стать однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Христовыхъ.

Савлъ родился въ Тарсѣ, въ Киликіи, около 10 или 12 года нашей эры. По обычаю того времени его имя латинизировали въ „Павла". Но носилъ онъ его постоянно только тогда, когда взялъ на себя роль апостола язычниковъ. Павелъ былъ чисто іудейскаго происхожденія. Отецъ его носилъ званіе римскаго гражданина. Несомнѣнно одинъ изъ его предковъ купилъ себѣ это званіе или же пріобрѣлъ заслугами. Можно предположить, что дѣдъ его былъ сдѣланъ римскимъ гражданиномъ за услуги, оказанныя Помпею при завоеваніи Іудеи (въ 63 г. до Р. Хр.). Семья его, подобно всѣмъ старымъ іудейскимъ семьямъ, принадлежала къ партіи фарисеевъ. Павелъ былъ воспитанъ по самымъ строгимъ правиламъ этой секты и если онъ впослѣдствіи отрицалъ эти узкіе догматы, то все же онъ сохранилъ горячую вѣру, рѣзкость и экзальтацію.

Въ эпоху Августа, Тарсъ былъ цвѣтущимъ городомъ. Населеніе принадлежало главнымъ образомъ къ греческой и арамейской расѣ, но какъ и во всѣхъ торговыхъ городахъ здѣсь было много іудеевъ. Любовь къ литературѣ и наукамъ была здѣсь сильно распространена и ни въ одномъ изъ городовъ всего міра, не исключая Аѳинъ и Александріи, не было столько школъ и ученыхъ учрежденій. Но изъ этого нельзя заключить, что Павелъ получилъ очень тщательное эллинское образованіе. Іудеи очень рѣдко посѣщали свѣтскія школы. Самыя знаменитыя школы въ Тарсѣ были школы реторики. Первое, чему здѣсь обучали, былъ классическій греческій языкъ. Нельзя поэтому допустить чтобы получившій хотя бы и элементарныя познанія грамматики и реторики писалъ на такомъ неправильномъ, полномъ негреческихъ оборотовъ языкѣ, на которомъ написаны посланія Павла. Онъ говорилъ по-гречески безъ труда, писалъ и диктовалъ на этомъ языкѣ, но греческая рѣчь, употребляемая имъ, была рѣчью іудейскаго эллиниста, полной іудаизмовъ и сирійцизмовъ, едва понятной для образованныхъ людей того времени и смыслъ которой можно уразумѣть только понявъ сирійскіе обороты рѣчи Павла. Онъ самъ сознавался, что рѣчь его простонародна и груба. Гдѣ онъ могъ, онъ говорилъ „по-еврейски“, то есть на сирохалдейскомъ языкѣ того времени. На этомъ языкѣ онъ думалъ и на этомъ языкѣ обратился къ нему внутренній голосъ по дорогѣ въ Дамаскъ.

Образованіе Павелъ получилъ почти исключи-

тельно еврейское, свои сравненія онъ черпаетъ гораздо чаще изъ Талмуда, чѣмъ изъ греческихъ классиковъ. Онъ воспринялъ только нѣкоторыя общія идеи, распространенныя повсюду философіей и которыя можно было знать, не раскрывъ ни одного философскаго сочиненія. Онъ разсуждалъ самымъ страннымъ образомъ, навѣрное онъ ничего не зналъ о перипатетической логикѣ. Силлогизмы его ни въ коемъ случаѣ не были аристотелевскими, напротивъ, діалектика его имѣла большое сходство съ діалектикой Талмуда. Въ общемъ, Павелъ руководствуется скорѣе какимъ-нибудь однимъ словомъ, чѣмъ идеей. Одно какое-нибудь слово приводитъ къ цѣлому ряду мыслей очень далекихъ отъ мысли основной. Переходы у него внезапны, выводы несоотвѣтствующіе, періоды часты, отрывисты. Не было ни одного писателя болѣе неравномѣрнаго. Тщетно искали бы мы во всѣхъ литературахъ такое странное явленіе, какъ величественную страницу тринадцатой главы перваго посланія къ коринфянамъ и наряду съ этимъ слабую аргументацію, мучительныя повторенія, утомительныя изощренія.

Отецъ предназначалъ его съ раннихъ лѣтъ къ раввинству, но по принятому обычаю онъ изучалъ также ремесло. Павелъ занимался тканьемъ ковровъ или скорѣе изготовленіемъ тѣхъ грубыхъ тканей Киликіи, которыя назывались „киликіумъ“. При различныхъ обстоятельствахъ онъ занимался своимъ ремесломъ. Отецъ состоянія ему никакого не оставилъ. У него была по крайней мѣрѣ одн-

сестра, сынъ которой жилъ въ Іерусалимѣ. Указанія на то, что онъ имѣлъ также брата и другихъ родственниковъ, впослѣдствіи обратившихся въ христіанство, очень неясны и неопредѣленны.

Такъ какъ по современнымъ буржуазнымъ воззрѣніямъ, интеллигентность находится въ зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія, то въ виду этого легко можно было бы представить себѣ Павла какъ невоспитаннаго, грубаго простолюдина. Но это было бы большой ошибкой. Когда онъ хотѣлъ, онъ проявлялъ совершенно необыкновенную тонкость ума. Несмотря на неправильность стиля, въ посланіяхъ его сказывается человѣкъ большого ума, великолѣпно умѣющій выражать свои ощущенія. Сколько изысканной вѣжливости въ его посланіяхъ, какіе тонкіе нюансы, сколько осторожности и добродушной скромности. Одинъ или два раза замѣчанія его могутъ насъ оскорбить. Но какой огонь! Какое богатство выраженій! Какая естественность! Чувствуешь, что въ тѣ моменты, когда страсть не приводитъ его въ ярость, у него характеръ вѣжливаго, обязательнаго, иногда чувствительнаго и немного горячаго человѣка. Теряясь въ большой массѣ, подобные люди въ мелкихъ церковныхъ общинахъ имѣютъ то преимущество, что они благодаря своей дѣятельности и искусствомъ преодолѣвать величайшія трудности оказываютъ громадное вліяніе на окружающихъ.

Внѣшность Павла повидимому не соотвѣтствовала его душевной красотѣ. Онъ былъ некрасивъ, неуклюжъ, ходилъ сгорбившись. На его могучихъ

плечахъ была маленькая, лысая голова. Блѣдное лицо его было окаймлено растрепанной бородой, у него былъ орлиный носъ, проницательный взглядъ и черныя густыя брови. И въ его рѣчи не было ничего импонирующаго. Какъ человѣкъ съ тактомъ, онъ умѣлъ извлекать выгоду изъ своихъ физическихъ недостатковъ. Іудейская раса замѣчательна тѣмъ, что одновременно въ ней существуетъ типъ величайшей красоты и величайшаго безобразія. Но безобразіе іудея замѣчательно тѣмъ, что какъ бы безобразно ни было данное лицо, могущее возбудить въ насъ даже смѣхъ, когда оно воодушевляется, оно становится величественнымъ, озаряется какимъ-то внутреннимъ сіяніемъ.

Темпераментъ Павла былъ не менѣе замѣчателенъ, чѣмъ его внѣшность. Онъ всегда говоритъ о своей физической слабости, онъ выставляетъ себя больнымъ, немощнымъ, истощеннымъ человѣкомъ, при этомъ робкимъ, не обладающимъ ничѣмъ, что можетъ произвести впечатлѣніе. Затѣмъ онъ говоритъ о таинственномъ испытаніи, о томъ, что ему „дано жало въ плоть“, которое онъ сравниваетъ съ ангеломъ сатаны, ударившимъ его по щекѣ и которому Богъ разрѣшилъ удручать его, чтобы онъ не превозносился. Трижды молилъ онъ Господа о томъ, чтобы удалилъ его и трижды отвѣтилъ ему Господь: „Довольно для тебя благодати моей, ибо сила моя совершается въ немощи“. Несомнѣнно это былъ какой-нибудь физическій недостатокъ, такъ какъ едва ли можно понимать подъ этимъ плотское вожделѣніе, въ виду

собственнаго его признанія, что онъ этому не доступенъ. Онъ видимо не былъ женатъ, такъ какъ благодаря громадному умственному напряженію темпераментъ его отличался необыкновенной холодностью. Онъ хвалился этимъ съ увѣренностью, не совсѣмъ свободной отъ нѣкоторой аффектаціи, которая насъ во всякомъ случаѣ непріятно поражаетъ.

Онъ еще въ юности, прибывъ въ Іерусалимъ, поступилъ, какъ говорится въ Дѣяніяхъ, въ школу старшаго Гамаліила, самаго образованнаго человѣка Іерусалима. Такъ какъ каждый уважаемый іудей, не принадлежавшій къ священническому классу, назывался фарисеемъ, то и Гамаліилъ считался членомъ этой секты. Но это не былъ человѣкъ ограниченныхъ ума и воззрѣній. Онъ былъ свободомыслящій, просвѣщенный человѣкъ, понимавшій язычниковъ и знавшій греческій языкъ. Можетъ быть когда впослѣдствіи Павелъ сдѣлался христіаниномъ, взгляды его явились какъ бы отзвукомъ мнѣній его перваго учителя, но во всякомъ случаѣ нужно признать, что ни въ коемъ случаѣ не умѣренности научился онъ прежде всего у Гамаліила. Въ этой жгучей іерусалимской атмосферѣ онъ дошелъ до высшей степени фанатизма. Онъ стоялъ здѣсь во главѣ партіи строгихъ и экзальтированныхъ молодыхъ фарисеевъ, доходившихъ до крайности въ своей приверженности къ національному прошлому. Онъ не зналъ Іисуса и не принималъ участія въ кровавомъ происшествіи на Голгоѳѣ. Но мы видѣли, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ убійствѣ Сте-

фана и стоялъ въ первыхъ рядахъ гонителей церкви. Онъ дышалъ смертью и гибелью и имѣя разрѣшенія на всевозможныя жестокости, какъ бѣшеный рыскалъ по Іерусалиму. Онъ переходилъ изъ синагоги въ синагогу, принуждалъ тамъ робкихъ отрекаться отъ имени Христа, а остальныхъ предавалъ бичеванію или бросалъ въ темницу. Когда Іерусалимская церковь разсѣялась, онъ обратилъ свою ярость на сосѣдніе города; успѣхи, которые дѣлала новая вѣра, вывели его изъ себя и узнавъ, что въ Дамаскѣ образовалась группа вѣрующихъ, онъ выпросилъ у первосвященника Теофилія, сына Ганана, письмо къ синагогамъ Дамаска, въ которомъ ему давалось полномочіе хватать послѣдователей новаго ученія и связавъ приводить въ Іерусалимъ.

Ослабленіемъ, со времени смерти Тиверія, римскаго авторитета, объясняются этотъ произволъ и гоненія. Императоромъ былъ безумный Калигула. Фанатизмъ пріобрѣлъ все, что потеряла гражданская власть. Послѣ удаленія Пилата и уступокъ, сдѣланныхъ Луціемъ Вителліемъ, странѣ предоставлено было управляться собственными законами. Какъ разъ въ это время Дамаскомъ овладѣлъ навиѳанскій вождь Гаретъ, главнымъ городомъ страны котораго былъ Петра. Этотъ мощный и храбрый властитель, послѣ того какъ онъ разбилъ Ирода Антипа, не отступилъ передъ римскими силами, подъ начальствомъ императорскаго легата Луція Вителлія. Извѣстіе о смерти Тиверія заставило Вителлія неожиданно заключить перемиріе. Гаретъ овладѣлъ тогда Дамаскомъ и назначилъ

туда своего намѣстника. Ко времени занятія Дамаска тамъ жило довольно много іудеевъ. Ихъ хотѣли привлечь на свою сторону и съ этой цѣлью всегда подтверждали ихъ автономію, то есть какъ бы давали разрѣшеніе совершать религіозныя насилія. Возможность наказывать, убивать тѣхъ, которые были несогласны съ ихъ взглядами, они считали независимостью и свободой.

Павелъ покинулъ Іерусалимъ, пошелъ безъ сомнѣнія по обычному пути, перейдя Іорданъ по мосту „дочерей Іакова". Его экзальтація достигла высшей степени, онъ былъ подавленъ, истощенъ. Человѣкъ сильныхъ страстей легко переходитъ изъ одной вѣры въ другую, совершенно различную и проявляетъ тотъ же пылъ что и раньше. Какъ всѣ сильныя души Павелъ былъ готовъ любить то, что онъ только что ненавидѣлъ. Былъ ли онъ въ дѣйствительности увѣренъ, что онъ борется не противъ Божьяго дѣла? Можетъ ему вспомнились либеральные и справедливые взгляды его учителя Гамаліила. Часто въ сердцахъ подобныхъ горячихъ людей совершается внезапный переворотъ. Онъ сознавалъ всѣ достоинства тѣхъ людей, которыхъ онъ предавалъ мученіямъ. Никто не зналъ ихъ лучше преслѣдователя. Иногда ему казалось, что онъ видитъ передъ собой кроткій образъ Учителя, смотрѣвшій на него взглядомъ полнымъ состраданія и упрека. Разсказы о явленіяхъ призрака Іисуса его сильно волновали, такъ какъ и въ странахъ, въ которыхъ вѣруютъ ъ чудеса, разсказы о чудесахъ вліяютъ въ равной рѣ на враждебныя партіи. Такъ магометане

испытываютъ страхъ передъ чудесами пророка Ильи и подобно христіанамъ обращаются съ мольбой къ святому Георгію и святому Антонію чудотворцу о чудотворныхъ исцѣленіяхъ. Пройдя Итурію, Павелъ вступилъ на большую Дамасскую долину. Онъ подошелъ къ городу и находился должно быть уже около окружающихъ городъ садовъ. Былъ полдень. Съ Павломъ было нѣсколько товарищей и онъ по всей вѣроятности шелъ пѣшкомъ.

Долина эта принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ и живописнѣйшимъ мѣстностямъ земного шара и съ самыхъ древнихъ временъ и донынѣ она называется „Раемъ Господнимъ". Если въ этой обстановкѣ Павлу представилось ужасное видѣніе, значитъ онъ носилъ его въ себѣ. Отвратительная роль палача, которую онъ долженъ будетъ играть въ Дамаскѣ, становится для него невыносимой. Можетъ быть въ домахъ, которые уже виднѣются, находятся его будущія жертвы. Эта мысль заставляетъ его замедлить шагъ. Къ этому присоединяется усталость (отъ Іерусалима до Дамаска 8 дней пути). По всей вѣроятности глаза его были воспалены, можетъ быть начиналась офтальмія. При подобной продолжительной ходьбѣ послѣдніе часы самые опасные. Нервное напряженіе проходитъ, начинается реакція. Можетъ быть, что внезапный переходъ изъ палящей пустыни въ прохладную тѣнь садовъ, вызвалъ ударъ въ болѣзненномъ и сильно потрясенномъ организмѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ человѣкомъ внезапно овладѣваетъ опасная лихорадка, сопровождающаяся приливомъ крови къ головѣ. Въ нѣ-

сколько мгновеній человѣкъ какъ бы поражается молніей. Послѣ того, какъ проходитъ припадокъ, остается впечатлѣніе темной прорѣзываемой молніей ночи, на черномъ фонѣ которой являются какія-то смутныя картины. (Подобный припадокъ былъ со мной въ Библосѣ; будь у меня другіе взгляды, я принялъ бы бывшую тогда у меня галлюцинацію за чудесныя явленія).

Несомнѣнно, что страшный ударъ лишилъ Павла въ одно мгновеніе сознанія.

По описаніямъ этого страннаго происшествія невозможно опредѣлить вызвало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство кризисъ, благодаря которому у христіанства явился самый ревностный апостолъ. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ внѣшній поводъ имѣетъ мало значенія. Душевное состояніе святаго Павла, укоры совѣсти испытываемые имъ при приближеніи къ городу—вотъ были настоящія основанія его обращенія. Я со своей стороны стою за гипотезу личнаго, испытаннаго только имъ однимъ ощущенія. Несомнѣнно у Павла была въ извѣстный моментъ галлюцинація, рѣшившая его обращеніе. Вѣроятно, что внезапно разразилась буря на отрогахъ Гермона, центрѣ скопленія электричества, съ силой котораго ничего не можетъ сравниться. Не нужно также забывать того, что въ древности подобныя явленія считались божественными откровеніями, что онѣ согласно тогдашнимъ представленіямъ о судьбѣ не заключали въ себѣ ничего случайнаго, что каждый имѣлъ обыкновеніе разсматривать всѣ происхо-вшія вокругъ него явленія природы по отно-

шенію къ самому себѣ. Въ особенности у евреевъ громъ всегда считался гласомъ Божіимъ, молнія огнемъ Божіимъ. Павелъ находился въ необычайномъ волненіи. Естественно, что онъ думалъ слышать въ голосѣ грозы то, что именно волновало его. Овладѣло ли имъ внезапно помраченіе разсудка, вызванное солнечнымъ ударомъ или офтальміей, или ослѣпила его на довольно продолжительное время молнія, или молнія и громъ повергли его на землю и вызвали потрясеніе мозга— все это имѣетъ мало значенія. Воспоминанія самого апостола повидимому довольно смутны, онъ былъ убѣжденъ, что имѣло мѣсто сверхъестественное явленіе и подобный взглядъ не давалъ ему возможности вѣрно оцѣнивать матеріальныя обстоятельства. При подобныхъ потрясеніяхъ человѣкъ иногда совершенно теряетъ представленіе о моментахъ до кризиса. (Это я самъ испыталъ въ Библосѣ. Воспоминаніе о томъ, что случилось въ тотъ день, когда я упалъ безъ чувствъ, совершенно изгладилось изъ моей памяти). Самъ Павелъ говоритъ, что ему являлись видѣнія; незначительнаго въ глазахъ всякаго другого человѣка обстоятельства, было достаточно, чтобы повергнуть его въ состояніе экзальтаціи.

Среди этихъ галлюцинацій, жертвой которыхъ сдѣлались всѣ его чувства, что видѣлъ онъ? что слышалъ онъ? Онъ увидѣлъ образъ, преслѣдовавшій его уже нѣсколько дней, онъ увидѣлъ призракъ, о которомъ носилось столько разсказовъ, онъ увидѣлъ самого Іисуса, который говорилъ ему: „Савлъ! Савлъ! что ты гонишь меня?“ Необузданныя натуры

часто переходятъ изъ одной крайности въ другую. У нихъ бываетъ то, чего нѣтъ у холодныхъ натуръ: торжественные моменты, минуты, имѣющія рѣшающее значеніе на всю ихъ дальнѣйшую жизнь. Люди разсудительные мѣняются, они преобразуются. Горячіе люди напротивъ мѣняются и не преобразуются. Догматизмъ является для нихъ одѣяніемъ, которое они съ себя не могутъ снять. Для того чтобы любить или презирать имъ достаточно только предлога. Только западныя расы могли создать тѣ великія, нѣжныя, сильныя и гибкія души, которыя не можетъ увлечь никакая минутная иллюзія. Востокъ никогда не имѣлъ подобнаго рода людей. Втеченіи нѣсколькихъ секундъ въ головѣ Павла тѣснились всѣ его самыя затаенныя мысли. Онъ живо почувствовалъ ужасъ своихъ поступковъ. Онъ увидѣлъ, что на немъ кровь Стефана; этотъ мученикъ казался ему его отцемъ, его руководителемъ. Онъ былъ потрясенъ до глубины души, преображенъ, но въ сущности говоря онъ только измѣнилъ фанатизмъ. Его прямота, его потребность абсолютной вѣры запрещали ему избрать средній путь. Было ясно, что онъ будетъ относиться съ такимъ же горячимъ рвеніемъ къ Христу, какое онъ проявлялъ раньше при гоненіяхъ его послѣдователей.

Спутники повели его за руку и привели въ Дамаскъ, гдѣ они его помѣстили у нѣкоего Іуды, жившаго на „Прямой улицѣ“, большой улицѣ длиною болѣе чѣмъ въ милю, а шириной въ сто шаговъ, прорѣзывающей городъ съ востока на западъ. Улица эта является и понынѣ главной

артеріей Дамаска. Но слѣпота и приливъ крови не уменьшались. И три дня Павелъ не ѣлъ и не пилъ. Легко понять, что происходило во время этого кризиса въ этой горячей, смятенной душѣ. Въ присутствіи Павла говорили о Дамасскихъ христіанахъ и о нѣкоемъ Ананіи, который видимо былъ главой общины. Павелъ часто слышалъ о чудотворной силѣ христіанъ, исцѣляющей болѣзни, мысль получить исцѣленіе наложеніемъ рукъ всецѣло овладѣла имъ. Глаза его все еще были очень воспалены. Среди видѣній, тѣснившихся въ его воспаленномъ мозгу, ему представился Ананій, Онъ вошелъ къ нему и сдѣлалъ обычный у христіанъ жестъ возложенія рукъ. Съ этого момента онъ былъ убѣжденъ что получитъ исцѣленіе отъ Ананія. Послѣдняго позвали. Онъ явился, поговорилъ кротко съ больнымъ, назвалъ его своимъ братомъ и возложилъ на него руки, И миръ поселился въ душѣ Павла. Онъ былъ убѣжденъ въ своемъ исцѣленіи и такъ какъ болѣзнь была главнымъ образомъ на нервной почвѣ, то онъ дѣйствительно и выздоровѣлъ: отъ глазъ его отпала какъ бы чешуя, онъ принялъ пищу и силы его вернулись къ нему, какъ говорится въ Дѣяніяхъ.

Онъ почти тотчасъ же крестился. Ученіе церкви было такъ просто, что ему не требовалось никакой подготовки. Онъ тотчасъ же сталъ христіаниномъ и при этомъ совершеннымъ христіаниномъ. Кто долженъ былъ ему дать указанія? Вѣдь самъ Іисусъ явился ему. Подобно Іакову, подобно Петру и ему явился воскресшій Іисусъ. Онъ уразумѣлъ все благодаря непосредственному откровенію. Гог

дая, непреклонная натура Павла проявилась и здѣсь. Да, онъ былъ побѣжденъ, но онъ готовъ былъ подчиниться одному только Іисусу, покинувшему свое мѣсто одесную отца и явившемуся къ нему, чтобы обратить его въ истинную вѣру и научить его. Это было основой его вѣры, это должно было быть впослѣдствіи исходной точкой его положеній. Онъ впослѣдствіи утверждалъ, что онъ нарочно не отправился тотчасъ же послѣ своего обращенія въ Іерусалимъ для того чтобы вступить въ сношенія съ тѣми, которые были ранѣе его апостолами, онъ получилъ особое откровеніе и по этому не нуждался ни въ комъ. Онъ такой же апостолъ какъ и остальные двѣнадцать онъ получилъ божественное посвященіе непосредственно отъ Іисуса. Его ученіе,—истинное ученіе, если бы даже ангелъ захотѣлъ утверждать противное. Гордецъ этотъ внесъ съ собой въ лоно маленькаго, духовно бѣднаго общества, составлявшаго христіанскую секту, громадную опасность. Будетъ истиннымъ чудомъ, если его горячность и его непреклонность не разрушатъ все. Но его смѣлость, сила его иниціативы, его рѣшительность явятся драгоцѣннымъ элементомъ наряду съ ограниченнымъ, робкимъ, нерѣшительнымъ духомъ святыхъ Іерусалима. Дѣйствительно, если бы христіанство осталось въ рукахъ этихъ добрыхъ людей, живущихъ замкнутой жизнью иллюминатовъ то оно заглохло бы подобно эссейству, почти не оставивъ послѣ себя воспоминанія. Неуступчивый Павелъ, вопреки всѣмъ опасностямъ, вывелъ его на просторъ. Наряду съ покорнымъ вѣрующимъ,

безпрекословно принимающимъ вѣру отъ своего старшаго, явится не полагающійся ни на какой авторитетъ христіанинъ, вѣрующій только изъ личнаго убѣжденія. Протестантизмъ существовалъ уже пять лѣтъ послѣ смерти Іисуса и Павелъ былъ его высокимъ основателемъ. Несомнѣнно Іисусъ не предвидѣлъ подобныхъ учениковъ, но можетъ быть они-то главнымъ образомъ и содѣйствовали оживленію его великаго дѣла, обезпеченію за нимъ вѣчности.

Сильныя и склонныя къ прозелитизму натуры мѣняютъ только предметъ своего страстнаго воодушевленія. Воодушевленный новой вѣрой въ такой же степени, въ какой онъ былъ воодушевленъ старой, Павелъ подобно Омару сталъ изъ гонителя апостоломъ. Онъ не вернулся въ Іерусалимъ, гдѣ положеніе его среди „двѣнадцати“ было бы немного щекотливо. Онъ остался въ Дамаскѣ и провинціи Авранитидѣ и проповѣдывалъ тамъ втеченіи трехъ лѣтъ (38—41), что Іисусъ—сынъ Божій. Иродъ Агриппа 1 былъ сувереномъ Авранитида и сопредѣльныхъ странъ, но власть его была сокрушена въ нѣсколькихъ мѣстахъ царемъ Гаретомъ. Благодаря ослабленію римскаго могущества въ Сиріи, честолюбивый арабъ овладѣлъ большимъ и богатымъ Дамаскомъ, точно также какъ и частью мѣстности по эту сторону Іордана и Гермона, гдѣ тогда существовали зачатки цивилизаціи. Другой эмиръ Согеймъ, быть можетъ родственникъ или военачальникъ Гарета, добился у Калигулы признанія своей власти надъ Итуріей. Среди этого мощнаго развитія арабской

расы, Павелъ распространилъ первый огонь своей апостольской души. Можетъ быть столь блестящее матеріальное движеніе принесло вредъ успѣху идеалистическихъ, основанныхъ на вѣрѣ въ близкій конецъ міра, проповѣдей. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы предположить, что Павелъ основалъ въ Аравіи церковь. Если эта мѣстность становится около 70 года однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ христіанства, то этимъ она обязана эмиграціи христіанъ изъ Палестины и какъ разъ враги Павла ебіониты имѣютъ здѣсь свое главное мѣстопребываніе.

Въ Дамаскѣ гдѣ было больше евреевъ, Павелъ имѣлъ болѣе успѣха. Онъ ходилъ по синагогамъ и возбуждалъ оживленные споры, чтобы доказать что Іисусъ—Мессія. Изумленіе вѣрующихъ было безгранично. Онъ, преслѣдовавшій ихъ братьевъ въ Іерусалимѣ и явившійся сюда, чтобы погубить и ихъ самихъ, сдѣлался ихъ первымъ апологетомъ. Его отважность, его оригинальность немного устрашали ихъ. Онъ былъ одинъ, онъ ни отъ кого не принималъ совѣта, онъ не образовалъ никакой школы, на него смотрѣли больше съ любопытствомъ чѣмъ съ симпатіей. Чувствовали, что онъ братъ во Христѣ, но братъ совершенно особаго рода. Его правда, не считали способнымъ на измѣну, но добрыя посредственныя натуры всегда испытываютъ чувство недовѣрія и испугъ рядомъ съ полными силы, первобытными натурами, такъ какъ онѣ понимаютъ, что въ одинъ прекрасный день тѣ начнутъ дѣйствовать самостоятельно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

(Годъ 38—41)

Миръ и внутреннее развитіе церкви въ Іудеѣ.

Съ 38 по 44 годъ церковь повидимому не подвергалась никакимъ гоненіямъ. Вѣрующіе навѣрное стали держать себя осторожнѣе послѣ смерти Стефана и избѣгали говорить публично. Можетъ быть немилость, въ которой находились іудеи, возставшіе во вторую половину царствованія Калигулы противъ послѣдняго, благопріятствовала зарождавшейся сектѣ. Дѣйствительно, іудеи были тѣмъ большими гонителями, чѣмъ въ лучшихъ отношеніяхъ они были съ римлянами. Чтобы купить свой покой или наградить ихъ, римляне имѣли тенденцію расширять привилегіи іудеевъ, въ особенности то право, котораго они крѣпко держались, а именно право убивать тѣхъ лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являлись вѣроотступниками. Время, до котораго мы дошли, считается самой бурной эпохой оживленной исторіи этого своеобразнаго народа.

Антипатія, возбужденная іудеями благодаря ихъ нравственному превосходству, ихъ страннымъ обычаямъ и также ихъ жестокостью въ населеніи, среди котораго они жили, достигла высшей степени, въ особенности въ Александріи. Эта ненависть воспользовалась для своего удовлетворенія переходомъ императорской власти къ одному изъ самыхъ опаснѣйшихъ безумцевъ, которые когда-

либо царствовали. Калигула, по крайней мѣрѣ со времени своей болѣзни, которая потрясла всѣ его душевныя силы (въ октябрѣ 37 г.), являлъ собою ужасное зрѣлище безумца, обладавшаго самой громадной властью надъ міромъ, которая когда либо была въ рукахъ человѣка. Это продолжалось три года и три мѣсяца. Чувствуешь стыдъ, разсказывая о послѣдующемъ въ серьезномъ историческомъ описаніи.

Безумецъ этотъ проводилъ все время въ заботѣ о своей божественности. Онъ вкладывалъ въ это горькую иронію, смѣсь серьезности и комизма— такъ какъ этому чудовищу нельзя было отказать въ умѣ—какъ бы глубокое презрѣніе къ человѣческому роду. Враги іудеевъ поняли какую пользу они могутъ изъ этого извлечь. Религіозное паденіе міра было таково, что не поднялся ни одинъ голосъ противъ этого святотатства цезаря. Каждый культъ спѣшилъ преподнести ему титулъ и оказать почести, которыя присвоены были только богамъ. Вѣчная заслуга іудеевъ заключается въ томъ, что они среди этого низкаго идолопоклонства подняли протестъ возмущенной совѣсти. Принципъ нетерпимости, царившій среди нихъ и побуждавшій ихъ къ столь многочисленнымъ жестокостямъ, проявилъ здѣсь свою положительную сторону. Утверждая, что ихъ религія является абсолютной религіей, они не подчинились достойному презрѣнія капризу тирана. Это было для нихъ источникомъ безконечныхъ гоненій. Достаточно было, чтобы въ какомъ-нибудь городѣ оказался недовольный синагогой, злой или просто задорный человѣкъ, чтобы

получились самыя ужасныя послѣдствія; то находили алтарь, воздвигнутый въ честь Калигулы въ какомъ-нибудь священномъ для іудеевъ мѣстѣ, то толпа уличныхъ мальчишекъ поднимала крикъ изъ-за того, что одни только іудеи отказывались ставить статую императора въ своихъ храмахъ. Толпа вторгалась въ синагоги и молитвенные дома и устанавливала тамъ бюстъ Калигулы. Этимъ несчастнымъ предоставлялся выборъ или отказаться отъ своей религіи, или совершить преступленіе оскорбленія Величества. Изъ этого возникли самыя ужасныя мучительства.

Подобныя надругательства повторялись уже нѣсколько разъ, какъ вдругъ императору внушили дьявольскую мысль поставить его колоссальную золотую статую въ Святой Святыхъ Іерусалимскаго храма и посвятить храмъ его божеству. Эта отвратительная интрига могла бы вызвать революцію іудеевъ и ускорила бы ихъ гибель на тридцать лѣтъ. Умѣренность императорскаго легата Публія Петронія и заступничество царя Ирода Агриппы, фаворита Калигулы, предотвратили катастрофу. Но до того момента пока мечъ Хэрея не освободилъ міръ отъ ужаснаго тирана, іудеи жили въ постоянномъ страхѣ. Филонъ передаетъ намъ подробности не слыханной сцены. разыгравшейся, когда депутація, во главѣ которой онъ стоялъ, была допущена къ императору. Калигула принялъ ихъ во время посѣщенія загородныхъ виллъ Мецена и Ламія, около моря, въ окрестностяхъ Пуцуоли. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Его любимый шутъ Геликонъ разсказывалъ ему всякія небылицы о іудеяхъ.

— А, такъ это вы,—проговорилъ онъ съ горькой улыбкой,—не хотите меня признать богомъ и предпочитаете молиться Богу, котораго вы даже не можете назвать. — Затѣмъ послѣдовало ужасное проклятіе.

Іудеи дрожали; ихъ александрійскіе враги заговорили первые:

— Ты бы, господинъ, еще болѣе презиралъ этихъ людей и весь ихъ народъ, если бы ты зналъ, какую они къ тебѣ питаютъ нелюбовь, вѣдь единственно они не приносили жертвъ за твое исцѣленіе, въ то время какъ это дѣлали всѣ народы.

При этихъ словахъ іудеи воскликнули, что это клевета, что они за здоровье императора принесли три раза самыя торжественныя жертвы, которыя только допускаетъ ихъ религія.

— Пускай будетъ такъ,—отвѣтилъ Калигула съ комической серьезностью,—вы приносили жертвы, но вѣдь не мнѣ. Какую выгоду имѣлъ я отъ этого?

Затѣмъ онъ повернулся къ нимъ спиной, началъ осматривать помѣщеніе, поднимаясь и опускаясь по лѣстницамъ и давая указанія насчетъ реставраціи его. Несчастные депутаты — между ними восьмидесятилѣтній Филонъ, быть можетъ самый достойный человѣкъ того времени послѣ Іисуса— послѣдовали за нимъ, всюду стараясь не отстать отъ него. Они запыхались, дрожали и окружающіе осыпали ихъ насмѣшками. Вдругъ Калигула обернулся къ нимъ:

— Да, почему вы не ѣдите свинины?

Льстецы громко разсмѣялись. Придворные замѣтили имъ, что неумѣреннымъ смѣхомъ они совер-

шаютъ проступокъ противъ Величества. Іудеи замялись, одинъ изъ нихъ замѣтилъ довольно неудачно:

— Бываютъ люди, которые не ѣдятъ мяса ягненка.

— Они совершенно правы,—отвѣтилъ императоръ,—это совершенно безвкусное мясо.

До сихъ поръ онъ дѣлалъ видъ, что занимается ими, но едва только началась аудіенція, какъ онъ оставилъ ихъ и пошелъ дальше отдавать приказанія для украшенія одного зала зеркалами, затѣмъ онъ вернулся и совершенно спокойнымъ тономъ спросилъ депутатовъ имѣютъ ли они еще что-нибудь сказать и когда тѣ возобновили прерванный разговоръ, онъ снова повернулся къ нимъ спиной и отправился въ другой залъ, который онъ велѣлъ украсить картинами. Эта игра кошки съ мышью продолжалась нѣсколько часовъ. Іудеи приготовились къ смерти. Но въ послѣдній моментъ хищный звѣрь спряталъ свои когти.

— Право, — воскликнулъ онъ, проходя мимо нихъ, эти люди менѣе достойны наказанія, чѣмъ жалости, что они не вѣрятъ въ мою божественность.

Понятно, что такое напряженное состояніе лишило іудеевъ эпохи Марулла той гордой отваги съ которой они обращались къ Пилату. Не имѣя почти никакой связи съ храмомъ, христіане были далеко не такъ напуганы какъ евреи, святотатственными проектами Калигулы. Впрочемъ, они не были достаточно многочисленны, чтобы въ Римѣ могли знать объ ихъ существованіи. Буря эпохи Калигулы, точно также какъ и буйный вихрь, кончив-

шійся завоеваніемъ Іерусалима Титомъ, пронеслись надъ ихъ головами и въ извѣстномъ отношеніи принесли имъ даже пользу. Все то, что ослабляло іудейскую независимость, было выгодно для нихъ потому, что оно въ одинаковой степени уменьшало могущество нетерпимой ортодоксальности, искавшей себѣ поддержку въ строгихъ карахъ.

Этотъ періодъ мира былъ богатъ внутреннимъ развитіемъ. Будущая церковь распространилась на три провинціи: Іудею, Самарію и Галилею, къ которой несомнѣнно примыкалъ и Дамаскъ. Іерусалимъ имѣлъ неоспоримое первенство. Община этого города, разсѣившаяся послѣ смерти Стефана, снова быстро возродилась. Апостолы никогда не покидали города. Братья Господни жили тамъ постоянно и пользовались большимъ авторитетомъ. Вѣроятно, новая Іерусалимская община не была такъ строго организована, какъ первая, не существовало прежней общности имущества. Была основана обширная касса для бѣдныхъ, которая собирала пожертвованія, посылаемыя отдѣльными общинами главной общинѣ, постоянному источнику истинной вѣры.

Петръ часто предпринималъ апостольскія хожденія въ окрестностяхъ Іерусалима. Онъ всегда пользовался большой славой чудотворца. Въ Лиддѣ, разсказываютъ, онъ исцѣлилъ разслабленнаго именемъ Энея и благодаря этому чуду многіе изъ жителей Саронской долины обратились къ Господу. Изъ Лидды онъ отправился въ теперешнюю Яффу, которая повидимому была центромъ христіанства. Самый лучшій пріемъ секта находила

въ городахъ, населенныхъ рабочими, рыбаками, бѣдняками, гдѣ не преобладали ортодоксальные іудеи. Петръ долго прожилъ въ Яффѣ у кожевника Симона, жившаго у моря. Кожевенное ремесло почти считалось нечистымъ, кожевниковъ нельзя было часто посѣщать и они жили въ особыхъ кварталахъ. Поселившись у Симона, Петръ явилъ доказательства своей индифферентности къ іудейскимъ предразсудкамп и работалъ въ пользу облагороженія мелкихъ ремеслъ, являющагося въ значительной степени дѣломъ христіанскаго духа.

Организація благотворительнаго дѣла была поставлена на высоту. Въ Яффской общинѣ была замѣчательная женщина, называвшаяся по-арамейски Тавиѳа (серна), исполненная добрыхъ дѣлъ и творившая много милостынь. Она вѣроятно была богата и много помогала бѣднымъ. Эта почтенная женщина собирала у себя благочестивыхъ вдовицъ, которыя проводили свои дни въ изготовленіи платьевъ для нуждающихся. Такъ какъ тогда еще не послѣдовало отдѣленіе христіанства отъ іудейства, то вѣроятно и іудеямъ оказывалась благотворительная помощь. «Святые и вдовицы» были значитъ благочестивыми, сострадательными людьми, оказывавшими помощь всѣмъ безъ различія.

Зародышъ этихъ женскихъ обществъ, составившихъ славу христіанства, существовалъ уже въ первыхъ общинахъ Іудеи. Въ Яффѣ началось поколѣніе тѣхъ закутанныхъ въ покрывала женщинъ, которыя втеченіи столѣтій являлись носительни-

цами традицій не искавшаго гласности милосердія. Тавиѳа была родоначальницей семьи, которая никогда не вымретъ пока будетъ итти дѣло о томъ, чтобы облегчать нужду и давать удовлетвореніе благороднымъ чувствамъ женщины. Впослѣдствіи разсказывали, что Петръ воскресилъ ее. Смерть, какъ бы она нелѣпа, какъ бы возмутительна не казалась намъ въ подобномъ случаѣ, все же непреклонна. Но идея не подчинена условіямъ матеріи. Добродѣтель и доброта недоступны нападеніямъ смерти. Неужели нужно было безпокоить ее изъ сладкаго, вѣчнаго покоя для того, чтобы дать ей возможность пробыть въ этой печальной жизни на четыре дня дольше? Пусть она покоится въ мирѣ, настанетъ судный день.

Въ этихъ городахъ съ очень смѣшаннымъ населеніемъ предстоялъ для разрѣшенія настоятельный вопросъ, могутъ ли быть допущены къ крещенію язычники. Петръ сильно сомнѣвался въ этомъ. Когда онъ однажды молился въ Яффѣ на террассѣ дома кожевника, имѣя передъ собою море, по которому новая вѣра должна была скоро распространиться по всему міру, ему явилось пророческое видѣніе. Въ полудремотѣ, въ которой онъ находился, ему показалось, что онъ чувствуетъ голодъ и онъ потребовалъ пищи. Между тѣмъ какъ ее приготовляли, онъ увидалъ отверстое небо и опускающуюся на землю, привязанную за четыре угла скатерть. Заглянувъ туда, онъ увидѣлъ всякаго рода животныхъ и ему послышался голосъ: „Заколи и ѣшь!“ На замѣчаніе его, что, нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ нечистыя, онъ полу-

чилъ въ отвѣтъ: „Что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ“. Это повторилось трижды. Петръ былъ убѣжденъ, что эти животныя изображаютъ символически массу язычниковъ, которыхъ самъ Господь считаетъ достойными войти въ царство Божіе.

Случай примѣнить эти принципы скоро представился. Изъ Яффы Петръ отправился въ Цезарею. Здѣсь онъ вступилъ въ сношеніе съ центуріономъ Корнеліемъ. Гарнизонъ Цезареи состоялъ частью изъ одной изъ тѣхъ когортъ, къ которыя входили италійскіе добровольцы. Корнелій былъ центуріономъ этой когорты, слѣдовательно италійцемъ и римскимъ гражданиномъ. Онъ былъ честнымъ человѣкомъ и монотеистическій культъ іудеевъ уже давно привлекалъ его къ себѣ. Онъ молился, подавалъ милостыню, короче сказать исполнялъ правила естественной религіи, предписываемыя іудействомъ. Но онъ не былъ обрѣзанъ, онъ не былъ прозелитомъ, стоящимъ на какой либо подготовительной ступени, онъ просто былъ благочестивымъ язычникомъ, іудеемъ въ душѣ. Весь домъ его и нѣкоторые воины изъ его центуріи, говорятъ, раздѣляли его образъ мыслей. Корнелій просилъ принять его въ новую церковь. Петръ, человѣкъ открытаго и благожелательнаго характера, согласился на его просьбу и центуріонъ получилъ крещеніе.

Въ началѣ Петръ не имѣлъ изъ-за этого никакихъ непріятностей. Но послѣ возвращенія его въ Іерусалимъ ему это было поставлено въ тяжелый упрекъ. Говорили, что онъ открыто наруш

законъ, что онъ жилъ среди необрѣзанныхъ и вкушалъ вмѣстѣ съ ними пищу. Вопросъ былъ крайне важенъ. Дѣло шло о томъ, можетъ ли быть нарушенъ законъ ради прозелитизма, могутъ ли быть язычники сразу приняты въ лоно церкви. Для своей защиты Петръ разсказалъ свое видѣніе въ Яффѣ. Впослѣдствіи, случай съ центуріономъ служилъ аргументомъ при разрѣшеніи важнаго вопроса крещенія необрѣзанныхъ. Для того, чтобы придать всему этому большее значеніе, утверждали, что каждый фазисъ этого происшествія опредѣлялся приказаніемъ свыше.

Разсказывали, что Корнелію послѣ долгой молитвы явился ангелъ, приказавшій ему отправиться къ Петру въ Яффу, что символическое видѣніе Петра имѣло мѣсто въ тотъ же часъ, когда къ нему явились посланные Корнелія, что самъ Господь одобряетъ все происшедшее, такъ какъ Св. Духъ сошелъ на Корнелія и живущихъ въ домѣ его, такъ что они говорили на разныхъ языкахъ и подобно другимъ вѣрующимъ величали Бога. Было ли бы естественно отказывать въ крещеніи тѣмъ лицамъ, на которыхъ сошелъ Св. Духъ?

Іерусалимская община состояла тогда исключительно изъ іудеевъ и прозелитовъ. Что Св. Духъ сошелъ на необрѣзанныхъ до ихъ крещенія-сочтенно было въ высшей степени исключительнымъ фактомъ. Очень вѣроятно, что, начиная съ этого момента, образовалась партія, противившаяся допущенію язычниковъ и что не всѣ согласились ъ толкованіемъ Петра. Авторъ Дѣяній утверждаетъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ положи-

тельномъ смыслѣ послѣдовало единогласно. Но мы видимъ, что нѣсколько лѣтъ спустя вопросъ этотъ возобновляется съ новой силой. Можетъ быть случай съ благочестивымъ центуріономъ былъ сочтенъ за исключеніе, подобно обращенію эѳіопскаго евнуха, находившее свое оправданіе въ откровеніи и ясномъ указаніи Божьемъ. Но вопросъ далеко не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Это былъ первый случай несогласія въ лонѣ церкви. Рай внутренняго мира продолжался шесть или семь лѣтъ.

Значитъ, повидимому, начиная съ 40 года, былъ поставленъ важный, рѣшающій для судьбы христіанства вопросъ. Петръ и Филиппъ предвидѣли вполнѣ правильно его истинное разрѣшеніе и крестили язычниковъ. Безъ сомнѣнія, въ обоихъ описаніяхъ, даваемыхъ намъ Дѣяніями апостоловъ, при чемъ одно частью списано съ другого, трудно не видѣть извѣстной системы. Авторъ Дѣяній принадлежалъ къ средней партіи, относившейся благосклонно къ допущенію язычниковъ и онъ не хочетъ признаться въ серьезности разногласія по этому вопросу. Иногда замѣтно, что авторъ, описывая эпизоды съ евнухомъ, центуріономъ и даже обращеніе самарянъ не только просто разсказываетъ, но главнымъ образомъ ищетъ прецедента для поддержки извѣстныхъ взглядовъ.

Тотъ, который, десять или одиннадцать лѣт спустя, долженъ былъ придать рѣшающее значе этому спору, а именно Павелъ, еще не вмѣшивал Онъ находился въ Гауранѣ или Дамаскѣ, вы столько же рвенія въ проповѣдываніи нов

сколько онъ ранѣе проявлялъ въ гоненіяхъ на нее. Фанатизмъ, орудіемъ котораго онъ былъ раньше, не замедлилъ воздвигнуть гоненія на него самого. Іудеи рѣшили погубить Павла. Они достали у этнарха, правившаго Дамаскомъ отъ имени Гарета, приказъ объ арестѣ. Павелъ скрылся. Стало извѣстно, что онъ намѣренъ покинуть городъ. Этнархъ, желавшій оказать услугу іудеямъ, поставилъ стражу у воротъ, но братія ночью помогли ему бѣжать, спустивши его въ корзинѣ по стѣнѣ изъ окна, находившагося надъ валомъ дома.

Избѣжавъ этой опасности, Павелъ обратилъ свои взоры на Іерусалимъ. Прошло три года съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ христіаниномъ, а между тѣмъ онъ еще не видѣлъ апостоловъ. Его рѣзкій, мало общественный характеръ заставилъ его сначала повернуться спиной къ обширной семьѣ, въ которую онъ вступилъ и предпочесть для перваго его апостольства страну, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать одинъ. Но однако у него явилось желаніе увидѣться съ Петромъ. Онъ признавалъ его авторитетъ и подобно всѣмъ другимъ называлъ его Кифа, то есть камень. Итакъ онъ отправился въ Іерусалимъ съ совершенно другими намѣреніями, чѣмъ три года тому назадъ.

Положеніе его въ Іерусалимѣ было крайне затруднительно и непріятно. Хотя тамъ и слышали, что гонитель превратился въ самаго ревностнаго евангелиста и защитника вѣры, которую онъ прежде собирался уничтожить, тѣмъ не менѣе къ нему относились съ большимъ предубѣжденіемъ. Нѣкоторые опасались съ его стороны ужаснаго

коварства. Его считали способнымъ разыграть отвратительную комедію съ цѣлью погубить тѣхъ, кого онъ ненавидѣлъ. Онъ повидимому жилъ въ домѣ Петра. Многіе изъ учениковъ при его приближеніи молча уходили. Человѣкъ сердца и воли, Варнава, сыгралъ въ этотъ моментъ рѣшающую роль. Какъ кипріотъ и новообращенный, онъ лучше галилейскихъ учениковъ понималъ положеніе Павла. Онъ пошелъ къ нему навстрѣчу, взялъ его за руку, представилъ его самымъ недовѣрчивымъ и поручился за него. Этимъ, проникнутымъ умомъ и дальновидностью актомъ Варнава оказалъ громадную услугу христіанству; ему обязана церковь самымъ выдающимся изъ своихъ основателей. Дружба этихъ двухъ апостольскихъ мужей, дружба неомраченная ничѣмъ, несмотря на различіе ихъ взглядовъ, впослѣдствіи объединила ихъ въ ихъ дѣятельности среди язычниковъ.

Павелъ нарочно избѣгалъ свиданія съ апостолами. Онъ самъ признаетъ это и даже въ особенности настаиваетъ на этомъ обстоятельствѣ. Онъ видѣлся только съ Петромъ и съ Іаковомъ, братомъ Господнимъ. Пребываніе его въ Іерусалимѣ продолжалось только двѣ недѣли. Конечно, возможно, что въ то время когда Павелъ писалъ свои посланія къ Галатамъ (56 г.), онъ считалъ необходимымъ, въ виду требованій момента, представить свои отношенія къ апостоламъ болѣе сухими, иными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Въ 56 году ему важно было доказать, что онъ не получилъ ничего изъ Іерусалима, что онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ посланцемъ пребывавшаго въ

этомъ городѣ совѣта двѣнадцати. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ держать себя въ Іерусалимѣ какъ человѣкъ, избѣгающій сношенія съ равными себѣ, чтобы не дать повода думать, что онъ подчиняется и поведеніе его не могло быть поведеніемъ человѣка смиреннаго, раскаявшагося и стыдившагося за свое прошлое, какимъ его изображаетъ авторъ Дѣяній. Но мы не можемъ думать, что уже съ 41 года Павелъ былъ одушевленъ этимъ родомъ ревнивой заботы о своей оригинальности, которую онъ проявилъ впослѣдствіи. Непродолжительность его пребыванія въ Іерусалимѣ и стараніе избѣгать встрѣчи съ апостолами являлись скорѣе слѣдствіемъ смущенія, испытываемаго имъ въ присутствіи людей, созданныхъ иначе чѣмъ онъ и относившихся къ нему съ предубѣжденіемъ, чѣмъ результатомъ тонкаго политическаго расчета, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ заставилъ его предвидѣть, какія непріятности могутъ явиться для него изъ этого общенія съ апостолами.

Въ дѣйствительности между Павломъ и апостолами ставило преграду главнымъ образомъ различіе характера и воспитанія. Всѣ апостолы были галилеяне, они не посѣщали іудейскихъ высшихъ школъ, они видѣли Іисуса, они помнили его слова, они были добрыми, благочестивыми людьми, иногда немного наивными. Павелъ былъ человѣкъ дѣла, полный огня, въ достаточной степени мистикъ, котораго какая-то высшая сила втолкнула въ ряды вѣрующихъ. Онъ былъ значительно больше образованъ, чѣмъ его новые собратія. Но такъ

какъ онъ не слышалъ рѣчей Іисуса, такъ какъ онъ не былъ имъ поставленъ, то по христіанскому воззрѣнію онъ стоялъ гораздо ниже апостоловъ. Но Павелъ вовсе не былъ созданъ для того, чтобы занимать второстепенное положеніе. Его самосознательная индивидуальность требовала для него особой роли. Вѣроятно около этого времени въ немъ возникла странная мысль, что ему въ сущности не въ чемъ завидовать тѣмъ, которые знали Іисуса и были имъ избраны, такъ какъ и онъ видѣлъ Іисуса, получилъ откровеніе свыше и былъ Іисусомъ посвященъ въ апостолы. Даже тѣ, которые имѣли счастіе видѣть воскресшаго Іисуса, не стояли выше его, такъ какъ Іисусъ явился ему послѣднему и при томъ при обстоятельствахъ, носившихъ на себѣ отпечатокъ особаго благоволенія. Какое ошибочное мнѣніе! Эхо рѣчей Іисуса раздается въ словахъ даже самаго незначительнаго его ученика. Христосъ, видѣнный имъ по дорогѣ въ Дамаскъ, что бы онъ ни говорилъ, не былъ Іисусомъ Галилеи, онъ былъ Христомъ его собственнаго воображенія. Хотя онъ ревниво собиралъ слова учителя, тѣмъ не менѣе ясно, что онъ былъ только второстепеннымъ ученикомъ. Сомнительно, почувствовалъ ли бы онъ влеченіе къ Іисусу, если бы онъ встрѣтилъ его при жизни. Его ученіе будетъ его собственнымъ ученіемъ, а не ученіемъ Іисуса. Откровенія, которыми онъ гордится, являются плодомъ его воображенія.

Эти мысли, которыя онъ еще не осмѣливался распространять, дѣлали ему пребываніе въ Іерусалимѣ непріятнымъ. Послѣ двухнедѣльнаго пребы-

ванія онъ распростился съ Петромъ и ушелъ изъ Іерусалима. Онъ видѣлъ такъ мало вѣрующихъ, что могъ утверждать, что церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично онъ не былъ извѣстенъ. Впослѣдствіи онъ приписалъ этотъ внезапный уходъ откровенію. Онъ разсказывалъ, что, когда онъ однажды молился въ храмѣ, онъ пришелъ въ экстазъ, увидѣлъ Іисуса и получилъ отъ него приказаніе какъ можно скорѣе оставить Іерусалимъ, потому что здѣсь не склонны принять его свидѣтельства о Господѣ. Взамѣнъ этого Іисусъ обѣщалъ ему апостольство у живущихъ далеко народовъ, которые окажутся болѣе воспріимчивыми къ его словамъ. Что касается тѣхъ, которые хотятъ скрыть слѣды многочисленныхъ раздоровъ, вызванныхъ присоединеніемъ къ церкви Павла, то они утверждаютъ, что онъ оставался довольно продолжительное время въ Іерусалимѣ, находился въ очень близкихъ сношеніяхъ съ братьями, но когда онъ захотѣлъ проповѣдывать іудеямъ эллинистамъ, тѣ замыслили его убить, такъ что братія, заботясь о его безопасности, отправили его въ Кесарію.

Дѣйствительно вполнѣ возможно, что онъ изъ Іерусалима отправился въ Кесарію. Но онъ тамъ оставался не долго и потомъ отправился въ Сирію и Киликію. Несомнѣнно онъ въ это время проповѣдывалъ по собственному выбору и безъ всякаго съ кѣмъ либо предварительнаго соглашенія. Втеченіи этого двухлѣтняго періода его апостольской жизни, родной его городъ Тарсъ былъ его обычнымъ мѣстопребываніемъ. Возможно также, что киликійскія общины обязаны ему своимъ возник-

новеніемъ. Жизнь Павла въ этотъ періодъ была не такова, какой она намъ представляется впослѣдствіи. Онъ не носилъ званія апостола, предоставленнаго исключительно „двѣнадцати". Только начиная съ момента соединенія съ Варнавой (45 г.) онъ выступаетъ на поприще апостольскихъ хожденій и проповѣдничества, и воплощаетъ въ себѣ типъ странствующаго миссіонера.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(41 г.)

Основаніе Антіохійской общины.

Новая вѣра мало-по-малу дѣлала удивительные успѣхи. Члены Іерусалимской церкви, разсѣившіеся вслѣдствіе смерти Стефана, достигли Сиріи и Антіохіи, завоевавъ по дорогѣ Финикійское побережье, вдоль котораго они двигались. Сначала абсолютнымъ ихъ принципомъ было проповѣдывать исключительно для евреевъ.

Антіохія „столица Востока", третій городъ міра была средоточіемъ христіанства въ сѣверной Сиріи. Это былъ городъ съ болѣе чѣмъ 500.000 населенія, почти такого же размѣра какъ Парижъ до его послѣдняго расширенія, резиденція императорскаго легата въ Сиріи. Вознесенная на высокую степень великолѣпія селевкидами, она только выиграла отъ римской оккупаціи. Въ общемъ, селевкиды предварили римлянъ, что касается театральнаго украшенія большихъ городовъ. Въ Антіохіи были храмы, водопроводы, бани, базилики. Ул

украшенныя колоннами и статуями на перекресткахъ, были правильнѣе и симметричнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Въ Антіохіи были не только великолѣпныя общественныя зданія, но она заключала въ себѣ то, чѣмъ могли гордиться только сирійскіе города — шедевры греческаго искусства, выдающіяся скульптурныя произведенія классической красоты. Антіохія съ самаго своего основанія была чисто эллинскимъ городомъ. Греческая миѳологія создала себѣ здѣсь вторую родину, здѣсь находилась масса имѣющихъ отношеніе къ миѳологіи „священныхъ мѣстъ". Городъ былъ полонъ святынь Аполлона и нимфъ. Дафна, вохительное мѣстечко въ двухъ часахъ ѣзды отъ Антіохіи, напоминало завоевателямъ самыя веселыя миѳологическія сказанія. Сюда были какъ бы перенесены миѳы родины, составлявшіе древнія религіозныя вѣрованія. Но здѣсь, на границѣ обоихъ міровъ Греціи и Азіи, примѣшивались сирійское легкомысліе, вавилонское шарлатанство, которыя сдѣлали изъ Антіохіи центръ лжи, клоаку всякой подлости.

Наряду съ греческимъ неселеніемъ, которое нигдѣ, кромѣ Александріи, не было такъ многочисленно, въ Антіохіи имѣлось значительное количество сирійцевъ и говорящихъ на сирійскомъ языкѣ туземцевъ, которые составляли низшій классъ и жили въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ селеніяхъ. Такъ какъ браки между сирійцами и греками были дѣломъ обычнымъ и такъ какъ Селевкъ установилъ, что каждый чужеземецъ, поселившійся въ городѣ становится гражданиномъ, то послѣ трехъ съ половиной вѣковаго существованія, Ан-

тіохія стала однимъ изъ тѣхъ міровыхъ центровъ, гдѣ были самыя смѣшанныя расы. Нравственная испорченность достигла здѣсь высшей степени. Особенность подобныхъ центровъ гніенія состоитъ въ томъ, что оно заражаетъ въ равной степени всѣ расы. Населеніе города являлось конгломератомъ фигляровъ, базарныхъ крикуновъ, комедіантовъ, маговъ, тауматурговъ, колдуновъ, жрецовъ-шарлатановъ. Это былъ городъ ристалищъ, игръ, танцевъ, праздниковъ и вакханалій, городъ безумной роскоши, всѣхъ безумствъ востока, опаснѣйшаго суевѣрія, фанатическихъ оргій.

То раболѣпные, то неблагодарные, то трусливые, то нахальные антіохійцы были совершеннымъ образцомъ тѣхъ преданныхъ цезаризму массъ, которыя не имѣли ни родины, ни національности, ни семейной чести, ни имени. Громадная главная улица длиною болѣе чѣмъ въ одну милю, проходившая черезъ весь городъ, уподоблялась театру, на подмосткахъ котораго каждый день выступало и смѣнялось легкомысленное нравственно-неустойчивое, склонное къ возмущенію, иногда остроумное, занятое пѣніемъ, шутками и всякаго рода безстыдствами населеніе. Антіохія была очень литературнымъ городомъ, но литература его была чисто риторическая. Бывали представленія, въ которыхъ участвовали хоры голыхъ молодыхъ дѣвушекъ, тѣло которыхъ было покрыто простой повязкой. Во время знаменитаго праздника Маюма, въ бассейнахъ, наполненныхъ чистой водой, плавали толпы куртизанокъ. Это было какъ бы опьяненіемъ, какъ бы сномъ Сарданапала. Но красота произ-

деній искусства и необычайная прелесть природы препятствовали тому, чтобы эта нравственная испорченность окончательно выродилась въ безобразную, уродливую грубость.

Между различными колоніями, привлеченными въ столицу Сиріи, колонія іудеевъ была самая многочисленная; она образовалась въ правленіе Селевка Никатора, и іудеи обладали тѣми же правами, что и греки. Хотя іудеи имѣли своего собственнаго этнарха, тѣмъ не менѣе они находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ язычниками. Здѣсь какъ и въ Александріи, между ними часто происходили раздоры. Съ другой стороны они вели оживленную религіозную пропаганду. Такъ какъ царствовавшій политеизмъ все менѣе и менѣе удовлетворялъ серьезные умы, то греческая философія и еврейство привлекали всѣхъ тѣхъ, которые не могли удовлетвориться пустой обрядностью язычества. Число прозелитовъ было очень значительно. Уже въ первые дни христіанства Антіохія дала Іерусалимской церкви одного изъ своихъ самыхъ вліятельныхъ сыновъ, діакона Николая. Въ ней были заложены сѣмена, которыя нуждались только въ лучѣ благодати, чтобы дать ростки и распуститься пышнымъ цвѣтомъ.

Антіохійская община была обязана своимъ возникновеніемъ нѣсколькимъ вѣрующимъ съ Кипра и Кирены, которые здѣсь усиленно проповѣдывали. До сихъ поръ они обращались только къ іудеямъ. Но въ городѣ, гдѣ жили вмѣстѣ ортодоксальные іудеи, іудейскіе прозелиты, „богобоязненные люди“ язычники на половину іудеи и чистые языч-

ники, проповѣди, ограничивающіяся немногими домами, являлись невозможными. Чувство религіозной аристократіи, наполнявшее іудеевъ въ Іерусалимѣ гордостью, не существовало въ подобныхъ большихъ городахъ съ чисто языческой цивилизаціей, гдѣ горизонтъ былъ обширнѣе и предразсудки не укоренились такъ глубоко. Поэтому кипріотскіе и киренскіе миссіонеры почувствовали необходимость отступить отъ своихъ правилъ: они проповѣдывали какъ для іудеевъ, такъ и для грековъ.

Іудейское и языческое населеніе находилось въ этотъ моментъ въ очень скверныхъ отношеніяхъ. Но обстоятельства другого рода послужили на пользу новымъ идеямъ. Землетрясеніе, сильно повредившее городъ 23 марта 37 года, все еще продолжало волновать умы. Весь городъ говорилъ объ одномъ шарлатанѣ Деборіи, который утверждалъ, что онъ можетъ предотвратить повтореніе подобной катастрофы силою своихъ, достойныхъ смѣха талисмановъ. Это вліяло на склонныя къ сверхъестественному души. Какъ бы то ни было христіанскія проповѣди имѣли большой успѣхъ. Въ короткое время была основана молодая, огненная, все обновляющая церковь, съ широкой будущностью, такъ какъ она состояла изъ самыхъ различныхъ элементовъ. Всѣ дары Св. Духа были излиты на нее и легко было предвидѣть, что эта новая церковь, свободная отъ ограничивающаго мозаизма, охватывавшаго плотнымъ кольцомъ Іерусалимъ, предназначена быть второй колыбелью христіанства. Конечно, Іерусалимъ останется

всегда религіозной столицей міра. Но все же исходнымъ пунктомъ церкви язычниковъ, центромъ, въ которомъ создались христіанскіе миссіонеры, являлась исключительно Антіохія. Здѣсь впервые образовалась свободная отъ узъ іудаизма церковь, здѣсь укрѣпилась великая пропаганда апостольскаго періода, здѣсь окончательно образовался Павелъ. Антіохія является вторымъ этапомъ завоеваній христіанства. Въ этомъ отношеніи съ Антіохіей не могутъ быть сравнены ни Римъ, ни Александрія, ни Константинополь.

Топографія древней Антіохіи настолько оставила мало слѣдовъ послѣ себя, что мы тщетно будемъ искать мѣста, съ которыми связаны такія великія воспоминанія. Здѣсь какъ и всюду, христіанство должно было ютиться въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, среди мелкихъ ремесленниковъ. Базилика, называвшаяся въ четвертомъ столѣтіи „древней“ или „апостольской“, находилась на улицѣ Сингонъ, вблизи Пантеона. Но однако неизвѣстно, гдѣ былъ этотъ Пантеонъ. Традиція и нѣкоторыя смутныя аналогіи заставляютъ насъ искать эту первобытную христіанскую часть города вблизи воротъ, носящихъ еще и понынѣ имя Павла — Бабъ-Болосъ. Это была часть города, въ которой имѣлось меньше всего языческихъ памятниковъ. Здѣсь видны еще остатки древнихъ, посвященныхъ Петру, Павлу и Іоанну, святынь. Здѣсь, повидимому, находился кварталъ, въ которомъ христіанство сохранилось дольше всего послѣ магометанскаго завоеванія. Здѣсь, повидимому, было мѣстообываніе „святыхъ“, являвшееся противополож-

ностью языческой Антіохіи. Въ этомъ мѣстѣ скалы испещрены пещерами, которыя могли быть заняты анахоретами. Если взойти на эти крутыя скалы, съ высотъ которыхъ въ четвертомъ столѣтіи благочестивые стилисты, бывшіе одновременно учениками Индіи и Галилеи, Іисуса и Сакія-Муни, съ презрѣніемъ смотрѣли на пышный городъ, то вѣроятно окажешься не далеко отъ того мѣста, гдѣ жили Петръ и Павелъ. Исторію антіохійской церкви можно возсоздать легче другихъ и въ ней меньше всего легендъ. Христіанскія преданія могутъ имѣть значеніе въ городѣ, гдѣ христіанство начало такъ мощно развиваться.

Преобладающимъ языкомъ Антіохійской церкви былъ греческій. Но очень вѣроятно, что говорившія на сирійскомъ языкѣ предмѣстья дали новой сектѣ многочисленныхъ адептовъ. Поэтому уже тогда въ Антіохіи были положены зародыши двухъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ и впослѣдствіи враждебныхъ общинъ, изъ которыхъ одна говорила на греческомъ языкѣ -- представителями ея являются въ настоящее время сирійскіе греки, православные и католики—другая же, современная маронитская церковь, говорила на сирійскомъ языкѣ, который она сохранила и понынѣ. Марониты, которые несмотря на свой современный католицизмъ, являются очень давними христіанами, вѣроятно послѣдніе потомки сирійцевъ-селевкидовъ, тѣхъ жителей предмѣстій, которые уже въ первомъ столѣтіи образовали особую церковь, были гонимы православными императорами въ качествѣ еретиковъ и бѣжали въ Ливанъ, гдѣ они изъ не

нависти къ греческой церкви и также въ виду тѣснаго сродства слились съ католиками.

Что касается новообращенныхъ евреевъ Антіохіи, то они были очень многочисленны. Но можно предположить, что они тотчасъ же вступали въ тѣсныя сношенія съ язычниками. И такъ, на берегахъ Оронта осуществилось религіозное сліяніе расъ, о которомъ мечталъ Іисусъ или, вѣрнѣе сказать, мечтали въ теченіе шести столѣтій пророки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

(Года 42—44).

Идея апостольства среди язычниковъ. Св. Варнава.

Волненіе было велико въ Іерусалимѣ, когда тамъ узнали, что произошло въ Антіохіи. Несмотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ выдающихся членовъ Іерусалимской церкви, въ особенности Петра, апостольская коллегія была всегда занята мелочными мыслями. Каждый разъ, когда приходила вѣсть о благовѣствованіи Евангелія язычникамъ, нѣкоторые изъ апостоловъ выказывали недовольство. На этотъ разъ явился человѣкъ, который помѣшалъ тому, чтобы ограничительные взгляды „евреевъ“ разрушили всю будущность христіанства. Это былъ Варнава—самый ясный, просвѣщенный умъ Іерусалимской общины. Онъ былъ главой свободомыслящей партіи, стремящейся къ прогрессу и къ открытію всѣмъ доступа въ церковь. Раньше онъ уже много сдѣлалъ для того, чтобы устранить невѣріе, которое члены общины чувствовали къ

Павлу, теперь онъ снова оказалъ большое вліяніе. Посланный отъ апостольской коллегіи въ Антіохію онъ увидѣлъ все происшедшее, далъ свое одобреніе и объявилъ, что новая церковь должна слѣдовать по тому пути, по которому она теперь пошла. Между тѣмъ очень многіе обратились въ христіанство. Жизненная и творческая сила христіанства какъ бы концентрировалась въ Антіохіи. Варнава, искавшій всегда оживленной дѣятельности, остался здѣсь. Отнынѣ Антіохія станетъ его общиной. Христіанство было несправедливо къ этому великому человѣку, не поставивъ его въ первый рядъ своихъ основателей. Всѣ великія и прекрасныя мысли исходили отъ Варнавы. Его смѣлые взгляды являлись противовѣсомъ опасному своенравію ограниченныхъ іудеевъ, составлявшихъ консервативную партію Іерусалима.

Чудная идея зародилась въ этомъ великомъ сердцѣ. Павелъ находился въ Тарсѣ безъ всякаго дѣла, что являлось несомнѣнно пыткой для такого энергичнаго человѣка. Его ложное положеніе, его рѣзкость, его чрезмѣрныя претензіи какъ бы отодвинули его на второй планъ. Онъ изнывалъ отъ бездѣятельности и былъ почти безполезенъ. Варнава съумѣлъ примѣнить къ истинному дѣлу эту, изнывающую въ нездоровомъ и опасномъ одиночествѣ, силу. Вторично онъ протянулъ руку Павлу и привелъ этого неукротимаго человѣка въ братскую общину, отъ которой онъ хотѣлъ бѣжать. Онъ самъ пошелъ въ Тарсъ, отыскалъ его и привелъ въ Антіохію. Вотъ на это никогда бы не рѣшились старые іерусалимскіе упрямцы!

Цѣлый годъ сотрудничали Варнава и Павелъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и несомнѣнно самыхъ счастивыхъ годовъ жизни Павла. Благодаря дѣятельности этихъ двухъ мужей, Антіохійская церковь поднялась на недосягаемую высоту. Столица Сиріи была въ то время однимъ изъ міровыхъ центровъ съ самымъ оживленнымъ движеніемъ. Религіозные и соціальные вопросы во времена римлянъ, какъ и теперь, выступали наружу главнымъ образомъ тамъ, гдѣ было скопленіе людей. Уже чувствовалась нѣкоторая реакція противъ общей безнравственности, реакція, благодаря которой Антіохія стала впослѣдствіи родиной стилистовъ и отшельниковъ. Значитъ ученіе христіанское нашло въ этомъ городѣ болѣе лучшія условія для своего успѣха, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Одно обстоятельство доказываетъ вполнѣ, что только въ Антіохіи секта составила изъ себя одно цѣлое. Въ этомъ городѣ она получила свое отдѣльное названіе. До сихъ поръ послѣдователи христіанства назывались „вѣрующими“, „вѣрными“, „святыми“, „братіями“, „учениками“, но оффиціальнаго и общаго для всѣхъ названія у нихъ не было. Въ Антіохіи они впервые стали называться христіанами. И такъ ихъ стали называть язычники, предполагая, что „Христосъ“, переводъ еврейскаго слова Мессія, есть имя собственное.

Іудеи однако не называли всегда такъ своихъ собратьевъ по вѣрѣ—схизматиковъ. Они называли новыхъ сектантовъ „назореями“, вѣроятно, потому, что они имѣли обыкновеніе называть Іисуса „ан-Назари“ или „Ганосри“. До сихъ поръ на

всемъ Востокѣ Іисуса преимущественно такъ и называютъ.

Наступаетъ важный моментъ. Тотъ часъ, когда новое созданіе получаетъ свое имя, полонъ торжественности, потому что имя — положительный признакъ существованія Если подумать, что черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Іисуса, религія его имѣла уже греческое и латинское имя въ столицѣ Сиріи, то приходится изумляться одержанному въ столь короткое время успѣху. Еще долго будутъ смѣшивать христіанство съ іудействомъ, но это будетъ происходить только въ тѣхъ странахъ, гдѣ христіанская вѣра не развилась. Отнынѣ церковь Христова совершенно отдѣлилась отъ іудейства, истинная мысль Іисуса одержала верхъ надъ нерѣшительностью его первыхъ учениковъ, Іерусалимская церковь какъ бы отошла на второй планъ; арамейскій языкъ, языкъ Іисуса неизвѣстенъ части его послѣдователей; христіанство говоритъ на греческомъ языкѣ, оно всецѣло попадаетъ въ круговоротъ греческаго и римскаго міра, изъ котораго оно никогда не выйдетъ.

Лихорадочная дѣятельность этой юной общины, должно быть, являлась совершенно необыкновенной. Великія откровенія „Spirites“ бывали здѣсь часто. Каждый считалъ себя инспирированнымъ въ разной степени. Одни были „пророками“, другіе „учителями“. Варнава, какъ это указываетъ его имя, былъ навѣрное „пророкомъ“. У Павла не было никакого особеннаго званія. Среди выдающихся лицъ Антіохійской церкви были еще извѣстны: Симеонъ, называемый Нигеръ, Луцій изъ Кирен

Манаилъ, молочный братъ Ирода Антипы, слѣдовательно уже довольно пожилой человѣкъ. Всѣ они были евреи. Безъ сомнѣнія язычники, обратившіеся въ христіанство послѣ перваго благовѣствованія, были сначала нѣсколько отодвинуты на задній планъ, они рѣдко выступали при публичныхъ толкованіяхъ Св. Писанія, рѣдко проповѣдывали и пророчествовали.

Отъ словъ быстро перешли къ дѣлу. Всѣми овладѣла мысль о великихъ миссіяхъ въ Малой Азіи съ цѣлью обращенія язычниковъ. Если бы эта мысль возникла въ Іерусалимѣ, то она не могла бы осуществиться. Іерусалимская церковь была лишена всякихъ средствъ. А для пропаганды необходимы извѣстныя средства. Но вся общинная касса въ Іерусалимѣ была предназначена для помощи бѣднымъ и иногда ея даже не хватало для этой цѣли. Отовсюду необходима была помощь для того, чтобы эти благородные нищіе не умерли съ голоду. Коммунизмъ привелъ за собой въ Іерусалимѣ абсолютную нищету и полную неспособность къ крупнымъ предпріятіямъ. Антіохійская община была далека отъ этого. Въ языческихъ городахъ іудеи были зажиточны, иногда даже очень богаты. Въ общину вступали довольно состоятельные вѣрующіе. Антіохія предоставила капиталы для основанія христіанства. Понятно, какое различіе въ нравахъ и духѣ обѣихъ этихъ общинъ вызвало одно это обстоятельство. Іерусалимъ остался городомъ бѣдняковъ божіихъ, благочестивыхъ галилейскихъ мечтателей, которыхъ Богъ избралъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками Царствія,

обѣщаннаго любящимъ Его. Антіохія, почти чуждая слову Іисуса, которое она никогда не слышала, была церковью дѣла, прогресса. Антіохія была городомъ Павла, Іерусалимъ—городомъ старой апостольской коллегіи, погруженной въ сны, безсильной передъ новыми задачами, но величественной въ своемъ несравненномъ преимуществѣ и богатой своими неоцѣнимыми воспоминаніями.

Одно обстоятельство должно было скоро выяснить все это. Бѣдная, голодная іерусалимская община была настолько непредусмотрительна, что малѣйшее обстоятельство могло привести къ гибели всей общины. А въ странѣ, гдѣ экономической организаціи совершенно не существуетъ и гдѣ торговля слабо развита, голодъ становится явленіемъ легко возможнымъ. Дѣйствительно ужасный голодъ постигъ страну на четвертый годъ управленія Клавдія, въ 44 году. Когда показались первые его признаки, іерусалимскіе старѣйшины приняли рѣшеніе обратиться съ просьбой о помощи къ братіямъ болѣе богатыхъ общинъ Сиріи. Въ Антіохію были посланы изъ Іерусалима пророки. Одинъ изъ нихъ по имени Агавъ, которому приписывался особый даръ духовидѣнія, внезапно почувствовалъ, что на него нисшелъ Духъ и началъ пророчествовать о предстоящемъ голодѣ. Вѣрующіе Антіохіи были очень тронуты бѣдствіями, угрожавшими матери-церкви, къ которой они еще относились съ сознаніемъ нѣкоторыхъ по отношенію къ ней обязанностей. Были собраны деньги и Варнавѣ поручили передать ихъ братіямъ Іудеи. Іерусалимъ еще надолго останется главнымъ центромъ христіанства

Тамъ всѣ святыя мѣста, только тамъ пребываютъ апостолы. Но уже сдѣланъ большой шагъ. Нѣсколько лѣтъ существовала только одна вполнѣ организованная община въ Іерусалимѣ, этомъ центрѣ вѣры. Теперь уже дѣло обстоитъ иначе. Антіохія стала отдѣльной церковью. Она обладаетъ всей іерархіей даровъ святого Духа. Отсюда посылаются миссіонеры и сюда они возвращаются. Она является второй столицей, или вѣрнѣе вторымъ сердцемъ съ самостоятельной дѣятельностью, направленной во всѣ стороны.

Теперь уже можно легко предвидѣть, что вторая столица скоро опередитъ первую. Паденіе Іерусалимской церкви въ дѣйствительности послѣдовало очень скоро. Особенность основанныхъ на коммунизмѣ учрежденій та, что первый моментъ ихъ существованія полонъ блеска, такъ какъ коммунизмъ всегда предполагаетъ сильную экзальтацію, но онѣ скоро распадаются, такъ какъ коммунизмъ противенъ человѣческой природѣ. Абсолютное безкорыстіе создаетъ зло, гораздо большее того зла, котораго хотятъ избѣгнуть путемъ уничтоженія собственности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(Годъ 44)

Гоненія Ирода Агриппы I.

Варнава нашелъ іерусалимскую общину въ большой печали. 44 годъ былъ для нея очень несчастливъ. Не говоря уже о голодѣ, противъ нея

снова начались преслѣдованія, прекращенныя со времени смерти Стефана.

Иродъ Агриппа, внукъ Ирода Великаго, съ 41 года старался возстановить царство своихъ предковъ и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Благодаря благосклонности Калигулы, ему удалось соединить подъ своей властью Батаму, Трахонитиду, часть Гаурана, Абилену, Галилею, и Перею. Некрасивая роль, которую онъ игралъ въ трагедіи, возведшей Клавдія на престолъ, послужила ему на пользу. Въ видѣ вознагражденія за свою подлость и вѣроломство онъ получилъ для себя Самарію и Іудею, а для своего брата Ирода маленькое царство Халкидское. Онъ въ Римѣ оставилъ по себѣ самыя скверныя воспоминанія и частью его совѣтамъ приписывали жестокости Калигулы. Войско и языческіе города Севастея и Цезарея, которые онъ принесъ въ жертву Іерусалиму, не любили его. Но іудеи нашли въ немъ великодушнаго, любящаго пышность и принимающаго въ нихъ участіе человѣка. Онъ старался пріобрѣсти у нихъ популярность и преслѣдовалъ политику совершенно отличную отъ политики Ирода Великаго. Тотъ предпочиталъ греческій и римскій міръ іудеямъ, Иродъ Агриппа напротивъ, любилъ Іерусалимъ и строго соблюдалъ предписанія іудейской вѣры. Онъ освободилъ жителей Іерусалима отъ налога, который ему долженъ былъ вносить каждый домъ. Однимъ словомъ, ортодоксальнымъ евреямъ онъ пришелся вполнѣ по сердцу.

Правитель съ такими взглядами долженъ былъ несомнѣнно преслѣдовать христіанъ. Искренно или

пѣтъ—Иродъ Агриппа былъ іудейскимъ царемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но чѣмъ инымъ могъ быть іудейскій царь какъ не охранителемъ закона и преданія, теократическимъ монархомъ, гонителемъ всего несогласнаго съ оцѣпенѣлой ортодоксальностью? Со времени Ирода Великаго, въ царствованіе котораго фанатизмъ былъ совершенно подавленъ и вплоть до войны, окончившейся разрушеніемъ Іерусалима, религіозное рвеніе членовъ рода Иродова все увеличивалось. Смерть Калигулы (24 января 41 г.) вызвала реакцію въ пользу іудеевъ. Клавдій относился къ нимъ благосклонно въ виду того, что Иродъ Агриппа и Иродъ Халкидскій пользовались его довѣріемъ. Онъ не только стоялъ на сторонѣ александрійскихъ евреевъ въ ихъ разногласіяхъ съ остальными жителями Александріи и разрѣшилъ имъ выбирать отдѣльнаго этнарха, но онъ издалъ эдиктъ, предоставлявшій іудеямъ во всемъ государствѣ тѣ же права, что и въ Александріи, то есть разрѣшавшій имъ жить согласно ихъ закону, при условіи, что они не будутъ оскорблять вѣрованія другихъ. Римское владычество едва чувствовалось, хотя Фибій Марсъ, умный и очень образованный человѣкъ, бывшій послѣ Публія Петронія императорскимъ легатомъ въ Сиріи, время отъ времени указывалъ Риму на опасность существованія подобныхъ полунезависимыхъ восточныхъ царствъ. Мы видѣли, что у іудеевъ автономія была связана съ нетерпимостью. Правитель, желавшій быть пріятнымъ для іудеевъ, долженъ былъ отличаться крайней нетерпимостью.

Дѣйствительно, Иродъ Агриппа сталъ къ концу своего правленія ярымъ гонителемъ христіанъ. За нѣсколько времени до Пасхи 44 года онъ велѣлъ обезглавить одного изъ главныхъ членовъ апостольской коллегіи, Іакова, сына Заведеева, брата Іоанна и притомъ безъ всякаго религіознаго суда, безъ всякаго инквизиторскаго процесса передъ синидріономъ. Приговоръ былъ произнесенъ неограниченной властью правителя, подобно тому какъ это было съ Іоанномъ Крестителемъ. Ободренный хорошимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этой казнью на іудеевъ, Иродъ рѣшилъ дѣйствовать въ томъ же направленіи для увеличенія своей популярности. Были первые дни праздника Пасхи, въ теченіе котораго фанатизмъ іудеевъ обыкновенно усиливался. Агриппа велѣлъ заключить Петра въ башню Антоніи. Онъ хотѣлъ предать его суду и затѣмъ съ большимъ почетомъ вывести его на казнь передъ всѣмъ, собравшимся въ Іерусалимѣ народомъ.

Благодаря одному неизвѣстному для насъ обстоятельству, которое было сочтено за чудо, двери темницы раскрылись передъ Петромъ. Когда однажды вечеромъ нѣсколько вѣрующихъ собрались въ домѣ Маріи, матери Іоанна Марка, гдѣ обыкновенно жилъ Петръ, внезапно раздался стукъ въ дверь. Служанка именемъ Рода вышла отворить и узнала голосъ Петра. Внѣ себя отъ радости она, вмѣсто того чтобы отворить, побѣжала назадъ и объявила, что Петръ у дома. Ее назвали дурой, но она клялась, что сказала правду. „Это его Ангелъ“, говорили нѣкоторые. Между тѣмъ Петр

продолжалъ стучать, дверь открыли и когда увидѣли Петра, радости не было границъ. Петръ тотчасъ же поручилъ увѣдомить о своемъ освобожденіи Іакова, брата Господня и другихъ братьевъ. Думали что Ангелъ Господень проникъ въ темницу Петра и освободилъ его изъ оковъ. Петръ дѣйствительно разсказывалъ, что все такъ и случилось, когда онъ находился въ экстазѣ, что проведя его мимо первой и второй стражи и черезъ желѣзныя ворота ведущія въ городъ, ангелъ прошелъ съ нимъ еще нѣкоторое разстояніе и затѣмъ исчезъ. Только тогда, придя въ себя Петръ узналъ десницу Господа, пославшаго для его освобожденія своего Небеснаго посланца.

Агриппа не долго жилъ послѣ этихъ гоненій. Въ 44 году онъ отправился въ Цезарею, чтобы присутствовать тамъ на играхъ въ честь Клавдія. Стеченіе народа было громадное, жители Тира и Сидона, возставшіе противъ Агриппы явились сюда просить пощады. Празднества эти очень не понравились іудеямъ, потому что они происходили въ нечистомъ городѣ Цезареѣ и при томъ еще въ театрѣ. На второй день праздника онъ отправился рано утромъ въ театръ, одѣтый въ роскошную серебряную тунику, сіявшую ослѣпительнымъ свѣтомъ на солнцѣ. Финикіяне, окружавшіе царя, осыпали его чисто языческой лестью. „Это Богъ, а не человѣкъ!“ восклицали они. Царь не выражалъ неудовольствія по поводу этихъ словъ. Онъ умеръ пять дней спустя. Іудеи и христіане вѣрили, что онъ наказанъ за то, что принялъ эту богохульную лесть. Христіанское преданіе утверждаетъ, что его

поразила болѣзнь, предназначенная для всѣхъ враговъ Божіихъ. Онъ былъ изъѣденъ червями. По нѣкоторымъ признакамъ, сообщеннымъ историкомъ Іосифомъ, можно скорѣе предполагать отравленіе и то что говорится въ Дѣяніяхъ о двусмысленномъ поведеніи финикіянъ и о ихъ стараніяхъ склонить на свою сторону царскаго постельника, Власта, подкрѣпляютъ эту гипотезу.

Послѣ смерти Ирода Агриппы 1 прекратилась независимость Іерусалима. Городъ управлялся прокураторомъ и это управленіе продолжалось до великой революціи. Это было счастьемъ для христіанства такъ какъ замѣчательно, что эта религія, ведшая впослѣдствіи такую упорную борьбу съ римской имперіей, укрѣпилась подъ ея сѣнью и защитой. Какъ уже раньше было замѣчено Римъ препятствовалъ іудейству отдаваться вполнѣ своимъ нетерпимымъ инстинктамъ и подавлять всякія проявленія свободы. Каждое ослабленіе римскаго авторитета было благодѣяніемъ для нарождающейся секты.

Для того, чтобы положить конецъ этимъ вѣчно возобновляющимся несогласіямъ. Римъ взялся за средство, основанное на отличномъ принципѣ отдѣленія свѣтской власти отъ духовной Свѣтская власть была представлена прокуратору. Иродъ же, царь Халкидскій, братъ Агриппы 1 былъ сдѣланъ духовнымъ главой, хранителемъ первосвященническихъ одеждъ, казначеемъ священной кассы съ правомъ назначать первосвященниковъ. Послѣ его смерти въ 48 году, ему наслѣдовалъ племянникъ Иродъ Агриппа, сынъ Ирода Аг

1, остававшійся въ этомъ санѣ вплоть до великой войны. Клавдій относился очень благосклонно къ евреямъ. Высшіе римскіе сановники въ Сиріи были менѣе склонны къ уступкамъ чѣмъ императоръ, но все же и они относились къ нимъ довольно хорошо. Прокураторъ Вентидій Куманъ дошелъ до того, что велѣлъ обезглавить среди шпалеръ евреевъ, солдата разорвавшаго экземпляръ пятикнижія. Но все было напрасно. Іудейскій историкъ Іосифъ совершенно вѣрно утверждалъ, что со времени управленія Кумана начинаются безпорядки кончившіеся только съ разрушеніемъ Іерусалима

Въ этихъ смутахъ христіанство не играло ни какой роли, Но эти смуты были какъ и само христіанство, симптомомъ той сильно религіозной лихорадки, которая овладѣла еврейскимъ народомъ. Никогда еще іудейская вѣра не процвѣтала такъ, какъ теперь. Іерусалимскій храмъ былъ одной изъ святынь всего міра, слава о немъ распространилась далеко и сюда стекались громадныя пожертвованія. Іудейство стало преобладающей религіей во многихъ мѣстахъ Сиріи. Асмонейскіе князья насильственно обращали въ іудейство цѣлыя области, бывали даже случаи насильственнаго обрѣзанія. Даже домъ Ирода служилъ дѣлу іудейской пропаганды. Для того чтобы жениться на принцессахъ этого дома, богатства которыхъ были неисчислимы, князья мелкихъ династій, вассальныхъ Риму, переходили въ іудейскую вѣру. Ивъ Аравіи, и въ Эѳіопіи было много обращенныхъ. Общее мнѣніе было, что знать іудейскіе законы и исполнять ъ приноситъ счастье. Даже тѣ, которые не

давали себя обрѣзать, имѣли вѣрованія болѣе или менѣе въ іудейскомъ духѣ; родъ монотеизма сталъ общимъ духомъ религій въ Сиріи. Въ Дамаскѣ, городѣ совершенно не іудейскаго происхожденія, почти всѣ женщины перешли въ іудейство. Наряду съ фарисейскимъ іудействомъ образовалось тайнымъ образомъ свободное іудейство, не столь посвященное во всѣ тайны секты, во всѣ обрядности, въ которое каждый вносилъ добрую волю и чистое сердце, и которое ожидала болѣе великая будущность. Въ нѣкоторомъ отношеніи это было какъ бы положеніе современнаго католицизма, гдѣ на одной сторонѣ мы видимъ ограниченныхъ, гордыхъ теологовъ, которые, будь они одни, не обратили бы болѣе душъ въ католичество, чѣмъ фарисеи въ іудейство, на другой сторонѣ— благочестивые міряне, тысячу разъ еретики, но еретики безсознательные, полные трогательнаго рвенія, богатые добрыми дѣлами и поэтическими чувствами и старающіяся сгладить ошибки своихъ учителей услужливыми объясненіями.

Разительный примѣръ того чувства, которое притягивало къ Іудейству религіозныя души намъ даетъ царская семья Адіабеновъ Тигрискихъ. Этотъ царскій домъ персидскаго происхожденія частью уже знакомый съ греческой культурой, почти цѣликомъ перешелъ въ іудейство и при этомъ примкнулъ къ самому набожному направленію; прозелиты были часто набожнѣе чѣмъ іудеи по рожденію. Въ іудейство обратился глава семьи Изатъ, который впослѣдствіи даже подвергъ себя обрѣзанію, мать его Елена, братъ Монобазъ и пр.

ти вся семья. Около 44 года Елена переѣхала въ Іерусалимъ, гдѣ она выстроила дворецъ для царскаго рода Адіабеновъ и фамильный мавзолей, существующій и понынѣ. Она занималась дѣлами благотворенія и пріобрѣла общую любовь іудеевъ. Во время чумы 44 года эта святая женщина скупила въ Египтѣ хлѣбъ, въ Кипрѣ винныя ягоды и раздавала ихъ жителямъ. Изатъ со своей стороны посылалъ значительныя суммы для распредѣленія между бѣдняками. Богатства Адіабеновъ частью перемѣщены были въ Іерусалимъ. Сыновья Изата явились въ Іерусалимъ, чтобы познакомиться съ обычаями и научиться языку іудеевъ. Вся семья сдѣлалась источникомъ помощи для этого народа бѣдняковъ.

Въ виду этого, царскій родъ Адіабеновъ принадлежитъ исторіи христіанства. Не будучи христіанами, хотя нѣкоторыя преданія это утверждаютъ, члены этого рода являлись какъ бы первыми язычниками прозелитами. Обратившись въ іудейство они повиновались чувству, которое впослѣдствіи привело весь языческій міръ къ христіанству. Эти, одушевленные глубокимъ религіознымъ чувствомъ чужеземцы были гораздо ближе къ Богу, чѣмъ чванные, жестокосердые фарисеи, для которыхъ религія была только предлогомъ къ ненависти и презрѣнію. Эти набожные прозелиты не были фанатиками, именно потому что они были истинно святые люди. Они отдѣляли религію отъ политики.Они полагали, что истинная религія можетъ существовать при самыхъ различныхъ ...ческихъ законахъ. Разница между мятежны-

ми сектантами, которые впослѣдствіи будутъ съ яростью защищать Іерусалимъ и мирными вѣрующими, бѣгущими при первомъ боевомъ кликѣ въ горы, сказывалась все сильнѣе.

Вопросъ о прозелитствѣ находился и въ іудействѣ и въ христіанствѣ въ одномъ и томъ же положеніи. И здѣсь и тамъ чувствовали необходимость расширить доступъ. Стоящіе на этой точкѣ зрѣнія считали обрѣзаніе ненужнымъ или даже вреднымъ обрядомъ. Это предписаніе Моисеева закона было только расовымъ отличіемъ и имѣло значеніе только для потомковъ Авраама. Если іудейству суждено было быть міровой религіей, то оно должно было ограничиться видомъ деизма, налагающаго только обязанности естественой религіи. Поэтому предстояло выполнить высокую миссію и часть іудейства выполнила ее въ высшей степени выдающимся образомъ въ первую половину перваго столѣтія. Съ одной стороны, іудаизмъ былъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ національныхъ культовъ, освященныхъ только тѣмъ, что предки молились точно такимъ же образомъ, съ другой стороны, іудаизмъ былъ абсолютной религіей созданной для всѣхъ, предназначенной быть воспринятой всѣми. Это назначеніе отвергалъ всегда царившій въ Іудеѣ фанатизмъ, который привелъ къ гибели Іерусалима. И вотъ тогда христіанство взяло на себя задачу, которую не могла выполнить синанога. Оставляя въ сторонѣ вопросы обрядности, христіанство продолжало монотеистическую пропаганду іудейства. То, что создало успѣхъ іудейству у дамасскихъ женщинъ

и у многихъ язычниковъ, составило, міровую силу христіанства. Въ этомъ смыслѣ слава христіанства фактически связана съ славой іудейства.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

(Годъ 45).

Паралельныя христіанству подражательныя ему движенія.—Симонъ Гиттонскій.

Христіанству уже положено основаніе. Въ исторіи религій тяжелы только первые годы. Разъ вѣра съ успѣхомъ выдержала тяжелыя испытанія, которымъ подвергнуто всякое новое учрежденіе, то будущность ея обезпечена. Съ большей проницательностью чѣмъ всѣ другіе сектанты того времени, которые не выходили изъ іудейскаго міра и поэтому погибли съ нимъ, основатели христіанства сразу же разсѣялись по всѣму міру и уготовали ему путь. Насъ не должно удивлять, что о христіанствѣ мало упоминается у Іосифа Флавія, въ Талмудѣ, у греческихъ и римскихъ авторовъ. Сочиненія Іосифа дошли до насъ, переписанныя христіанскими переписчиками, которые исключали все, не сходное съ ихъ религіозными убѣжденіями. Надо полагать, что въ дѣйствительности онъ писалъ гораздо больше объ Іисусѣ и христіанахъ. И Талмудъ былъ пересмотрѣнъ въ средніе вѣка и со времени своего перваго обнародованія былъ подвергнутъ многочисленнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ (не существуетъ манускрипта Талмуда для

контроля печатныхъ изданій его); текстъ его подвергался очень строгой христіанской цензурѣ и цѣлая масса несчастныхъ евреевъ была сожжена на кострѣ, потому что у нихъ были найдены экземляры Талмуда, заключавшіе въ себѣ мѣста, которыя считались богохульными. Нечего удивляться тому, что греческіе и римскіе авторы мало интересовались движеніемъ, которое они не могли понять и которое протекало въ замкнутомъ міркѣ. Въ ихъ глазахъ христіанство теряется на темномъ фонѣ іудейства. Это семейный споръ въ средѣ презрѣннаго народа—къ чему обращать на него вниманіе?

Очертанія христіанства въ исторіи іудейскаго міра перваго столѣтія нашей эры смутны, потому что оно не было изолированнымъ явленіемъ. Филонъ, посвятившій всю свою жизнь служенію добру, только что скончался, секта Іуды Гавлонита продолжала еще существовать. Взгляды его имѣли своими выразителями сыновей его Іакова, Симона и Менахема. Первые два были распяты по приказанію ренегата, прокуратора Тиберія Александра. Что касается Менахема, то въ заключительной катастрофѣ іудейскаго народа онъ игралъ важную роль. Въ 44 году выступилъ энтузіастъ по имени Ѳевда, возвѣщая грядущее освобожденіе и приглашая народъ послѣдовать за нимъ въ пустыню, гдѣ онъ обѣщалъ перейти, подобно Іоссіи, Іорданъ не смочивъ ноги. Этотъ переходъ долженъ былъ по его мнѣнію явиться истиннымъ крещеніемъ, которое откроетъ каждому изъ вѣрующихъ въ него доступъ въ Царствіе Божіе. Бо-

лѣе четырехсотъ человѣкъ послѣдовало за нимъ. Правитель Куспій Фадъ послалъ вслѣдъ за нимъ отрядъ всадниковъ, который разсѣялъ толпу, а предводителя убилъ. За нѣсколько лѣтъ до этого, всю Самарію взволновалъ какой-то ясновидящій, который утверждалъ, что, по откровенію свыше, онъ узналъ мѣсто на горѣ Гарізимъ, гдѣ Моисей зарылъ священные сосуды. Пилатъ подавилъ съ большой строгостью это движеніе. Что касается Іерусалима, то, начиная съ прибытія прокуратора Вентидія Кумана, безпорядки болѣе не прекращались. Возбужденіе достигло той степени, при которой жизнь тамъ стала невыносимой, самыя незначительныя обстоятельства вызвали смуты. Всюду замѣтно было какое-то странное броженіе, какое то загадочное безпокойство. Со всѣхъ сторонъ появлялись шарлатаны. Появились зилоты—сикаріи, вмѣшивавшіеся въ толпы народа и совершавшіе тамъ убійства. Не проходило дня, чтобы не было извѣстія о подобномъ убійствѣ. Нельзя сомнѣваться, что сикаріи были религіозными фанатиками, вооружавшимися кинжалами для защиты закона и наказанія нарушителей обрядныхъ предписаній.

Со всѣхъ сторонъ являлись мечтатели подобно Ѳевдѣ. Какой-то фанатикъ, утверждавшій, что онъ дѣйствуетъ по откровенію свыше, привелъ народъ въ возбужденіе и увлекъ его за собой въ пустыню подъ предлогомъ дать ему явственныя доказательства того, что Богъ намѣревается его освободить. Римскія власти тысячами истребляли обманутыхъ жертвъ подобныхъ смутьяновъ. Одному

іудею изъ Египта, прибывшему въ 56 году въ Іерусалимъ, удалось привлечь къ себѣ своими фиглярствами 30.000 человѣкъ, между которыми было 4000 сикаріевъ. Онъ изъ пустыни собирался направиться къ масличной горѣ, откуда видно будетъ какъ по одному его слову падутъ стѣны Іерусалимскія. Тогдашній прокураторъ Феликсъ вышелъ ему навстрѣчу и разсѣялъ его толпы. Египтянинъ спасся и съ тѣхъ поръ больше не появлялся. Вскорѣ послѣ этого явились цѣлыя толпы маговъ и воровъ, призывавшія народъ къ возстанію противъ римлянъ и угрожавшія смертью каждому, кто будетъ продолжать имъ повиноваться. Подъ этимъ предлогомъ они убивали богачей, разграбляли ихъ имущество, сжигали цѣлыя селенія и наполнили ужасомъ всю Іудею.

Очень возможно, что Ѳевда имѣлъ затаенную мысль подражать Іисусу и Іоанну Крестителю. Это подражаніе можно предположить съ увѣренностью у Симона, если христіанское преданіе относительно его заслуживаетъ нѣкоторой вѣры. Мы уже встрѣчались съ нимъ во время проповѣди Филиппомъ Евангелія въ Самаріи. Ко времени царствованія Клавдія онъ достигъ извѣстности, его считали въ Самаріи великимъ чудотворцемъ и сверхъестественнымъ существомъ.

Но не одни чудеса были причиной его славы. Онъ связывалъ съ ними ученіе, о которомъ намъ трудно судить, такъ какъ „Великое толкованіе“, приписываемое ему и дошедшее до насъ только въ выдержкахъ, навѣрное является сильно измѣненнымъ изложеніемъ его взглядовъ. Во врем

своего пребыванія въ Александріи, онъ, благодаря изученію греческой философіи, создалъ систему синкретической теософіи и аллегорической экзегезы, подобную системѣ Филона. Эта система имѣетъ свои величавыя стороны. Она то напоминаетъ іудейскую каббалу, то пантеистическія теоріи индійской философіи, есть въ ней и элементы буддизма и парсизма. Во главѣ всего стоитъ „тотъ, кто есть, былъ и будетъ", то есть самарянскій Іавехъ, по этимологическому смыслу имени своего, вѣчно единственное существо, которое само себя производитъ, само себя умножаетъ, само себя ищетъ, само себя находитъ, само себѣ является отцомъ, матерью, сестрой, мужемъ, сыномъ. Въ лонѣ этого безконечнаго существуетъ все въ вѣчной силѣ, все осуществляется сознаніемъ человѣка, разумомъ, языкомъ, наукой.

Симонъ Гиттонскій былъ теософомъ подобно Филону и другимъ каббалистамъ. Основа его системы имѣетъ большое сходство съ системой Валентина и съ ученіемъ о божественныхъ лицахъ, которыя мы находимъ у Филона и въ четвертомъ Евангеліи. Трудно рѣшить позаимствовалъ ли дѣйствительно Симонъ что нибудь отъ учениковъ Іисуса. Если „Великое толкованіе" хоть частью создано имъ, то нужно признаться, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ опереживаетъ христіанскія идеи. Онъ пытался подобно тому, какъ это впослѣдствіи дѣлалъ Магометъ, придерживаться эклектизма и объяснялъ свою религіозную роль ссылкой на то, что ему поручена божественная миссія Іоанномъ и Іисусомъ. Онъ утверждалъ, что находится съ

ними въ таинственныхъ сношеніяхъ. Говорятъ онъ утверждалъ, что онъ, Симонъ, явился самарянамъ какъ отецъ, іудеямъ черезъ распятіе сына, язычникамъ черезъ изліяніе духа святого. Онъ говорилъ, что онъ въ лицѣ Іисуса страдалъ въ Іудеѣ, но что страданія его были только кажущіяся. Христіане, хотѣвшіе возбудить противъ него ненависть, утверждали, что онъ считалъ себя Божествомъ, и что онъ заставлялъ поклоняться себѣ.

Ученіе „Великаго толкованія“ является ученіемъ почти всѣхъ писателей гностиковъ. Я полагаю, что само „Великое толкованіе“ только относительно аутентично, что къ ученію Симона оно относится приблизительно такъ же, какъ четвертое Евангеліе къ мыслямъ Іисуса. Эта таинственная личность является какъ бы плагіаторомъ христіанства, потому что въ его ученіи много христіанскихъ мыслей. Подражаніе было, повидимому, всегда въ обычаѣ у самарянъ. Подобно тому, какъ эти сектанты всегда подражали Іерусалимскому іудаизму, у нихъ была своя копія христіанства, свои теософическія ученія, своя каббала. Былъ ли Симонъ честнымъ подражателемъ или это былъ безнравственный шарлатанъ, составившій ученіе изъ собранныхъ тутъ и тамъ обрывковъ только для того, чтобы о немъ говорили? На это мы никогда не получимъ отвѣта.

Мы еще впослѣдствіи будемъ говорить о Симонѣ и изслѣдуемъ вопросъ, правдоподобны ли легенды о его пребываніи въ Римѣ. Достовѣрно извѣстно, что секта симонистовъ существовала III столѣтія, что у нея были общины въ Анті-

можетъ быть даже въ Римѣ, что Менадръ Каферетейскій и Клеовій продолжали ученіе Симона, болѣе или менѣе подражая Іисусу и его апостоламъ. Что касается христіанъ, то они относились къ Симону съ отвращеніемъ. Его чудеса, такъ походившія на чудеса христіанъ, раздражали ихъ, они казались имъ непростительнымъ преступленіемъ. Утверждали, что чудеса Симона и его учениковъ были дѣломъ дьявола и самарянскіе теософы были называемы „волхвами", въ худшемъ смыслѣ этого слова. Вся христіанская легенда о Симонѣ указываетъ на то, что къ нему относились съ большимъ пристрастіемъ. Ему приписывали взгляды квіентизма и экцессы, которые обыкновенно считаютъ его слѣдствіями. На него смотрѣли, какъ на родоначальника каждаго ложнаго ученія, какъ на перваго еретика. Съ радостью слушали разсказы апостола Петра о его неудачахъ Его рѣшенію присоединиться къ христіанству приписывали самые низкіе мотивы. Символизмъ, въ который онъ окуталъ свои мысли, былъ выставленъ съ самой смѣшной стороны. Одна изъ „великихъ силъ"—„высшій разумъ", названный имъ Елена, была превращена отцами церкви въ проститутку, купленную имъ на рынкѣ въ Тирѣ. Его имя, презираемое почти наравнѣ съ именемъ Іуды, считалось синонимомъ антиапостола и стало самымъ грубымъ ругательствомъ, этимъ именемъ называли вообще профессіональныхъ обманщиковъ, противниковъ истины. Въ подобныхъ случаяхъ критика не можетъ возстановить истину за неимѣніемъ необходимыхъ документовъ. Все, что она можетъ сдѣ-

лать, это констатировать характеръ преданій и явную ихъ предвзятость.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Общій ходъ христіанскихъ миссій.

Мы видѣли, что Варнава уѣхалъ изъ Антіохіи въ Іерусалимъ, чтобы передать вѣрующимъ пожертвованія изъ сирійскихъ братствъ. Мы видѣли также, что онъ былъ свидѣтелемъ волненія, вызваннаго среди іерусалимской общины гоненіями Ирода Агриппы I. Вернемся вмѣстѣ съ ними въ Антіохію, гдѣ, повидимому, сконцентрировалась вся творческая дѣятельность секты.

Варнава привезъ съ собой ревностнаго сотрудника, своего двоюроднаго брата Іоанна Марка, любимаго ученика Петра, сына той Маріи, въ домѣ которой любилъ жить первый изъ апостоловъ. При этомъ онъ конечно уже думалъ о великихъ предпріятіяхъ, для выполненія которыхъ онъ хотѣлъ имѣть сотрудника. Можетъ быть онъ предвидѣлъ раздоры, которые вызовутъ эти предпріятія и поэтому ему было тѣмъ пріятнѣе сойтись съ человѣкомъ, бывшимъ правой рукой Петра, того апостола, который пользовался величайшимъ авторитетомъ.

Это предпріятіе заключалось ни въ чемъ иномъ, какъ въ цѣломъ рядѣ миссій, исходившихъ Антіохіи и имѣвшихъ своей цѣлью обрати христіанство весь міръ. Это важное рѣше

добно другимъ, было выдано за внушеніе Духа Святого. Вѣрили въ особое призваніе, въ сверхъестественный выборъ, павшій на Антіохійскую общину въ то время, какъ она молилась и постилась. Можетъ быть, даже у одного изъ пророковъ Менахема или Люція вырвались во время экстаза слова, изъ которыхъ заключили, что для этой миссіи предназначены Павелъ и Варнава. Что касается Павла, то онъ былъ увѣренъ, что Господь предназначилъ его для дѣла, которому онъ хотѣлъ всецѣло отдаться еще тогда, когда онъ былъ въ материнской утробѣ.

Оба апостола выбрали себѣ помощникомъ нравственнымъ и матеріальнымъ, этого Іоанна Марка, котораго Варнава привезъ съ собой изъ Іерусалима. Когда всѣ приготовленія были окончены, участники великаго предпріятія совершили постъ и молитву, пророки и учителя возложили на главы апостоловъ руки въ знакъ того, что сама церковь посылаетъ ихъ и они отправились въ путь. Куда они пойдутъ? Какой странѣ будутъ они возвѣщать Евангеліе? Вотъ что крайне важно изслѣдовать.

Всѣ великія первобытныя христіанскія миссіи направлялись на Западъ или другими словами, Римская имперія являлась ареной ихъ дѣятельности. Средиземное море было втеченіе тысячелѣтія путемъ, по которому двигались всѣ идеи и всѣ цивилизаціи. Послѣ того, какъ римляне очистили его отъ пиратовъ, оно стало несравненнымъ путемъ сообщенія. Сравнительная безопасность дорогъ въ имперіи, распространеніе іудеевъ по

всему побережью Средиземнаго моря, общее употребленіе греческаго языка въ восточной части побережья, однородная цивилизація, внесенная сюда сначала греками, а затѣмъ римлянами, все это способствовало дѣятельности христіанскихъ миссій и распространенію христіанства. Римское „orbis“ стало вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскимъ. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что основатели имперіи были вмѣстѣ съ тѣмъ и основателями христіанской монархіи, или по крайней мѣрѣ намѣтили ея очертанія. Каждая, завоеванная римскимъ государствомъ, провинція, была вмѣстѣ съ тѣмъ завоевана и христіанствомъ. Представимъ себѣ апостоловъ гдѣ нибудь въ Малой Азіи, въ Греціи, въ раздѣленной на сто маленькихъ республикъ Италіи, въ Галліи, въ Испаніи, въ Африкѣ, въ находящемся во власти старыхъ національныхъ учрежденій Египтѣ, и успѣхъ ихъ станетъ просто невозможнымъ или вѣрнѣе нельзя будетъ даже и предположить возможность осуществленія проекта апостоловъ. Единство имперіи было необходимымъ условіемъ великаго религіознаго прозелитизма безъ различія національностей. Государство почувствовало это въ четвертомъ столѣтіи, оно обратилось въ христіанство. Оно увидѣло, что христіанство — религія, которая безсознательно создала его, религія, которая отождествилась съ нимъ и могла вдохнуть въ него новую жизнь. Церковь напротивъ, стала исключительно римской и до нашихъ дней равнымъ образомъ является пережит комъ государства. Если бы сказали Павлу, ч Клавдій его главный сотрудникъ, а Клавдію,

этотъ, вышедшій изъ Антіохіи, іудей заложитъ самое прочное основаніе императорскаго зданія, тотъ и другой были бы въ высшей степени удивлены.

Послѣ Іудеи первой страной, гдѣ укрѣпилось христіанство была конечно Сирія, въ виду сосѣдства ея съ Палестиной и многочисленности живущихъ тамъ іудеевъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ апостольскіе мужи посѣтили затѣмъ Кипръ, Малую Азію, Македонію, Грецію и Италію. Первое явленіе христіанства—это какъ бы молнія изъ Сиріи, освѣтившая три большихъ полуострова: Малую Азію, Грецію и Италію, а затѣмъ снова блеснувшая и озарившая своимъ свѣтомъ почти все побережье Средиземнаго моря. Апостольское благовѣствованіе слѣдуетъ почти всегда по одному пути. Апостолы направлялись сначала въ іудейскія колоніи данной страны.

Іудаизмъ, ограниченный дотолѣ въ теченіе полутораста лѣтъ исключительно Востокомъ и Египтомъ, началъ распространяться на Западѣ. Въ Киренѣ, на Кипрѣ, въ Малой Азіи, въ нѣкоторыхъ городахъ Македоніи и Греціи, въ Италіи существовали значительныя іудейскія колоніи. Іудеи дали первый примѣръ того рода патріотизма, который впослѣдствіи лвили парсы, армяне и до нѣкоторой степени и новогреки, патріотизма крайне энергичнаго, патріотизма всюду разсѣянныхъ купцовъ, которые всюду считаютъ себя братьями, патріотизма, стремящагося образовывать не крупныя, компактныя государства, но малыя, самостоятельныя общины въ средѣ другихъ государствъ. Тѣсно сплоченные іудеи составляли въ городахъ

почти независимыя корпораціи, имѣвшія собственныхъ магистратовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ они имѣли этнарха или алабарха, пользовавшагося почти суверенною властью. Они жили въ особыхъ кварталахъ, не подчиненныхъ обычной юрисдикціи. Остальные обыватели города относились съ презрѣніемъ къ этимъ кварталамъ, въ которыхъ однако царило счастье. Іудеи были скорѣе бѣдны чѣмъ богаты. Времена громадныхъ состояній еще не наступили, онѣ начались въ Испаніи при владычествѣ вестготовъ. Обогащеніе евреевъ явилось слѣдствіемъ административной неспособности варваровъ, презрѣнія церкви къ финансовой наукѣ и ея суевѣрнаго отношенія къ факту отдачи денегъ въ ростъ. Во времена римской имперіи ничего подобнаго не было. Іудей бѣденъ, если онъ не богатъ, состоятельныхъ іудеевъ не существуетъ. Во всякомъ случаѣ онъ отлично умѣетъ переносить бѣдность, но онъ еще лучше умѣетъ соединять самую крайнюю экзальтированность въ дѣлахъ религіи съ величайшей коммерческой ловкостью въ дѣлахъ торговли.

Жизнь благочестиваго іудея выдѣлялась своей веселостью и сердечностью. Жизнь эта была проникнута любовью, любили другъ друга, любили прошлое. Религіозныя церемоніи являлись какъ бы фономъ этой тихой жизни. Римляне за рѣдкими исключеніями никогда не вторгались въ эту обособленную жизнь. Синагоги обнародывали законы, являлись какъ бы органами управленія. Вліяніе этихъ іудейскихъ общинъ было очень велико. Такъ въ Александріи іудеи имѣли большое

значеніе, въ Римѣ они были очень многочисленны и являлись факторомъ, которымъ нельзя было пренебрегать. Такъ, сопротивленіе имъ, Цицеронъ считаетъ отвагой. Цезарь относился къ нимъ благосклонно и полагался на ихъ вѣрность. Тиберій счелъ нужнымъ предпринять противъ нихъ самыя строгія мѣры. Калигула, царствованіе котораго принесло для нихъ много бѣдствій на Востокѣ, предоставилъ имъ право собранія въ Римѣ. Клавдій, благоволившій имъ въ Іудеѣ, счелъ за необходимое изгнать ихъ изъ Рима. Ихъ всюду можно встрѣтить и про нихъ можно было сказать, какъ и про грековъ, что они побѣжденные предписываютъ законы своимъ побѣдителямъ.

Туземное населеніе относилось разно къ этимъ чужестранцамъ. Съ одной стороны съ силой проявлялась антипатія, возбужденная іудеями ихъ ревнивой обособленностью, ихъ мстительнымъ характеромъ, ихъ необщественными привычками, вездѣ, гдѣ они были многочисленны и организованы. Въ нихъ видѣли тайное общество, относившееся къ другимъ неблагожелательно и члены котораго стремились во чтобы то ни стало возвыситься на счетъ другихъ. Ихъ странные обычаи, ихъ отвращеніе къ нѣкоторымъ кушаніямъ, ихъ нечистоплотность, дурной запахъ изо рта, ихъ религіозная щепетильность, строгое соблюденіе ими субботы—все это находили смѣшнымъ. Отвергнутые обществомъ, іудеи естественно не давали себѣ ни малѣйшаго труда быть привлекательными съ внѣшней стороны. Въ городахъ іудеи занимались ремесленствомъ, торговали старьемъ, спичками. Ихъ

законы и ихъ исторія несправедливо унижались. Ихъ считали то суевѣрными, жестокими, то атеистами, ненавистниками боговъ. Обрѣзаніе доставляло много матеріала для безконечныхъ насмѣшекъ.

Но это предубѣжденіе раздѣлялось не всѣми. У іудеевъ были точно также и друзья. Ихъ серьезность, ихъ нравственность, простота ихъ культа привлекали къ нимъ массу людей. Чувствовали, что на ихъ сторонѣ извѣстное нравственное превосходство. Вихрь монотеистической пропаганды обуялъ этотъ странный народецъ. Въ особенности женщины чувствовали влеченіе къ этимъ, одѣтымъ въ лохмотья, миссіонерамъ. Ювеналъ причисляетъ склонность къ іудейской религіи къ недостаткамъ женщинъ того времени. Старый эллинскій и римскій духъ оказывалъ упорное сопротивленіе; ненавистью и презрѣніемъ къ іудеямъ полны всѣ образованные умы: Цицеронъ, Горацій, Сенека, Ювеналъ, Тацитъ, Квинтиліанъ, Светоній. Противоположное сказывалось въ томъ смѣшанномъ населеніи, которое было покорено римской имперіей, въ томъ населеніи, которому древній римскій духъ и эллинская мудрость были совершенно чужды. Оно массами присоединялось къ обществу, въ которомъ оно находило трогательные примѣры согласія, милосердія, обоюдной помощи, привязанности къ своему призванію, любви къ труду и гордости бѣдностью. Подача милостыни, ставшая впослѣдствіи чисто христіанскимъ дѣломъ, до тѣхъ поръ пока еще происходила только у іудеевъ. Профессіональные нищіе, „пріученные къ этом

своей матерью“, какъ говоритъ поэтъ, были въ то время исключительно іудеями.

Почти въ такой же степени какъ и іудей, сиріецъ былъ дѣятельнымъ факторомъ завоеванія Запада Востокомъ. Ихъ иногда смѣшивали и Цицеронъ, полагалъ, ито нашелъ общую у нихъ, связующую черту, причисливъ ихъ къ рожденнымъ для рабства народамъ. Но это то именно и обезпечивало имъ будущее, такъ какъ будущее принадлежало тогда рабамъ. Существенной чертой сиріца были его ловкость, его гибкость, его ясный, хотя и не глубокій умъ. Многіе изъ сирійцевъ переселившихся, чтобы попытать счастья, на западъ, принадлежали въ большей или меньшей степени къ іудейству. Не принадлежавшіе къ нему оставались вѣрны родному культу, т. е. воспоминанію о храмѣ мѣстнаго „Юпитера“, который обыкновенно обозначалъ только высшее божество подъ особымъ названіемъ. Въ сущности у сирійцевъ существовалъ родъ монотеизма. Культъ сирійцевъ долженъ былъ казаться менѣе сухимъ чѣмъ латинскій, болѣе удовлетворяющимъ чѣмъ греческій культъ. Сирійскія женщины придавали ему что то одновременно сладострастное и экзальтированное. Эти женщины были странныя созданія, не то святыя, не то одержимыя. Перенесенныя на западъ, они пріобрѣли значеніе благодаря извѣстному нравственному превосходству и дѣйствительнымъ способностямъ. Это сказалось въ особенности полтораста лѣтъ спустя, когда выдающіяся личности Рима стали брать себѣ въ жены сиріекъ, которыя тотчасъ же начали оказывать большее вліяніе на общественныя дѣла.

Современная магометанка, сварливая мегера, глупо фанатичная, существующая только для зла и почти неспособная быть добродѣтельной, не можетъ насъ заставить забыть Юлію Домну, Юлію Мэзу, Юлію Мамею, которыя перенесли въ Римъ основы вѣры, терпимости и инстинкты мистицизма до тѣхъ поръ тамъ неизвѣстныя. Точно также замѣчательно то, что сирійская династія относилась благосклонно къ христіанству и Мамей, какъ и впослѣдствіи императоръ Филиппъ Арабъ (родомъ изъ Гавранитиды) считались христіанами. Христіанство въ III и IV в. было преимущественно религіей Сиріи. Послѣ Палестины Сирія сыграла главную роль въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры.

Въ первомъ столѣтіи сиріецъ могъ проявлять свою дѣятельность въ особенности въ Римѣ. Занимаясь исключительно мелкими ремеслами, будучи слугой, носильщикомъ, сиріецъ имѣлъ всюду доступъ и всюду онъ вносилъ съ собой языкъ и обычаи своей родины. Онъ не обладалъ ни смѣлостью, ни философскимъ развитіемъ европейца, ни тѣмъ менѣе его силой. Слабаго тѣлосложенія, блѣдный, болѣзненный, не привыкшій къ регулярному питанію, какъ наши болѣе солидныя расы, потребляя очень мало мяса и питаясь только лукомъ и тыквой, сиріецъ обыкновенно легко заболѣвалъ и преждевременно умиралъ. Ему были свойственны скромность, привѣтливость и нѣкоторая доброта. Мало душевной силы, но много ласковости, мало разума, когда дѣло шло не о коммерціи, но удивительное рвеніе и чисто женскій даръ убѣжденія. Сиріецъ никогда не знавшій

литической жизни имѣлъ наклонность къ религіознымъ движеніямъ. Этотъ бѣдный, женственный, приниженный маронитъ сыгралъ значительную роль въ величайшемъ переворотѣ. Его предокъ сиріецъ былъ самымъ ревностнымъ глашатаемъ „радостной вѣсти“ для всѣхъ нищихъ духомъ. Каждый годъ въ Грецію, Галлію, Италію переселялись цѣлыя колоніи этихъ сирійцевъ. На корабляхъ, сирійца можно было узнать по многочисленной семьѣ, по окружавшей его толпѣ дѣтей, мать которыхъ съ виду лѣтъ четырнадцати, держалась съ тихой улыбкой около мужа. Головы этихъ мирныхъ группъ мало выразительны, конечно между ними не найдется ни Архимеда, ни Платона, ни Фидія. Но прибывъ въ Римъ, этотъ сирійскій торговецъ будетъ добрымъ сострадательнымъ человѣкомъ не только къ своимъ землякамъ, но и ко всѣмъ бѣднымъ. Онъ станетъ разговаривать съ рабами, откроетъ имъ убѣжище, гдѣ эти несчастные, осужденные римской жестокостью къ тяжелому одиночеству, смогутъ найти утѣшеніе. Греческая и латинская расы, господствующія расы, созданныя для великаго, не умѣли извлекать выгоды изъ подчиненнаго положенія другихъ. Рабы проводили жизнь въ бунтахъ и смутахъ. Рабъ древности, каковымъ его описываетъ поэтъ, имѣетъ всѣ недостатки: онъ обжорливъ, лживъ, золъ, естественный врагъ своего хозяина. Этимъ однако онъ доказывалъ нѣкоторымъ образомъ свое благородство, онъ протестовалъ противъ неестественнаго состоянія. Добродушный сиріецъ однако не протестовалъ, онъ примирялся со своимъ принижен-

нымъ положеніемъ и старался извлечь изъ него возможно большую пользу. Онъ пріобрѣталъ благосклонность своего господина, осмѣливался съ нимъ разговаривать, умѣлъ угождать своей госпожѣ. Этотъ выдающійся агентъ демократіи распутывалъ петлю за петлей сѣти античной цивилизаціи. Древнія общества, основанныя на презрѣніи къ другимъ, на неравенствѣ расъ, на кулачномъ правѣ, начали исчезать. Теперь слабость, немощность станетъ преимуществомъ, совершенствомъ добродѣтели. Римскій патриціатъ и греческая мудрость будутъ бороться противъ этого еще три столѣтія. Тацитъ будетъ одобрять высылку этихъ несчастныхъ тысячами. Римская аристократія будетъ негодовать на то, что эта сволочь имѣетъ своихъ боговъ, свои учрежденія. Но побѣда уже предопредѣлена. Ее одержитъ сиріецъ, бѣднякъ, любящій своихъ ближнихъ, дѣлящійся съ нимъ, присоединяющійся къ нимъ. Римская аристократія погибнетъ именно вслѣдствіе недостатка въ добротѣ.

Чтобы понять предстоящую революцію, мы должны дать себѣ отчетъ въ политическихъ, соціальныхъ, моральныхъ, интеллектуальныхъ и религіозныхъ чертахъ тѣхъ странъ, гдѣ іудейскій прозелитизмъ провелъ борозду, которая будетъ оплодотворена христіанскимъ благовѣствованіемъ.

Это изслѣдованіе, какъ я надѣюсь, вполнѣ докажетъ, что обращеніе міра къ іудейскимъ и христіанскимъ идеямъ было совершенно неминуемо. Одно только насъ поразитъ, а именно то, что это обращеніе совершилось такъ тихо и такъ поздно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Состояніе міра въ половинѣ перваго столѣтія.

Политическое состояніе міра было самое печальное. Вся власть была сосредоточена въ Римѣ и его легіонахъ. Но здѣсь же происходили самыя позорныя и унизительныя сцены. Римская аристократія, завоевавшая міръ и имѣвшая при цезаряхъ исключительное вліяніе на государственныя дѣла предавалась самымъ позорнымъ сатурналіямъ преступленій, которыя до тѣхъ поръ не были извѣстны міру. Превративъ Римъ въ имперію, Цезарь и Августъ вполнѣ признали потребности своего времени. Съ политической стороны міръ былъ такъ приниженъ, что никакое другое господство не было мыслимо. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ завоевалъ безчисленное количество провинцій, древнее государственное устройство, основанное на преимуществахъ патриціевъ, не могло болѣе сохраняться въ своей неприкосновенности. Но Августъ дѣйствовалъ вопреки всякой мудрой политики, предоставивъ будущее случаю. Безъ правильной преемственности, безъ избирательнаго закона, безъ конституціонныхъ ограниченій, цезаризмъ являлся громадной тяжестью на палубѣ лишеннаго балласта корабля. Самыя ужасныя потрясенія были неминуемы. Три раза въ теченіе одного столѣтія, при Калигулѣ, Неронѣ и Домиціанѣ, величайшая міровая власть, которая когда либо существовала, попадала въ руки безчеловѣчныхъ или безумныхъ

людей. Наряду съ этими властителями, внушавшими ужасъ не меньшій, чѣмъ чудовища монгольскихъ династій, почти прощаешь какого нибудь Тиберія, который сталъ злодѣемъ только къ концу своей жизни или Клавдія, который только былъ неловокъ и имѣлъ дурныхъ совѣтчиковъ. Римъ сдѣлался школой безнравственности и жестокости. Нужно однако замѣтить, что зло исходило главнымъ образомъ съ Востока, его сѣятелями были тѣ грубые льстецы и безчестные выходцы изъ Египта и Сиріи, которые, извлекая пользу изъ устраненія истыхъ римлянъ, считали себя всемогущими у трона царствовавшихъ мерзавцевъ. Самое позорное дѣяніе имперіи, апофеозъ императора, обоготвореніе его при жизни было придумано Востокомъ, главнымъ образомъ Египтомъ, бывшимъ тогда бдной изъ самыхъ испорченныхъ странъ міра.

Но истинный римскій духъ существовалъ еще. Традиціи отваги и добродѣтелей продолжали еще существовать въ нѣкоторыхъ семьяхъ, достигшихъ власти при Нервѣ, придававшихъ блескъ вѣку Антонидовъ, краснорѣчивымъ историкомъ которыхъ былъ Тацитъ. Въ нѣкоторыхъ благородныхъ семьяхъ были достойныя удивленія жены и сестры. Существуетъ ли болѣе трогательный образъ, чѣмъ образъ молодой, цѣломудренной Октавіи, дочери Клавдія и жены Нерона, оставшейся чистой среди окружавшей ее грязи и умершей насильственной смертью на своемъ двадцать второмъ году? Жены провожали мужей въ изгнаніе, раздѣляли съ ними геройскую смерть. Древняя римская честность не

погибла, дѣтямъ давали серьезное и заботливое воспитаніе. Самыя знатныя женщины занимались ручными работами.

Выдающіеся государственные мужи, такъ сказать, выросшіе изъ земли при Троянѣ, служили при прежнемъ правительствѣ, но они не имѣли почти никакого значенія, такъ какъ ихъ отодвинули на задній планъ вольноотпущенники и неспособные фавориты императора. И при Неронѣ выдающіеся люди занимали высокія должности. Поверхностная испорченность не могла еще измѣнить общее теченіе вещей и государственныя основы. Имперія еще далекая отъ паденія, находилась напротивъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Паденіе наступило только два столѣтія спустя и странное дѣло! при императорахъ менѣе худшихъ. Съ политической точки зрѣнія Римъ походилъ на Францію, которая со времени первой революціи не имѣетъ регулярнаго престолонаслѣдія и могла пережить опасные кризисы, причемъ отъ этого не пострадали ни ея внутренняя организація, ни ея національная сила. Въ нравственномъ отношеніи упомянутое время можно сравнить съ XVIII столѣтіемъ, которое, если судить только по мемуарамъ, рукописной литературѣ и анекдотамъ того времени, нужно будетъ счесть эпохой упадка, между тѣмъ, какъ во многихъ семьяхъ существовала крайняя строгость нравовъ.

Въ тѣ завоеванныя страны, гдѣ въ теченіи столѣтій не существовало политическихъ потребностей и которыя потеряли только право вести между собой вѣчныя губительныя войны, имперія

внесла эру процвѣтанія и можно даже сказать не будучи парадоксальнымъ—эру свободы. Съ одной стороны стала возможной свобода торговли и промышленности, о которой не имѣли и понятія греческія республики, съ другой стороны свобода мысли могла только выиграть при новомъ владычествѣ. Эта свобода находится всегда въ лучшихъ условіяхъ, когда она имѣетъ дѣло съ королемъ или княземъ, чѣмъ съ нетерпимой, ограниченной буржуазіей. Древнія республики не предоставляли этой свободы мысли. И безъ нея, благодаря своему несравненному генію, греки совершили великое, но не нужно забывать, что они были крайне нетерпимы въ религіозномъ отношеніи. Атталійцы, Птоломеи первые доставляли мыслителямъ ту свободу, которую имъ не предоставляла ни одна изъ древнихъ республикъ. Римская имперія продолжала эту традицію. Философовъ преслѣдовали при императорахъ только въ томъ случаѣ, если они занимались политикой. Тщетно искали бы мы въ законахъ до Константина опредѣленій противъ свободы мысли, процесса въ исторіи цезарей противъ абстрактныхъ ученій. Лица, которыя были бы сожжены въ средніе вѣка, какъ Галіанъ, Луціанъ, Плотинъ, жили спокойно, подъ защитой законовъ. Имперія открыла періодъ свободы въ томъ смыслѣ, что она устранила абсолютную власть семьи города, и замѣнила ее или умѣрила властью государства. Въ чѣмъ меньшемъ кругу проявляется абсолютная власть, тѣмъ она болѣе стѣснительна. Древнія республики болѣе стѣсняли индивидуума, чѣмъ римская имперія, которая прав-

иногда жестоко преслѣдовала христіанство, но никогда не старалась его подавить. Іудеи могли бы уничтожить христіанство, не будь они подъ римскимъ владычествомъ.

Широкія идеи объ общемъ братствѣ, порожденныя главнымъ образомъ стоицизмомъ, общее чувство гуманности явились результатами менѣе ограничительной власти и менѣе исключительнаго воспитанія отдѣльной личности. Мечтали о новой эрѣ, о новыхъ мірахъ. Нравы не были такъ развращены, какъ думаютъ. Правда въ римѣ существовали всѣ пороки и нѣкоторыя страны, какъ напримѣръ Египетъ, дошли до низшей степени паденія. Но въ большинствѣ провинцій существовалъ средній классъ, въ которомъ живы были принципы добра, супружеской вѣрности, семейныхъ добродѣтелей и честности.

На обычаяхъ даже внѣ Рима лежалъ отпечатокъ жестокости, можетъ быть въ виду того, что древніе обычаи были всюду кровавы, а можетъ быть потому, что на нихъ повліяла римская суровость. Но и въ этомъ отношеніи существовалъ прогрессъ. Стали распространяться основы человѣчности; равенство, отвлеченная мысль о правахъ человѣка были громко возвѣщаемы стоиками. Благодаря законамъ о приданомъ, жена становилась болѣе самостоятельна. Обхожденіе съ рабами становится мягче. Сенека садился за столъ со своими рабами. Рабъ уже не является тѣмъ злымъ, презрѣннымъ созданіемъ, котораго выводили для смѣха въ латинской комедіи и съ которымъ Катонъ совѣтовалъ обращаться какъ съ вьючнымъ

животнымъ. Рабъ нравственно равенъ своему господину, онъ способенъ быть добродѣтельнымъ, вѣрнымъ, преданнымъ и доказываетъ это на дѣлѣ. Предразсудки благородства рожденія исчезаютъ. Нѣсколько очень гуманныхъ и справедливыхъ законовъ издаются даже при самыхъ худшихъ цезаряхъ. Успѣхи въ законодательствѣ были значительны, хотя смертная казнь примѣнялась еще часто. Состраданіе къ бѣднымъ, доброта и оказаніе матерьяльной помощи бѣднякамъ считались достоинствами.

Театръ являлся позорнѣйшимъ резвлеченіемъ и одной изъ главныхъ причинъ отвращенія іудеевъ къ языческой цивилизаціи того времени. Онъ казался имъ клоакой, въ которой сосредоточены были всѣ пороки. Въ то время какъ первые ряды выражали одобреніе, задніе ряды очень часто выражали отвращеніе и ужасъ. Бои гладіаторовъ распространялись въ провинціяхъ только съ большимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ греческія страны не признавали ихъ и обыкновенно кровавыя игры сохраняли на Востокѣ всегда очень яркій отпечатокъ римскаго происхожденія. Когда однажды аѳиняне захотѣли ввести у собя въ подражаніе коринѳянамъ эти варварскія игры то, какъ разсказываютъ, одинъ философъ возбудилъ вопросъ о томъ, чтобы прежде этого былъ уничтоженъ алтарь милосердія. Поэтому отвращеніе къ театру, ристалищу, гимназіямъ, т, е, къ общественнымъ мѣстамъ, бывшимъ существенной принадлежностью римскаго или греческаго города, глубоко укоренилось въ душахъ, христіанъ и это им

ло важныя послѣдствія. Древняя цивилизація была исключительно общественная, все происходило, на улицѣ, передъ собравшымися гражданами, въ противоположность нашимъ обществамъ, гдѣ жизнь каждаго гражданина пріобрѣтаетъ совершенно частный домашній характеръ, Театръ былъ наслѣдіемъ агоры ифорума. Анаѳема, произнесенная по адресу театра, падала на все общество. Поэтому между церковью и общественными развлеченіями возникла глубокая вражда. Театръ долженъ былъ стать мѣстомъ, пользующимся дурной славой.

Законодательство и административныя мѣропріятія государства находились еще въ полномъ хаосѣ. Централистическій деспотизмъ и городскія и провинціальныя вольности, капризъ намѣстника и насилія независимыхъ общинъ столкнулись самымъ необыкновеннымъ образомъ. Но религіозная свобода выигрывала отъ этихъ конфликтовъ. Правильное, объединенное управленіе установившееся со времени Траяна, принесетъ зарождающемуся культу больше вреда чѣмъ неурегулированное, полное произвола, состояніе имперіи во времена цезарей.

Интеллектуальное состояніе различныхъ частей имперіи было мало удовлетворительно, въ этомъ отношеніи царилъ полный упадокъ. Духовная культура не въ такой степени независима отъ политическихъ обстоятельствъ, какъ частная нравственность. Ошибка думать что развитіе духовной культуры и нравственности идутъ параллельно. Маркъ Аврелій былъ несомнѣнно болѣе нравствен-

нымъ человѣкомъ, чѣмъ всѣ древніе греческіе философы и все же его позитивныя познанія реальныхъ міровыхъ явленій незначительнѣе чѣмъ познанія какого-нибудь Аристотеля или Эпикура, такъ какъ онъ вѣрилъ въ боговъ, въ сны и предсказанія. Въ римскую эпоху міръ сдѣлалъ успѣхи въ сферѣ нравственности, но при этомъ мы видимъ полный упадокъ науки. Греческій геній съ несравненной силой въ теченіе многихъ столѣтій создавалъ энциклопедію разума, нормальную дисциплину духа. Но какъ не велика была творческая роль Греціи, она не сумѣла извлечь ни изъ своей науки, ни изъ своей философіи популярнаго средства противъ суевѣрія. Обладая замѣчательнѣйшими научными учрежденіями, Египетъ, Малая Азія и даже Греція въ то же самое время имѣли самыя нелѣпыя религіозныя воззрѣнія. Но тамъ, гдѣ наука не можетъ одержать верхъ надъ суевѣріемъ, послѣднее убиваетъ науку. Между этими двумя враждебными силами идетъ борьба на жизнь и смерть.

Религія крайне пала во всѣхъ частяхъ государства. Вполнѣ разумно Римъ не трогалъ древнихъ культовъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые угрожали безопасности. Онъ все покрылъ такъ сказать оффиціальнымъ лакомъ, благодаря чему они всѣ должны были имѣть нѣкоторое общее сходство. Къ несчастью, всѣ эти различные по происхожденію древніе культы имѣли одну общую черту; они дѣлали невозможнымъ теологическое преподаваніе, назидательную проповѣдь, дѣйствительно полезное для народа священнослуженіе

Языческіе храмы вовсе не были тѣмъ, чѣмъ были въ пору разцвѣта синагоги и церкви: общиннымъ домомъ, школой, больницей, гостиницей, пристанищемъ для бѣдняковъ. Это была холодная зала, доступъ въ которую былъ воспрещенъ и гдѣ ничему нельзя было научиться. Но все же римскій культъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ лучшихъ. Однимъ изъ требованій его были чистота сердца и тѣла. Благодаря своей серьезности и строгости этотъ культъ стоялъ гораздо выше необыкновенныхъ, вызывающій смѣхъ, церемоній востока. Римскій патрицій строго раздѣлялъ „религію", то есть свой собственный культъ отъ „суевѣрія", то есть отъ другихъ культовъ. Но всѣ языческіе культы были проникнуты суевѣріемъ. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ, бросающій въ кружку чудотворной иконы грошъ, пьющій при извѣстныхъ болѣзняхъ извѣстную воду, ожидающій отъ какого нибудь святого помощи для своего быка или лошади, является язычникомъ. Почти всѣ наши суевѣрные обычаи являются пережитками предшествовавшей христіанству религіи: картину язычества можно найти въ наши дни въ какомъ нибудь глухомъ, затерянномъ мѣстечкѣ.

Языческіе культы, вышедшіе большею частью изъ примитивнаго поклоненія естественнымъ силамъ природы,—измѣненные неоднократно благодаря всякаго рода прибавленіямъ и благодаря народной силѣ воображенія, были самимъ своимъ прошлымъ поставлены въ извѣстныя рамки. Изъ нихъ нельзя было извлечь, то, чего въ нихъ не было: деизма, назидательности. Со всѣхъ сторонъ выска-

зывалась самымъ настоятельнымъ образомъ потребность въ монотеистичной религіи, основой которой была бы предписанная Божествомъ мораль, Значитъ, настало время когда натуралистическія религіи, основанныя на дѣтскихъ церемоніяхъ, не могли больше удовлетворить общество, эпоха, когда человѣчество потребовало нравственной, философской религіи. Будизмъ, ученіе Зороастра отвѣчаютъ этой потребности въ Индіи, въ Персіи; Орфеизмъ, мистеріи попытались удовлетворить эту потребность въ греческомъ мірѣ, но они не имѣли продолжительнаго успѣха.

Греція въ этомъ отношеніи представляла исключеніе. Эллинизмъ былъ гораздо менѣе изношенъ, чѣмъ остальная религія имперіи. Въ немъ не было и слѣда кризиса, безпокойства угрожающаго переворота. Но только греческій духъ былъ способенъ на такое дѣтское довольство. Греція, всегда довольная сама собой, гордая своимъ прошлымъ и блестящей миѳологіей, всѣ священныя мѣста которой находились въ ней, не была задѣта тѣми внутренними бурями, которыя разразились надъ остальнымъ міромъ. Одна Греція хотѣла обойтись безъ христіанства, она одна утверждала, что можетъ создать нѣчто лучшее. Это происходило благодаря той вѣчной юности, той любви къ родинѣ, той веселости, которыя всегда являлись отличительными качествами истиннаго эллина и благодаря которымъ, какъ мы это видимъ теперь, грекъ не знаетъ тѣхъ горькихъ заботъ, которыя лежатъ на нашей душѣ. Эллинизмъ имѣлъ потому возможность сдѣлать попытку къ возрожденію, на

которую не былъ способенъ ни одинъ изъ культовъ Имперіи. Во второмъ, третьемъ и четвертомъ столѣтіяхъ нашей эры эллинизмъ, слившись съ греческой миѳологіей и философіей, сталъ религіозной системой, конкурировавшей своими тауматургическими философами, легендами о Пиѳагорѣ и Аполлоніи съ христіанствомъ и эта конкуренція, хотя она и была безсильна, все же явилась самымъ опаснымъ препятствіемъ встрѣченнымъ на своемъ пути религіей Іисуса.

Половина перваго столѣтія была одной изъ худшихъ эпохъ древней исторіи. Греческое и римское общества находились въ упадкѣ. Религіозныя вѣрованія народа были потрясены. Никогда никакое столѣтіе не являло еще подобной борьбы между добромъ и зломъ. Зло—это былъ ужасный деспотъ передавшій міръ злодѣямъ и безумцамъ, это былъ развратъ, внесенный въ Римъ съ Востока, это былъ недостатокъ въ хорошей религіи. Добро—это была философія, боровшаяся съ обнаженной грудью противъ тирановъ, это были усилія народной добродѣтели, законное стремленіе къ лучшему религіозному положенію, стремленіе къ братству, къ монотеистическимъ культамъ, реабилитація бѣдняка, которыя главнымъ образомъ проявляются подъ покровомъ іудейства и христіанства бывшими далеко отъ взаимнаго согласія. Философская и христіанская партіи совершенно не знали другъ друга и онѣ такъ мало сознавали общность своихъ стремленій. что когда первая достигла власти при вошествіи на престолъ Нервы, она оказала покровительство христіанству. Правда

стремленія христіанъ были гораздо радикальнѣе. Стоики, господа имперіи, реформировали ее въ самое прекрасное столѣтіе человѣческой исторіи. Христіанамъ, господамъ имперіи со времени Константина, суждено было окончательно ее разрушить. Геройство однихъ не можетъ насъ заставить забыть геройство другихъ. Въ сопротивленіи, оказанномъ философіей въ первомъ столѣтіи, было столько же величія, сколько и въ сопротивленіи христіанства. И награда здѣсь была совершенно иная, чѣмъ тамъ. Мученикъ, свалившій ударомъ ноги идола, имѣетъ свою легенду. Почему же Аннею, сказавшему Нерону, что сочиненія его не могутъ быть сравнимы съ сочиненіями Хризиппа, Гельвидію, сказавшему Веспассіану: „Ты можешь убить меня, а я могу умереть“, Деметрію Цинику, отвѣтившему разгнѣванному Нерону: „Ты угрожаешь мнѣ смертью, но и природа угрожаетъ тебѣ тѣмъ же самымъ:“— не поставлены памятники на ряду съ народными героями?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Религіозное законодательство.

Какъ ни была враждебна Имперія въ первомъ столѣтіи къ внесеннымъ съ Востока новшествамъ, все же она не упорно боролась съ ними. Принципъ государственной религіи поддерживался очень вяло. При республикѣ чуждые культы по-

вергались стѣсненіямъ подъ различными предлогами, но это было тщетно, такъ какъ народъ чувствовалъ къ нимъ неудержимое влеченіе. Когда въ 535 году римской эры былъ отданъ приказъ разрушить храмъ Изиды и Сераписа, не нашлось ни одного рабочаго, готоваго исполнить это приказаніе, и консулъ оказался вынужденнымъ самъ разрушить дверь ударами топора! Ясно, что латинскій культъ не могъ больше удовлетворить толпу. Не безъ основанія утверждаютъ, что Цезарь снова ввелъ культъ Изиды и Сераписа для того только, чтобы польстить народнымъ инстинктамъ.

Этотъ великій человѣкъ съ присущимъ ему глубокимъ пониманіемъ относился благопріятно къ полной свободѣ совѣсти. Августъ былъ болѣе привязанъ къ національной религіи. Онъ питалъ отвращеніе къ восточнымъ культамъ и даже запретилъ распространеніе египетскихъ церемоній въ Италіи, но все же онъ хотѣлъ, чтобы каждый культъ, въ особенности іудейскій, былъ вполнѣ независимъ. Онъ освободилъ іудеевъ отъ всего, что могло оскорблять ихъ религіозное чувство, въ особенности отъ необходимости дѣлать что либо въ субботу. Нѣкоторыя окружавшія его лица были менѣе терпимы и желали сдѣлать изъ него религіознаго гонителя всѣхъ культовъ, конечно кромѣ одного латинскаго. Онъ, повидимому, не слушался этихъ дурныхъ совѣтовъ. Іосифъ говоритъ, что онъ подарилъ Іерусалимскому храму священные сосуды, но въ даномъ случаѣ едва ли можно придавать вѣру его словамъ.

Тиверій первый опредѣленно выставилъ принципъ государственной религіи и принялъ серьезныя мѣры противъ іудейской и восточной пропаганды. Нужно вспомнить, что императоръ былъ также „pontifex maximus“ и что поэтому, защищая древній римскій культъ, онъ выполнялъ только свою обязанность. Калигула уничтожилъ декреты Тиверія. Клавдій видимо подражалъ политикѣ Августа. Въ Римѣ онъ укрѣпилъ латинскій культъ, относился очень враждебно къ успѣхамъ чуждыхъ религій, употреблялъ строгія мѣры противъ іудеевъ и преслѣдовалъ братства. Въ Іудеѣ напротивъ онъ относился благосклонно къ туземцамъ.

Что касается Нерона, то онъ мало интересовался религіей. Его ужасныя гоненія на христіанъ были актами дикой жестокости, но не распоряженіями, основанными на законѣ. Въ провинціяхъ свобода совѣсти была полная, подъ однимъ только условіемъ, чтобы не были оскорбляемы культы другихъ странъ. Единственныя двѣ религіи, которымъ имперія въ первомъ столѣтіи объявила войну—друидизмъ и іудейство, были крѣпостями, въ которыхъ отбивались національности. Каждый былъ убѣжденъ, что іудейство внушаетъ презрѣніе къ гражданскимъ законамъ и равнодушіе къ государственному благу. Въ тѣхъ случаяхъ когда іудейство было просто религіей, оно никакимъ преслѣдованіямъ не подвергалось. Строгости по отношенію къ культу Сераписа объясняются, быть можетъ, его монотеистическимъ характеромъ, благодаря которому его смѣшивали съ іудейскимъ и христіанскимъ культомъ.

Не было опредѣленнаго закона во времена апостоловъ, который запрещалъ бы исповѣданіе монотеистическихъ религій. Эти религіи находились всегда подъ особымъ надзоромъ до сирійскихъ императоровъ, но только начиная съ Траяна, онѣ подвергаются систематическимъ преслѣдованіямъ въ качествѣ враговъ другихъ культовъ, какъ заключающія въ себѣ отрицаніе государства. Однимъ словомъ римская имперія объявила войну въ дѣлахъ религіи одной только теократіи. Имперія держалась принципа свѣтскаго государства, она не позволяла, чтобы религія влекла за собой какіе нибудь политическіе или гражданскіе результаты, она вообще не разрѣшала никакого союза въ государствѣ, который хотѣлъ бы стоять внѣ его. Этотъ послѣдній пунктъ весьма существенъ, въ немъ надо искать причину всѣхъ преслѣдованій. Законъ о братствахъ и религіозная нетерпимость были роковыми причинами насилій, которыя омрачали царствованія даже самыхъ лучшихъ императоровъ.

Въ Римѣ союзы, на подобіе греческихъ союзовъ взаимопомощи, страхованія отъ огня, благотворенія, были сильно стѣсняемы, но тѣмъ большей популярностью пользовались они у бѣдняковъ. Римляне имѣли природную наклонность къ союзамъ, въ особенности къ религіознымъ, но союзы не нравились патриціямъ, охранителямъ государственной власти, которые въ своемъ сухомъ и ограниченномъ пониманіи жизни допускали въ качествѣ соціальныхъ группъ только семью и государство. Образованіе союзовъ было обставлено всякими мѣ-

рами предосторожностями, было ограничиваемо число членовъ, запрещалось имѣть общественную кассу.

Цезарь и Августъ старались воспрепятствовать образованію новыхъ союзовъ „коллегій“ и уничтожить уже существующіе. Изданный, повидимому, при Августѣ декретъ пытался установить границы права собраній и союзовъ. Коллегіи могли существовать только въ качествѣ похоронныхъ кассъ.

Имперія стремилась къ невозможному. Имѣя преувеличенное понятіе о государствѣ, она хотѣла изолировать отдѣльную личность, разорвать моральныя узы между людьми, побороть вполнѣ объяснимое стремленіе рабовъ и бѣдняковъ сплачиваться тѣснымъ кружкомъ. Но не смотря на всѣ усилія государства, братства развивались очень быстро. Являясь похоронными кассами, они давали надежду бѣднякамъ, вносившимъ ежемѣсячно минимальную сумму въ общественную кассу, что послѣ ихъ смерти въ колумбаріумъ поставлена будетъ маленькая урна съ мраморной доской, на которой будетъ стоять ихъ имя. Въ эпоху римской имперіи какъ и нынѣ и какъ во всѣ времена, когда религіозное вѣрованіе пало, уваженіе къ могиламъ было очень велико. Вступали въ коллегію для того, чтобы не быть брошеннымъ послѣ смерти въ общую могилу и для того, чтобы коллегіи позаботились о похоронахъ. Могилы у римлянъ имѣли громадное значеніе. Погребались въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ только родственники или близкіе друзья.

Вотъ почему христіанская община въ Римѣ долгое время выдавала себя за похоронную коллегію, и могилы мучениковъ были первыми хри

стіанскими святынями. Если бы община была только похоронной коллегіей, то она не вызвала бы преслѣдованій. Но она была не только этимъ—у нея была общая касса, она хвалилась, что можетъ удовлетворить всѣ потребности своихъ членовъ, что будущее за ней обезпечено.

Разрѣшеніе коллегій въ Римѣ давалось съ большими затрудненіями, какъ только дѣло шло объ обществахъ съ общей кассой и не исключительно похоронныхъ. Законодатели, создавшіе римское право, какими бы выдающимися юристами они не были, даютъ доказательство незнакомства съ человѣческой природой, такъ какъ они всяческимъ образомъ преслѣдовали людей за ихъ духовныя потребности, даже угрожали имъ смертью и старались всѣми возможными и иногда даже просто дѣтскими средствами поставить ихъ стремленія къ сплоченію въ извѣстныя рамки. Они подобно составителю французскаго гражданскаго кодекса „смотрѣли на жизнь съ мертвеннымъ холодомъ". Если бы жизнь заключалась въ томъ, чтобы существовать, питаться, веселиться по приказанію свыше, то все это было бы очень понятно. Но общество, соглашающееся поставить себя въ эти ложныя и ограниченныя рамки, получаетъ возмездіе: сначала воцаряется скука, а затѣмъ преобладающее значеніе получаютъ религіозныя партіи. Никогда человѣкъ не будетъ въ состояніи дышать въ этой ледяной атмосферѣ, онъ чувствуетъ потребность въ тѣсномъ кружкѣ, въ тѣсномъ общеніи съ другими людьми. Наше абстрактное общество не въ состояніи удовлетворить всѣ общест-

венные инстинкты человѣка. Дайте ему возможность прилѣпиться сердцемъ къ чему нибудь, найти себѣ утѣшеніе, создать себѣ близкую среду. Холодная рука государства не должна касаться этого душевнаго царства, являющагося царствомъ свободы. Настоящая жизнь и веселіе воцарятся въ мірѣ только тогда, когда исчезнетъ наше недовѣріе къ союзамъ, печальное наслѣдіе римскаго права. Союзъ внѣ государства—вотъ главный вопросъ будущаго. Будущій законъ о союзахъ долженъ рѣшить, постигнетъ ли современное общество та же судьба, что и древнее.

Римская имперія связала свою судьбу съ закономъ о коллегіяхъ. Выполняя задачу человѣческаго сознанія, христіане и варвары уничтожили этотъ законъ, и имперія, цѣплявшаяся за него, погибла вмѣстѣ съ нимъ.

Греческій и римскій міръ, языческій міръ, не знавшій что такое священникъ, не имѣвшій ни божественнаго закона, ни откровенной книги, затронулъ этимъ самымъ проблему, разрѣшить которую онъ былъ не въ силахъ. Если бы онъ имѣлъ священниковъ, теологію, сильно развитую религію, то онъ не создалъ бы свѣтскаго государства, не ввелъ принципъ раціональнаго общества, основаннаго на простыхъ человѣческихъ потребностяхъ и на естественныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ. Религіозное паденіе грековъ и римлянъ было слѣдствіемъ ихъ политическаго и интеллектуальнаго превосходства. Напротивъ религіозное паденіе іудейскаго народа было причиной его политическаго и философскаго паденія. Іудейство и первобытное христіан-

заключали въ себѣ отрицаніе или скорѣе стремленіе высвободиться изъ опеки гражданскаго государства. Подобно магометанству они создали общество на основѣ религіи, съ помощью которой можно было создать религіозныя установленія апостоловъ, исходившихъ вдоль и поперекъ весь міръ для обращенія невѣрующихъ, но нельзя было конечно создать ни политическихъ учрежденій, ни національной независимости, ни династіи, ни закона, ни народа.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Будущность христіанской миссіи.

Таково было положеніе міра, который хотѣли покорить христіанскіе миссіонеры. Теперь ясно видно, что подобное предпріятіе не было безуміемъ и что успѣхъ его не былъ чудомъ. Міръ былъ полонъ моральныхъ требованій, которыя новая религія могла вполнѣ удовлетворить. Нравы смягчились, стремились къ болѣе чистому культу, понятія о человѣческихъ правахъ, идеи о соціальномъ прогрессѣ стали вездѣ возникать. Съ другой стороны легковѣріе дошло до крайней степени, число образованныхъ людей было очень незначительно. Когда въ подобный міръ выйдутъ полные рвенія апостолы евреи, значитъ монотеисты, ученики Іисуса, значитъ люди, возвѣщающіе самую кроткую мораль, которую когда либо слышалъ міръ, несомнѣнно, къ ихъ рѣчамъ должны будутъ прислушаться. Мечта-

нія примѣшивающіяся къ ихъ благовѣствованію, не будутъ препятствовать ихъ успѣху; число людей, не вѣрящихъ въ сверхъестественное, въ чудеса, очень ограниченно. Тѣмъ лучше, если апостолы низкаго происхожденія и бѣдны. Человѣчество можетъ быть спасено только силой народа. Старыя языческія религіи не способны на реформы, римское государство является такимъ, какимъ всегда будетъ являться государство: сухимъ, неподвижнымъ, строгимъ, жестокимъ. Въ этомъ мірѣ, который погибъ бы отъ недостатка любви, будущность принадлежитъ тому, который найдетъ живой источникъ народнаго благочестія. Ни греческій либерализмъ, ни римская строгость не способны на это.

Съ этой точки зрѣнія, христіанство—величайшее твореніе, созданное когда либо людьми изъ народа. Очень скоро къ церкви присоединились и члены знатныхъ римскихъ фамилій. Флавій Клементъ и Флавія Домицилла являются нагляднымъ доказательствомъ того, что къ концу перваго столѣтія христіанство почти проникаетъ во дворецъ цезаря. Со времени первыхъ Антонидовъ, въ общинѣ было много богатыхъ людей. Къ концу второго вѣка къ христіанской общинѣ принадлежали многіе изъ самыхъ выдающихся личностей имперіи. Но вначалѣ, всѣ или почти всѣ члены общины были низкаго происхожденія. Въ самыхъ древнихъ общинахъ, точно также и въ Галилеѣ, среди окружающихъ Іисуса, мы не находимъ знатныхъ, вліятельныхъ лицъ. Первые христіане были главнымъ образомъ бѣдняками. Ихъ такъ и называли. Впослѣдствіи не всѣ христіане были рабами

людьми низшихъ слоевъ, но и христіане и рабы занимали въ обществѣ одно и тоже положеніе. Что говорили объ одномъ, относилось и къ другому; и тутъ и тамъ добродѣтелями считались доброта, кротость, смиреніе.

Развитіе христіанства находится въ связи съ подавленіемъ политической жизни въ области Средиземнаго моря. Христіанство возникло и распространилось въ эпоху, когда не существовало отечества. Если что и недоставало основателямъ церкви, такъ это только патріотизма, но они не были космополитами, такъ какъ вся планета была для нихъ мѣстомъ изгнанія; они были идеалистами въ полномъ смыслѣ этого слова. Отечество состоитъ изъ тѣла и души. Душа—это общія воспоминанія, обычаи, легенды, неудачи, надежды, тѣло—это особенности почвы, расы, языка, горъ, рѣкъ. Никто не могъ быть болѣе свободенъ отъ всего этого, чѣмъ первые христіане. Они нисколько не привязаны къ Іудеѣ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ они уже забываютъ Галилею, къ славѣ Греціи и Рима они совершенно равнодушны. Мѣстности, гдѣ укрѣпилось сначала христіанство, Сирія, Кипръ, Малая Азія, не помнили даже, когда онѣ были свободны. Правда, Греція и Римъ обладали сильно развитымъ національнымъ чувствомъ, но въ Римѣ патріотизмъ существовалъ только въ войскѣ и въ нѣкоторыхъ семьяхъ. Въ Греціи христіанство процвѣтало только въ Коринѳѣ. Городъ этотъ былъ разрушенъ Муміемъ и затѣмъ отстроенъ Цезаремъ, и уже являлся не греческимъ, а космополитическимъ го-

ромъ. Собственно греческіе города, которые тогда

какъ и теперь ревниво хранили воспоминанія о своемъ прошломъ, обращали очень мало вниманія на новую вѣру. Напротивъ того, изнѣженныя, сластолюбивыя страны Востока не имѣли традицій, и тамъ то образовались самыя древнія метрополіи христіанства, какъ Антіохія, Эфесъ, Өессалоника, Коринөъ, Римъ, которыя являлись конгломератомъ людей различныхъ расъ.

Христіанство было выраженіемъ соціальныхъ и религіозныхъ идей, которое слѣдовало ждать съ тѣхъ поръ, какъ Августъ положилъ конецъ политической борьбѣ. Міровые культы, какъ исламъ, христіанство, въ сущности говоря, являются врагами національностей. Петребовались столѣтія для основанія національныхъ церквей съ религіей, которая съ самаго начала была отрицаніемъ земного отечества, которая создалась въ то время, когда не существовало больше свободныхъ государствъ и гражданственности, которая навѣрно считалась бы древними грубыми и мощными республиками Италіи и Греціи, смертоноснымъ ядомъ для государства.

Это было одной изъ причинъ величія культа. Человѣчество—это нѣчто разнообразное, измѣняющее, оживленное самыми противорѣчивыми желаніями. Велико отечество и священны герои Мараөона, Өермопилъ, Вальми и Флерюса. Но отечество не только здѣсь на землѣ. Прежде, чѣмъ быть французомъ или нѣмцемъ всякій является человѣкомъ и сыномъ Божіимъ. Царство Божіе, вѣчная мечта человѣка, есть протестъ противъ всего того, что-есть въ патріотизмѣ слишкомъ исключительнаго. Мысль объ организаціи человѣчества для ве-

чайшаго его счастья и моральнаго усовершенствованія, мысль христіанская и обоснованная. Государство знаетъ только одно и можетъ только одно знать: организовывать эгоимъ. Это очень много, такъ какъ эгоизмъ самое могущественное и осязательное человѣческое побужденіе, но этого недостаточно. Правительства, исходившія изъ мысли, что главную роль въ человѣческой дѣятельности играютъ стремленія матерьяльныя, всегда ошибались. Человѣкъ благородной расы такъ же способенъ отдаваться всецѣло какъ и быть эгоистомъ. А организація этой способности отдаваться и есть религіи.

Не нужно останавливаться на нѣкоторыхъ чертахъ событій исторіи христіанства, которыя могутъ намъ казаться странными благодаря тому, что они происходили много лѣтъ тому назадъ. Когда дѣло идетъ о народной вѣрѣ, будетъ всегда громадное несоотвѣтствіе между величіемъ идеальной цѣли, къ которой стремится вѣра и мелочностью матерьяльныхъ фактовъ. Отсюда та особенность, что въ исторіи религіи отдѣльные факты, граничащіе съ глупостью, могутъ переплетаться съ самыми величественными дѣйствіями. Нѣтъ ничего относительнѣе слова глупость примѣнительно къ прошлому человѣческаго духа. Если исходить изъ современныхъ взглядовъ, то каждый пророкъ, апостолъ, святой долженъ былъ бы быть помѣщенъ въ сумасшедшій домъ.

И нашъ вѣкъ былъ свидѣтелемъ религіозныхъ движеній, не менѣе замѣчательныхъ, движеній, вызвавшихъ такое же одушевленіе, имѣю-

щихъ относительно больше мучениковъ и будущность которыхъ еще не опредѣлена.

Я не говорю о мормонахъ, сектѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь глупой и отвратительной, что о ней почти нельзя говорить серьезно. Но очень поучительно видѣть какъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, тысячи людей нашей расы слѣпо вѣруютъ въ чудеса. Существуетъ цѣлая литература, стремящаяся доказать связь мормонизма съ наукой, но больше того, эта основанная на глупомъ обманѣ религія сумѣла вызвать бездну терпѣнія и самоотрицанія въ средѣ ея приверженцевъ. Черезъ пятьсотъ лѣтъ, можетъ быть ученые захотятъ доказать ея божественность чудесностью ея основанія.

Бабизмъ въ Персіи былъ въ другомъ родѣ замѣчательнымъ явленіемъ. Тихій, безотвѣтный человѣкъ, какъ бы благочестивый, разумный Спиноза, почти противъ своей воли былъ возведенъ въ чудотворцы и сдѣлался главой многочисленной и фанатической секты, чуть не вызвавшей переворотъ подобный исламу. Тысячи мучениковъ съ радостью принимали смерть. Нѣтъ въ міровой исторіи дня равнаго тому дню, когда въ Тегеранѣ произошла ужасная рѣзня бабистовъ.

„Въ этотъ день, говоритъ Гобино въ своей книгѣ „Религія центральной Азіи“, на улицахъ и базарахъ Тегерана разыгралась драма, которую населеніе никогда не забудетъ. Еще сегодня, когда заходитъ объ этомъ рѣчь, видно съ какимъ чувствомъ ужаса смѣшаннаго съ восхищеніемъ отнеслась къ этому масса и какъ это чувство съ годами не пропало.

Среди палачей шли дѣти и женщины, на обнаженныхъ тѣлахъ которыхъ зіяли кровавыя раны съ горящей въ нихъ паклей. Жертвъ влекли веревками и подгоняли ихъ кнутами. Дѣти и женщины пѣли стихъ: Мы пришли отъ бога и возвращаемся къ нему". Голоса ихъ громко раздавались среди глубокаго молчанія толпы. Нѣкоторыя дѣти дорогою умерли. Палачи бросали ихъ тѣла къ ногамъ отцовъ и сестеръ, которые шагали черезъ нихъ, едва бросивъ на нихъ взглядъ. Когда жертвы приведены были къ мѣсту казни, имъ предложена была жизнь, если они откажутся отъ своей вѣры. Одинъ изъ палачей крикнулъ одному отцу, что онъ перерѣжетъ горло обоимъ его сыновьямъ у него на груди, еели онъ не откажется отъ своей вѣры. Оба мальчика, изъ которыхъ старшему было не больше 14 лѣтъ, спокойно слушали эти рѣчи залитые собственною кровью. Отецъ бросился на землю, воскликнулъ, что онъ готовъ умереть, тогда какъ старшій мальчикъ требовалъ, чтобы его какъ старшаго убили первымъ. Наконецъ все кончилось. Ночь окутала своимъ покровомъ кучу безжизненныхъ тѣлъ. Головы были посажены на колья и собаки предмѣстья сбѣгались цѣлыми стаями".

Это произошло въ 1852 году. Приверженцы секты Маздака подвергались такой же кровавой рѣзнѣ въ царствованіе Хозроя Нуширвана. Между бабистами были люди едва только вступившіе въ секту и предававшіе себя въ руки властей для того только, чтобы воспріять вмѣстѣ съ другими мученія. Пострадать за что нибудь является такимъ наслажденіемъ для человѣка, что во многихъ слу-

чаяхъ, одной возможности претерпѣть мученія довольно для того, чтобы возбудить въ сердцѣ человѣка вѣру. Ученикъ Баба, повѣшенный рядомъ съ нимъ на валу Тавриза, передъ смертью могъ только сказать одно: „Доволенъ ли ты мною учитель?“

Сожженія на кострахъ были загадкой для нашего столѣтія, для котораго убѣжденія каждаго человѣка не являются непреложными. Наши мнѣнія всегда измѣняются, во первыхъ, потому. что міръ измѣняется, во вторыхъ потому, что измѣняется и способъ обсужденія. Мы вѣримъ одновременно во многое. Мы любимъ справедливость и истину-за нихъ мы готовы пожертвовать жизнью, но мы не утверждаемъ что онѣ свойствены одной только сектѣ или партіи.

Кто не останавливался у подножья колосальныхъ памятниковъ вѣры нашихъ модернизованныхъ древнихъ городовъ? Кругомъ все измѣнилось, не осталось и слѣда отъ прежняго, только сохранился одинъ соборъ, можетъ быть немного поврежденный тамъ, гдѣ могла добраться человѣческая рука, но за-то глубоко осѣвшій въ землю. Его массивность— его право. Онъ противосталъ теченію, унесшему все вокругъ него. Ни одинъ изъ людей прежнихъ временъ не нашелъ бы мѣста на которомъ стоялъ когда то его домъ. Только жилище ворона свившего себѣ гнѣздо на вершинѣ священнаго зданія никогда не было разрушаемо.

Мы все еще во власти этихъ мучениковъ, этихъ грубыхъ вновь обращеныхъ, этихъ морскихъ пиратовъ, создателей церкви. Мы христіане, потому что имъ было угодно стать христіанамъ. Подобно тому,

какъ въ политикѣ только варварскія учрежденія обречены на длительное существованіе, точно также и въ религіи только внѣзапныя и, если такъ можно назвать, фанатическія движенія таятъ въ себѣ зародыши дальнѣйшаго развитія. Это происходитъ отъ того, что религіи создаются исключительно народомъ. Ихъ успѣхъ не зависитъ отъ болѣе или менѣе удачныхъ доказательствъ ихъ божественности, а скорѣе отъ того, что онѣ говорятъ сердцу народа.

Слѣдуетъ ли изъ того, что религіи осуждены на постепенное исчезновеніе подобно народнымъ заблужденіямъ—вѣрѣ въ магію, колдовство и заклинаніе духовъ? Религія не есть народное заблужденіе, она великая инстинктивная истина, признанная народомъ. Всѣ символы, служащіе для выраженія религіознаго чувства, несовершенны и осуждены на полное исчезновеніе. Но совершенно ложно представленіе нѣкоторыхъ людей воображающихъ, что человѣчество, когда оно достигнетъ совершенства, можетъ существовать безъ религіи. Нужно признать совершено противоположное, Китай населеніе котораго находится на низкой степени развитія, почти не имѣетъ никакой религіи. Если предположить планету, человѣчество которой имѣло бы вдвое большую интелектуальную, моральную, физическую силу, чѣмъ наше человѣчество, то оно было бы по крайней мѣрѣ въ два раза религіознѣе чѣмъ мы. Я говорю „по крайней мѣрѣ“, такъ какъ вѣроятно, что религіозныя способности развивались бы гораздо скорѣе интелектуальныхъ. Если взять въ десять разъ сильнѣйшее человѣчество, чѣмъ

наше, оно будетъ безконечно религіознѣе. Чѣмъ менѣе въ человѣкѣ животныхъ инстинктовъ, тѣмъ менѣе въ немъ эгоизма. Совершенное существо совершенно не будетъ эгоистомъ, оно будетъ глубоко религіозно, проникнуто религіозностью. Усовершенствованіе повлечетъ поэтому за собой усиленіе религіи, а не ослабленіе ея или исчезновеніе.

Но теперь пора вернуться къ тремъ миссіонерамъ, Павлу, Варнавѣ, Іоанну и Марку которыхъ мы оставили въ тотъ моментъ, когда они покидали Антіохію. Въ моей третьей книгѣ я попытаюсь прослѣдовать всюду за этими вѣстниками „благой вѣсти“. Начинается великая христіанская Одиссея.

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются

НОВЫЯ КНИГИ:

Альмерасъ Генри, Alma Mater. Романъ перев. *Ѳ. Н. Латернера*. Спб. 1905 г. Ц. **75** к.

Баранцевичъ, К. С. Изгарь. (Старое и новое). Повѣсти и разсказы. Спб. 1905 г. Ц. **1** р.

Его-же. Символическіе разсказы. Спб. 1904 г. Ц. **75** к.

Его-же. Кровь. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. **1** р.

Его-же. Юмористическій сборникъ. Маленькіе разсказы. Изд. 4-е. Спб. 1902 г. Ц. **60** к.

Его-же. Флиртъ и др. разсказы. Изд. 2-е Спб. 1901 г. Ц. **1** р.

Бильзе, Лейтенантъ. Изъ жизни маленькаго гарнизона. Картины германской военной жизни. Переводъ *Ѳ. Н. Латернера*. Изд. 4-е Спб. 1906 г. Ц. **1** р.

Герштекеръ, Фридрихъ. Сыщикъ. Романъ. Спб. 1904 г. Ц. **50** к.

Джеромъ К. Джеромъ. Какъ мы вчетверомъ писали романъ (Novel Notes), перев. съ англійск. *А. С. Шестакова*. Спб. 1904 г. Ц. **1** р.

Дункеръ Дора. Падшая женщина. Романъ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1906 г. Ц. **1** р.

Заринъ, А. Е. Живой мертвецъ. Историческій романъ временъ Императора Павла I. Спб. 1904 г. Ц. **1** р.

Конанъ-Дойль. Воскресшій Шерлокъ Холмсъ. Новые мемуары извѣстнаго сыщика. Т. I. Перев. съ англійск. *В. А. Магской*. Спб. 1905 г. Ц. **1** р.

Его-же. Тоже, т. II. Спб. 1905 г. Ц. **1** р.

Его-же. Мемуары Шерлока Холмса. Т. I. Перев. съ англійск. *В. А. Магской*. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. **85** к.

Его-же. Тоже, т. II. Спб. 1906 г. Ц. **75** к.

Его-же. Приключенія Этьена Жерара. Переводъ съ англійск. *В. А. Магской*. Спб. 1904 г. Ц. **1** р.

Косоротовъ, А. И. Весенній потокъ Драмат. этюдъ въ 4-хъ дѣйств. и Княжна Зоренька. Драм. фантазія въ стихахъ. Спб. 1905 г. Ц. **60** к.

Лухманова, Н. А. Въ волшебной странѣ пѣсенъ и нищеты. Очеркъ Италіи, съ рисунками. Спб. 189[illegible] Ц. **1** р.

Ея-же. Спутникъ женщины. Настольная книга для интеллигентныхъ женщинъ. Ц. **1** р., въ изящн. коленкор. переплетѣ **1** р. **50** к.

Мейеръ-Ферстеръ. Наслѣдный принцъ. Романъ съ 52 рисунками художника *Вальда.* Перев. съ нѣмец. *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1903 г. Ц. **1** р.

Миссъ Флора (псевдонимъ). Тѣ, которыхъ мы любимъ. Разсказы о женщинахъ. Спб. 1905 г. Ц. **40** к.

Молчановъ, А. Н. Царство рулетки. Очерки Монако съ рисунками. Спб. 1895 г. Ц. **35** к.

Мопассанъ, де-Гюи. Отецъ Милонъ. Сборникъ новыхъ разсказовъ. Перев. съ франц. *Н. М. Гарвей.* Спб. 1906 г. Ц. **75** к.

Его-же. Коробейникъ. Второй сборникъ разсказовъ. Перев. съ франц. *Надежды Гарвей.* Спб. 1905 г. Ц. **85** к.

Нимань Августъ. Міровая война. (Фантазіи германца) романъ. Переводъ *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1905 г. Ц. **85** к.

Плетневъ А. Типы и картинки Парижской жизни. Спб. 1902 г. Ц. **1** р.

Поленцъ фонъ Вильгельмъ. Страна будущаго. Очерки Америки. Переводъ съ нѣмецкаго *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1904 г. Ц. **75** к.

Прево Марсель. Желтое домино. Le domino jaune. Перев. *Н. Малоземова.* Спб. 1904 г. Ц. **60** к.

Его-же. Княгиня д'Эрменжъ. Романъ. Перев. съ франц. *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1906 г. Ц. **1** р.

Процессъ лейтенанта Бильзе. По поводу его книги *„Изъ жизни маленькаго гарнизона“.* Стенографическій отчетъ судебнаго разбирательства въ Мецкомъ военномъ судѣ. Перев. *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1904 г. Ц. **25** к.

Редонъ, Шарль. Съ каторги. Записки невинно-осужденнаго. Переводъ съ франц. *Ѳ. Н. Латернера.* Спб. 1905 г. Ц. **85** к.

Сафоновъ, С. А. (Сергѣй Печеринъ). Мура. Романъ. Спб. 1905 г. Ц. **75**.

Сѣдой, А. (А. П. Чеховъ). Хорошо жить на свѣтѣ!.. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. **1** р.